

В. БАРБОЛИН

**НЕЗАБЫВАЕМЫЙ
РЫБАЧИЙ**

ВОИНАМ 135-го СРЕЛКОВОГО ПОЛКА
254-й БРИГАДЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ —
ЖИВЫМ И ПАВШИМ
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

В. БАРБОЛИН

★ **НЕЗАБЫВАЕМЫЙ
РЫБАЧИЙ**

Дорогому и любимому внуку
Всестятой Михаилу Геннадьевичу
от дедушки на вечную память
храм в дедовых их дачах, воспомин
их трудную жизнь в борьбе за родину
надеюсь продолжит потомки дедов.
твой любимый дед В. Барболин. 18.12.1981г.

28-03-81г. Умер.

МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

9(с)27+9(с12 Мурм.)
ББК: 63.3(2Р31—4 Мурм.)+63.3(2)722

Рецензенты:

А. Д. Гальченко — председатель президиума Мурманской секции Советского комитета ветеранов войны, полковник в отставке, участник обороны Рыбачьего;

М. Х. Бурмистров — подполковник запаса, участник обороны Рыбачьего.

Литературная запись С. И. Полозова

Художник В. Б. Чернов

Барболин В. П.

Б 24 Незабываемый Рыбачий. — Мурманск: Кн. изд-во, 1980. — 160 с, ил.

Автор, участник обороны полуостровов Среднего и Рыбачьего в годы Великой Отечественной войны, ведет рассказ о героических действиях подразделений 135-го стрелкового полка, принявших на себя первые удары гитлеровцев, остановивших врага и отбросивших их на Муста-Гунтури.

9(с)27+9(с12 Мурм.)
ББК: 63.3(2Р31— 4 Мурм.)+63.3(2)722

Б $\frac{11202-29}{M150(03)-80}$ 02-80 ИБ № 244

Мурманское книжное издательство, 1980

ОТ АВТОРА

Много лет назад солдатские пути-дороги привели меня в Заполярье. Там я проходил службу в 135-м полку 14-й стрелковой дивизии, которая в составе 14-й армии участвовала в боях с белофиннами во время финляндско-советского конфликта. Когда началась Великая Отечественная война, там, на подступах к Рыбачьему, я, командуя отрядом разведчиков полка, принял первый бой с фашистами. Там, до направления на учебу, тридцать четыре месяца воевал.

Рыбачий оставил неизгладимый след в моей жизни, да и не только в моей. Кто воевал на скалистых кручах Муста-Тунтури, никогда не забудет ожесточенных схваток с врагом и в круглосуточные летние дни, и во мраке полярной ночи. Кажется, время многое стерло в нашей памяти. Многое, но, к счастью, далеко не все. И сейчас, вспоминая Рыбачий, ясно, как будто все было вчера, вижу Муста-Тунтури: обрывистые скалы, солдаты, идущие на смерть, пороховой дым, сползающий по уступам сопок, явственно слышу стрекот пулеметов, визг проносящихся над головою мин, грохот взрывов...

Не пугала нас тогда смерть — кто был в бою, кто пережил яростный накал атак, тот подтвердит это. Уйдя в отставку из Вооруженных Сил, я принялся за восстановление записей о днях и ночах Рыбачьего. К сожалению, человеческая память не идеальное хранилище, многие детали забылись. Тогда я начал поиски своих однополчан. Они охотно откликнулись и с их помощью мне удалось многое восстановить.

Эта книга в основном о войнах 135-го стрелкового полка. Если я пишу и о других частях 23-го укрепленного района, то

В. П. Барболин

только в тех случаях, когда они взаимодействовали с нами; книга строго документальна, в ней ничего придуманного нет. В ней описаны только те события, участником или свидетелем которых был я сам.

Я не претендую на полный и всесторонний охват хода событий героической обороны Рыбачьего. И думаю, что это не по силам одному человеку. Надеюсь, что ветераны Рыбачьего, прочитав эти воспоминания, не будут ко мне в претензии, если я что-то упустил или кого-то не упомянул.

Некоторые эпизоды дополнены краткими воспоминаниями бывших командиров 2-й и 3-й батарей 241-го гаубичного артиллерийского полка А. И. Селиверстова и А. Д. Белоуса, бывшего начальника штаба 1-го дивизиона этого полка М. Х. Бурмистрова, бывшего политрука 1-й роты 135-го стрелкового полка В. Е. Горбунова и бывшего командира 5-й роты П. В. Максимова.

Большую помощь в уточнении многих событий и фактов мне оказали бывший командир «сводной» батареи 104-го артполка Я. Д. Скробов, бывший начальник штаба 2-го батальона 135-го полка А. П. Калугин, бывшие командиры пулеметных взводов Г. В. Копничев и А. М. Зубарев, бывший политрук 6-й роты А. Р. Фокин, бывший заместитель командира роты разведки 254-й бригады морской пехоты В. Ф. Ельчанинов и многие другие. Выражаю им за это свою глубокую признательность.

Я очень благодарен также ветерану обороны Рыбачьего С. И. Полозову за литературную обработку моих воспоминаний.

• МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

1939 год. И на западе и на востоке пахло порохом. Дело шло ко второй мировой войне. Гитлеровская Германия, захватив Австрию и Чехословакию, продвигала свои войска ближе к нашим границам. На очереди была Польша. На востоке шли бои с японцами у Халхин-Гола.

30 ноября 1939 года, после провокационного обстрела наших частей, началась война с белофиннами: 14-я стрелковая дивизия под командованием комбрига Л. Л. Журбы приняла участие в боях на Мурманском Направлении, 95-й стрелковый полк при поддержке подраделений 135-ГО полка овладел древним русским городом Печенга (Петсамо).

Командир нашего 2-го батальона капитан А. Рытов Приказал мне отобрать лучших лыжников и сформирован) из них отряд.

Паш отряд нес патрульную и разведывательную службу и Прифронтовой полосе, вступая в схватки с финскими лыжниками. Обычно белофинны небольшими группами просачивались между стыками наших частей и нападали на наши тылы и обозы, стремясь посеять панику. Мы отбивали эти наскоки, истребляя вражеских автоматчиков.

12 марта 1940 года с Финляндией был подписан мирный договор. Печенгская область второй раз была уступлена Финляндии, но граница километров на десять перемещалась на запад, и к нам отходило западное побережье полуостровов Средний и Рыбачий.

135-й стрелковый полк был замыкающим при отводе наших войск из Печенги.

Весной 1940 года наш полк был погружен на морские суда и перевезен на Рыбачий. Для усиления его сюда прибыл 1-й дивизион 241-го гаубичного артиллерийского полка нашей 14-й дивизии. На полуостровах уже дислоцировались штаб и два дивизиона 104-го артиллерийского полка и заставы 100-го пограничного отряда. На эти части и возлагалась оборона Рыбачьего.

Штаб 135-го полка и некоторые его подразделения расположились в Эйно.

Все поражало нас на полуостровах. Громады скалистых обрывистых сопок, несмотря на весеннее время покрытые снегом, мрачно дыбились вокруг. Низкорослые кустики полярной березки и ивы только начинали зеленеть на пригорках, а в лощинах и ущельях еще полно было снегу. Бурно шумящие ручьи несли холодную и прозрачную воду в заливы. А главное — солнце, не сходящее с небосвода почти круглые сутки. Все дышало мощью и величием.

Наш 2-й стрелковый батальон прибыл, прямо скажу, буквально на голое место. Сразу же приступили к установке больших палаток. Вместо капитана А. Рытова, убитого к новому месту службы, командиром батальона был назначен капитан Николай Николаевич Бежи-ташвили.

Меня вызвал комбат и сказал:

— Лыжный отряд, которым вы командовали в финскую кампанию, расформировывать не будем. Оставим его внештатным взводом разведки. Приступайте к боевой подготовке.

В первую очередь надо было как следует разведать окружающую местность. За перешейком, на самом берегу залива, располагалась небольшая высота, обозначенная на карте отметкой 40,1. Мы осмотрели ее в первый день и двинулись на запад. Вот Безымянная, а несколько южнее высота 122,0. Голые скалы, огромные валуны, мелкая россыпь камней. Кое-где в долинах ручейков — низкорослый кустарник, островки мха и травы. Что и говорить, неприветливая земля.

Километрах в двух, западнее Кутовой, начинаются отроги хребта Муста-Тунтури. Он тянется почти на четыре километра и крутыми утесами обрывается недалеко от губы Малая Волоковая. Между хребтом и полуостровом Средним лежит ровная низменная равнина, поросшая полярным березняком и ивняком. Под лучами незаходящего солнца на ней сверкает гладь трех озер. Передышка. Мы сидим и курим на вершине сопки Малая Муста-Тунтури, с любопытством рассматриваем открывшуюся перед нами панораму местности и обмениваемся впечатлениями.

Тишина. Только изредка доносится крик чаек над Кутовой. И снова в путь.

Последние дни были заняты изучением Средней и Большой сопки хребта. Эти высоты круто обрываются в сторону Среднего, и спускаться с них трудно. Особенно неприступной оказалась Большая Муста-Тунтури. Довольно легко поднявшись на ее вершину со стороны Средней, я решил, чтобы ускорить возвращение, спуститься прямо на равнину. Начинаем спуск, страхуя друг друга. Небольшая ровная площадка двадцатиметровым уступом обрывается вниз. Дальше пути нет.

Приходится возвращаться на вершину. Усталые, с трудом карабкаемся вверх и идем дальше в поисках подходящего спуска. Вот, кажется, то, что надо. Начинаем спускаться. И опять неудача — уступ с крутым, метров тридцать, обрывом. Снова поднимаемся. Наконец обнаруживаем узкое и довольно крутое ущелье. С трудом спускаемся по нему к подножию Большой Муста-Тунтури.

Не думали мы тогда, что это лазанье по скалам и обрывам хребта поможет нам в годы войны. Мечтали лишь об отдыхе.

К ужину взвод опоздал. Капитан Бежиташвили, выслушав мое объяснение, сказал:

— Впредь занятия надо точно рассчитывать. Никаких оправданий принимать не буду.

Вот так мы и жили: занятия по тактике, стрельбы, политинформации, строительство землянок. Шесть дней в неделю личный состав был занят от побудки до отбоя. Первые выходные отдыхали, вернее просто бездельничали, но потом пристрастились к рыбной ловле.

Наши умельцы изготовили из толстой проволоки крючки, на блесны пошли алюминиевые ложки. И вот первый «пробный» выход на лов. На берегу собрались болельщики. «Рыбаки» сели в шлюпки и отошли подальше от берега. Все с любопытством смотрели — что выйдет из этой затеи.

Погода была теплая, ярко светило солнце, легкий ветерок чуть рябил поверхность залива. Болельщики спорили о методах лова, предлагая самые необыкновенные способы.

— Поймали! — пронеслось по берегу.

На одной из шлюпок «ловец» стоя показывал крупную рыбу. Через час рыбаки сошли на берег и доставили килограммов десять мелкой трески. Только одна рыба выделялась своими размерами. Снарядили вторую

партию. На этот раз добыча была богаче — килограммов двадцать.

Капитан Бежиташвили, осмотрев рыбу, распорядился:

— Сдать в офицерскую столовую. На батальон слишком мало.

И в следующие выходные, если погода благоприятствовала, мы занимались рыбной ловлей. В иные дни уловы достигали ста килограммов, и тогда в меню солдатской столовой появлялась свежая жареная треска.

В это время шла демаркация новой советско-финской границы. В один из дней, проводя занятия по тактике, на берегу Малой Волоковой я обнаружил лежащие на земле и плавающие в воде деревянные брусья. Со строительными материалами у нас было туго, и у меня мелькнула мысль доставить этот лесоматериал в батальон. Но как?

Ко мне подошел лейтенант в форме пограничника.

— Начальник шестой погранзаставы лейтенант Непышный, — представился он. — Чем занимаетесь?

— Командир взвода разведки младший лейтенант Барболин. Занимались тактикой. Вот думаю, как этот стройматериал доставить в батальон. Откуда он?

— В финскую потопили транспорт с лесом. Вот его и прибывает волнами к берегу.

Так я познакомился с Семеном Непышным. Потом мы с ним подружились. В первые дни войны он оказался в отпуске. Возвратившись на Средний, Непышный с бойцами своей заставы принял участие в боях на хребте Муста-Тунтури и погиб.

Ко мне подошел красноармеец моего взвода и доложил:

— Товарищ младший лейтенант, до армии я был сплавщиком леса. Хорошо бы эту древесину сплотить и по воде доставить ближе к батальону.

— Дельная мысль, — обрадовался я. — А ты можешь сплотить?

— Запросто.

И взвод принялся сталкивать брусья в воду и делать из них плоты. Подбирали и плавник. Увлечшись работой, мы не заметили, как течением наш плот понесло на запад. Опомнились, когда финские пограничники пустили ракету. Оказалось, мы пересекли демаркационную линию на море. Что делать? Шел отлив, и течение

несло нас все дальше в открытое море. Мы усиленно гребли, но это мало помогало. Обстановка усложнялась. Смотрим, идет наш сторожевой катер. Взял нас на буксир и доставил к своему берегу. Позднее лейтенант Непышный рассказал, что это он, заметив наше трудное положение, срочно вызвал на помощь катер.

Лес был доставлен в батальон. Из него построили хорошее здание столовой. А мне за самовольно проявленную инициативу и нарушение пограничного режима был объявлен выговор.

Потом офицеры частенько подтрунивали надо мной: — Ну что, Василий Петрович, ты бы еще где-нибудь нашел леса. Казармы неплохо бы построить...

А. А. Журба

Летом 1940 года всех офицеров дивизии вызвали на штабные учения в район Титовки. Командир дивизии генерал-майор Александр Афанасьевич Журба обошел выстроившихся, внимательно осмотрел каждого, поздравился. Мы дружно ответили. Генерал был среднего роста, с отличной строевой выправкой.

— Товарищи командиры, — обратился он к нам. — Почти год на западе полыхает война, которая может перерасти во вторую мировую. Военные успехи вскружили головы фашистским генералам. Не удивляйтесь, что я называю вещи своими именами. Фашисты есть фашисты. И хотя наше Советское правительство заключило с Германией договор о ненападении, это не снимает с нас обязанности быть в состоянии постоянной боевой готовности. Чуть больше трех месяцев назад закончилась война с белофиннами, заключен мир. Но финские правители не торопятся точно и своевременно выполнять его условия. По имеющимся у нас данным, немецкие ге-

нералы зачастили с визитами в Финляндию. В феврале этого года там побывал и начальник штаба гитлеровской армии «Норвегия» полковник Бушенхаген. А эта армия находится не так уж далеко от наших границ. Недавно немецкие и финские офицеры посетили Петсамо. Из всего этого мы должны сделать для себя соответствующие выводы.

Затем в дивизии прошли учения на тему «Контратаки по вклинившемуся противнику» с боевой стрельбой из всех видов оружия.

За учениями последовал их разбор. Генерал-майор Журба детально проанализировал ход учений, отметил недостатки. Затем он внимательно выслушал мнения офицеров. Нужно отметить, что наш командир дивизии отличался вежливостью и был необычайно тактичен, внимателен к любому офицеру, какой бы пост тот ни занимал. В то же время был достаточно строг и требователен.

В заключение генерал поставил перед офицерами дивизии задачи, которые предстояло решать в ближайшее время.

— Во всех частях и подразделениях боевую подготовку вести в соответствии с приказом наркома обороны, повысить боеготовность, усилить охрану и наблюдение, — приказал он. — Это в первую очередь. Одновременно необходимо ускоренными темпами строить дороги полевого типа по вероятным направлениям контратак, готовить рубежи развертывания войск для отражения возможных десантов противника с моря и воздуха. Действуйте!

После учений мы разъехались по своим частям. До нашего батальона — около пятнадцати километров. Горная дорога через перевал очень живописна. Постепенно поднимаясь, она петляет между обрывистых скал и десятком небольших озер с удивительно прозрачной и холодной водой. Вся она усыпана камнями разной величины и во многих местах перерезана говорливыми горными ручьями.

Начальник штаба нашего батальона лейтенант А. П. Калугин ехал верхом на своей карей Машке. Мне лошадь по штату положена не была, поэтому пришлось трусить рядом, держась за стремяна. Путь оказался очень трудным, и я, добравшись до места, изрядно устал.

Потянулись обычные армейские будни. В конце июля солнце уже нечадолго спускалось за горизонт, а в августе в ночные часы царствовали сумерки. На сопках и в лощинах появилось много грибов, созрели морошка, черника, голубика. С занятий по тактике красноармейцы и сержанты приходили с иссиня-черными губами, результатом «подножного корма», как шутили мы, собирая ягоды в минуты отдыха. А грибы даже частенько появлялись в меню нашей столовой.

Но уже чувствовалось приближение осени. Все чаще небо затягивали низкие серые облака, из которых часами моросил препротивный мелкий дождь. А в ясные ночи все тонуло в молочно-белом тумане. Только вершины сопки выделялись на фоне темнеющего неба. Посты и караулы были усилены. Дежурные офицеры, обходившие их, возвращались в штабную землянку промокшие с головы до пят, пили горячий чай, наскоро обсушивались и снова уходили к постам. Участились случаи нарушения границы. На Средний с островков Хейня-Саари частенько перебрасывались шпионы, но обычно их задерживали пограничники или артиллеристы расположенных на берегу батарей.

Наступил сентябрь, и с ним пришли темные осенние ночи. Сопки и лощины покрылись позолотой зажелтевшего березняка, побурела трава. В свободное от занятий время мы запасались топливом, готовясь к долгой полярной зиме.

У нас появились новые соседи. Поблизости расположилось «хозяйство» 15-го отдельного пулеметного батальона. Пулеметчики привезли с собой разборные домики, и мы завидовали их предусмотрительности. А на Рыбачьем «поселился» 7-й отдельный пулеметный батальон.

В октябре задули порывистые ветры, приносявшие с Баренцева моря заряды мокрого снега. Осыпались листочки с полярных березок, потухли, потемнели осенние краски тундры, и как-то мрачно стало все вокруг. Сплошного снежного покрова еще не было. Только в лучах осеннего солнца, изредка проглядывавшего через разрывы в облаках, ослепительно сверкали заснеженные вершины Муста-Тунтури.

Наш армейский быт налачился. Все подразделения уже размещались в теплых землянках. Началось увольнение в запас старших возрастов рядового состава. Сер-

жанты демобилизации не подлежали. Пополнение прибывало с юга, главным образом из автономных республик Кавказа. Южане на первых порах чувствовали себя довольно неуютно. Они понятия не имели о заполярной зиме, никогда не видели лыж, да к тому же многие плохо владели русским языком. Некоторые из них, соблюдая национальные традиции, отказывались есть свинину.

Что и говорить, трудный контингент. Командирам всех степеней, несших ответственность за обучение и воспитание личного состава, приходилось работать не только с подразделениями в целом, но и заниматься индивидуально почти с каждым бойцом. Большую работу по политическому воспитанию новобранцев проводили политруки рот, партийные и комсомольские организации. Со временем этот напряженный труд стал давать свои плоды. Новички постепенно втягивались в трудную армейскую жизнь, овладевали солдатским ремеслом.

Однажды, будучи дежурным по батальону, я обходил посты. Было удивительно тихо. Один из часовых, стоявших в карауле, спросил у меня пароль и, услышав отзыв, показал на небо:

— Товарищ младший лейтенант, что это?

В северной части небосвода то там, то тут вспыхивали голубоватые пучки света и почти моментально гасли. Но с каждым мгновением вспышек становилось все больше и больше. И вот уже по всему горизонту с запада на восток распростерлась голубая лента с сиренево-зеленой каймой. Извиваясь, дрожа, угасая и вновь разгораясь с еще большей силой, переливаясь всеми цветами радуги, она стремилась к зениту. Казалось, над нами не северное небо, а какой-то необычайный экзотический шатер, постоянно меняющий свою окраску. Под его сиянием мягко светился свежевывающий снег.

Мы с часовым, забыв все на свете, молча любовались этой игрой света. Наконец я опомнился.

— • Это северное сияние, товарищ красноармеец.

Между тем зима вступала в свои права. Снег толстым пушистым ковром покрыл полуострова и больше не таял. Замерзли озера. Лишь воды Мотовского залива темнели на фоне этой первозданной белизны.

В день 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции над Рыбачьим ревел шторм. Мы сидели у радиорепродукторов и слушали репортаж о па-

раде и демонстрации на Красной площади. В репродукторе часто трещало, свистело, хрипело и понять что-либо в такие моменты было невозможно. Лица слушавших хмурились.

— Опять трансляция с аэродрома, — грустно пошутил кто-то.

На него зашикали. Всем хотелось послушать голос родной Москвы, пробивающийся к нам сквозь расстояния и помехи.

После праздника меня вызвал капитан Бежиташвили и приказал:

— Готовьте взвод к лыжному переходу.

Боевая подготовка проводилась несмотря на все капризы погоды. «Учить войска тому, что потребуется на войне, и учить так, как это делается на войне» — таково было требование народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. И мы строго выполняли этот приказ.

Мой взвод усиленно занимался лыжной подготовкой. С каждым днем я увеличивал протяженность маршрутов. Учились подниматься в горы, спускаться с них, прыгать на лыжах с крутых уступов.

Присутствовавший на одном из занятий командир батальона отметил:

— Взвод подготовлен хорошо. Приказываю: через три дня совершить марш-бросок в Эйно.

Два дня взвод тщательно готовился к этому маршу. Дело было не из легких: по сложной, сильно пересеченной местности нужно было пройти только в один конец около сорока километров.

На третий день взвод построился. Из штабной землянки вышли капитан Бежиташвили и начальник штаба лейтенант А. П. Калугин. Командир батальона внимательно осмотрел, как подогнано снаряжение у каждого красноармейца и сержанта, остался доволен и сказал:

— В путь. Желаю удачи!

Я поблагодарил и скомандовал:

— Взвод, марш!

Дружно взмахнули лыжные палки, заскрипел снег. Мы двинулись в дальнюю дорогу. Шли, придерживаясь береговой кромки, выбирая места поровнее, чтобы набрать темп. Прошли несколько километров, сделали короткий привал, покурили и снова в путь. За перешейком полуостровов рельеф местности стал сложнее. Мы

то поднимались в гору, то спускались вниз. Лица бойцов раздумянились, но усталости вроде не чувствовалось. Конечно, большую роль сыграли длительные тренировки, да и погода нам благоприятствовала — было тихо, легкий морозец только бодрил. Взвод довольно легко преодолел подъем в гору.

Но вот поднялись на вершину высокой горы и остановились. Внизу темнела вода бухты, на берегу, словно игрушечные, виднелись домики, возле которых муравьями сновали фигурки людей. Спуск с горы был крутой, в наступающих ранних сумерках склон казался идеально ровным.

Я задумался. Хотя взвод был подготовлен хорошо и солдаты мастерски владели лыжами, спускаться здесь было рискованно. Решил узнать мнение бойцов.

— Ну что, товарищи, будем спускаться здесь или — в обход?

Солдаты в один голос ответили:

— Спустимся, товарищ младший лейтенант!

— Ну, тогда за мной! — и пошел первым.

Склон горы, как я и ожидал, оказался не таким, каким виделся с вершины. Снежные заструги метра по два-три, камни и бугры покрывали его. Лыжи то и дело разъезжались, а скорость нарастала. Но пока все шло благополучно. Уже приближаясь к самому подножию сопки, я увидел, что она круто обрывается, образуя естественный трамплин метров в пять высотой. Недалеко от обрыва виднелся проволочный забор. Сворачивать было поздно, да и некуда. Не раздумывая, сделал прыжок и выскочил прямо к домику, оказавшемуся штабом полка. Развернулся на лыжах и стал наблюдать, как идет спуск у остальных. Бойцы один за другим уверенно преодолели трамплин, благополучно • приземлились и стали выстраиваться возле меня.

Из домика выскочил начальник штаба капитан Кузнецов.

— Что здесь происходит? Вам что, жить надоело? Часовой вас всех мог перестрелять, — закричал он на меня.

Только тут я заметил часового, прижавшегося к скале. Он охранял обнесенный колючей проволокой склад. У меня мурашки по спине забегали. Но раздумывать о случившемся было некогда, ко взводу подходил командир полка полковник Пашковский.

— Равняйся! Смирно! — подал я команду и, повернувшись к командиру полка, доложил: — Товарищ полковник, взвод разведки второго батальона проводит учения на тему марш-бросок на лыжах! Командир взвода младший лейтенант Барболин.

— Здравствуйте, товарищи красноармейцы! — поздоровался командир полка.

— Здравия желаем, товарищ полковник! — дружно гаркнул взвод.

Последовала команда «вольно». Полковник сказал:

— Лыжники вы хорошие. А вот командира вашего следует наказать за неосмотрительность. — И, повернувшись к начальнику штаба, сказал: — Накормить всех.

После обеда и часового отдыха взвод совершил обратный марш. Возвратились в полной темноте. Командир батальона уже знал о результатах нашего похода и, вызвав меня, выговаривал:

— Разве можно быть таким неосмотрительным? Ведь могли быть большие неприятности. Вдруг кто-нибудь ногу сломал бы или убился. Не миновать тогда трибунала. Впрочем, командир полка высоко оценил подготовку вашего взвода. Но впредь будьте осторожны.

Я ожидал разнosa или обещанного полковником наказания, но все обошлось благополучно. Начальник штаба лейтенант Калугин улыбнулся и дружески похлопал меня по плечу.

Наш марш-бросок стал предметом обсуждения в батальоне. Комбат приказал усилить лыжную подготовку во всех подразделениях. Через несколько дней меня вызвали в штаб батальона.

— Полковник Пашковский приказал откомандировать тебя в его распоряжение, — сказал мне Калугин. — Взвод пока сдай своему помощнику.

Легко было командиру полка отдать такой приказ. Легко было начальнику штаба батальона передать его мне. А я загрустил. Не хотелось уходить из батальона, который стал мне родным. Еще труднее было расставаться со взводом. За год все мы сроднились. Хорошо узнали друг друга. Но приказ есть приказ. Сдал взвод младшему лейтенанту Павлу Кремневу (позднее я с горечью узнал, что он геройски погиб в первые месяцы войны) и отправился в Эйно.

Принял меня начальник штаба полка капитан Кузнецов.

• — Командир полка подписал приказ о твоём назначении командиром взвода пешей разведки, — сообщил он.

Так я стал командиром взвода полковой разведки. Чередой потянулись привычные армейские будни. Используя свой опыт обучения взвода во втором батальоне, я особое внимание обратил на лыжную подготовку. Разведчики совершали переходы и марш-броски на лыжах, учились маскироваться, вести наблюдение, незаметно подкрадываться к часовым. В ходе боевой учебы знакомился с красноармейцами и сержантами взвода. Все они уже имели опыт боев с белофиннами, народ был обстрелянный. И вскоре я хорошо знал каждого из сорока восьми разведчиков. Особенно выделялся командир отделения сержант Данилов. Он был неутомим, своей энергией заряжал буквально каждого бойца. Поэтому, когда помкомвзвода Абрамова отозвали в распоряжение штаба дивизии, Данилову было присвоено звание старшего сержанта и он был назначен моим помощником.

Надвигалась полярная ночь. Еще в середине ноября светлое время длилось около пяти часов, а теперь только к полудню начинался тусклый рассвет, и часа через три темнело. Зачастую взвод возвращался с занятий в полной темноте. Неделями над полуостровами свирепствовала пурга. Шальной ветер сбивал с ног, нес тучи колючего снега, засыпая все и вся. По утрам приходилось откапывать вход в землянку, чтобы выбраться наружу.

Когда бушевал шторм, во взводе шли теоретические занятия. Изучали материальную часть оружия, тактику разведки, проводили политинформации. Но как только ветер ослабевал, мы становились на лыжи и продолжали тренировки.

Перед Новым, 1941 годом в полковой школе состоялся выпуск подготовленных в ней командиров отделений — сержантов. Начальником школы был старший лейтенант Костомаха. Пулеметчиков обучали лейтенанты А. М. Зубарев и П. В. Максимов. Командиров стрелковых отделений готовили лейтенанты И. И. Курносов и Я. А. Витяков, минометчиков — лейтенант А. Н. Илюшичев. Это были ветераны 135-го полка. В годы войны они самоотверженно сражались с врагом, вписали немало ярких страниц в историю родного полка.

Сразу же после-выпуска был проведен новый набор курсантов. Забегая вперед, скажу, что второй выпуск не состоялся — началась Великая Отечественная война. Курсантам досрочно присвоили звание ефрейторов и расписали их по подразделениям. Командиры учебных взводов вернулись в свои батальоны, чтобы с оружием в руках защищать родную землю.

Наступил новый, 1941 год. Размерно, расписанная по часам и минутам, текла наша жизнь. Полк продолжал совершенствовать боевую выучку. Раз в неделю на полуостров приходил рейсовый пароход «Сосновец», доставлял нам газеты, журналы, письма от родных и друзей. В такие дни во время перерывов между занятиями все разбредалось по уголкам и жадно читали вести из родных краев. Политработники внимательно изучали свежие газеты, черпая из них материалы для проведения политинформаций. На «Сосновце» привозили и кинофильмы. По субботам в столовых проходили киносеансы, а когда не было фильмов, устраивали концерты солдатской самодеятельности.

Армейская жизнь, как всегда, была загружена от подъема до отбоя, и мы не замечали стремительного бег времени. Январь подходил к концу.

Занимаясь лыжной подготовкой, взвод поднялся на вершину высоты 300.

— Товарищ младший лейтенант, солнышко привет нам шлет, — радостно закричал кто-то из разведчиков.

Я посмотрел на юг. За вершинами дальних сопok по всему горизонту тянулась широкая золотистая полоса, постепенно переходившая в прозрачно-голубой небосвод, по которому медленно плыли легкие перистые облака нежно-карминного цвета, подсвеченные невидимым солнцем. Мы долго любовались этой северной красотой.

— Полярная ночь кончается, скоро и солнышко увидим, — сказал я разведчикам.

С каждым днем длительность светлого времени увеличивалась. К полудню вершины самых высоких гор сверкали в лучах невидимого еще солнца. И вот наконец над гребнем гор на несколько минут показался багрово-красный диск нашего светила. Полярная ночь закончилась. Все ходили радостные и возбужденные.

Однако ясных дней было мало. Еще нередко над Рыбачьим ревел штормовой ветер и плясала пурга. Но с каждым разом продолжительность и сила ветра умень-

шались, словно природа за зиму израсходовала запасы своей энергии.

Незаметно пролетели февраль и март. Наступил апрель. Где-то на юге уже зеленела трава, распускались первые цветы, пели жаворонки, а у нас всюду лежал снег. Только крутые обрывы гор чернели на фоне сверкающей белизны. Но приближение весны чувствовалось и здесь, в Заполярье. Над Мотовским заливом с криком носились чайки, и с каждым днем число их возрастало. На обрывах дальних сопок появились шумные птичьи базары.

Но и в апреле нет-нет да навещала нас пурга. После нее, вооруженные лопатами, взводы отправлялись на расчистку дорог.

Начались белые ночи. Старослужащие солдаты равнодушно относились к этому чуду полярной природы. А вот бойцы из нового пополнения, особенно южане, никак не могли привыкнуть. Несмотря на усталость после насыщенного боевой учебой и работой дня, они и после отбоя продолжали бодрствовать, выходили из землянок, удивлялись:

— Где же ночь?

— Нарком обороны отменил, чтобы больше времени на боевую подготовку оставалось, — шутили старослужащие.

Приходилось вмешиваться дежурным по части, чтобы солдаты своевременно ложились спать.

Первого мая была чудесная солнечная погода. Рыбачий предстал во всем своем великолепии, словно нарядился к празднику. Ослепительно сверкали покрытые снегом вершины скалистых гор. Контрастно чернели отвесные обрывы сопки. Блестела нетронутая ветром гладь Мотовского залива.

Собравшись у радиоприемника, мы, затаив дыхание, слушали голос Москвы. Вот донесся перезвон Кремлевских курантов и послышались команды. Каждый из нас представил себе ровные колонны батальонов, выстроившихся на Красной площади, объезд войск наркомом обороны. Радио донесло громкое раскатистое «Ура!». Фанфары запели «Слушайте все», и нарком обороны поздравил всех с первомайским праздником. Послышалась дробь барабанов, грянул оркестр, и мы поняли, что мимо Ленинского мавзолея, печатая шаг, пошли участники парада.

Почти две тысячи километров отделяло нас от Москвы, но мы словно побывали на первомайском параде. Вышли из штаба, и заснеженные сопки вернули нас в суровую действительность.

Подразделения выстроились на небольшом плацу. Полковник Пашковский произнес коротенькую речь, поздравил личный состав с первомайским праздником и приказал совершенствовать боевую выучку. Затем последовал праздничный обед, а вечером, после ужина, демонстрировался кинофильм.

На другой день темные тучи заволокли небо, подул сильный ветер, посыпался снег. Рыбачий сменил свой парадный наряд и предстал в своем обычном обличье.

Но весна все увереннее вступала в свои права. Чаше гостило на безоблачном небе солнце. В лощинах и ущельях шумели горные ручьи. Очистились от снега пригорки. Неумолкаемый птичий гомон звенел над заливом. Но Заполярье напоминало о себе: нет-нет да с Баренцева моря ветер приносил заряды мокрого снега.

Незаметно подошел июнь. Круглосуточно несло свою вахту полярное солнце. Подразделения полка усиленно занимались боевой подготовкой. Проводились сборы пулеметчиков, минометчиков, артиллеристов. Проходили боевые стрельбы из всех видов оружия с выходом на намеченные рубежи обороны.

18 июня над Рыбачьим и Средним пролетел немецкий двухмоторный бомбардировщик. Летел он на небольшой высоте, можно было рассмотреть лица пилотов. Доложили полковнику Пашковскому. Командир полка передал в батальоны приказ: «В случае появления самолетов без наших опознавательных знаков открывать по ним пулеметный огонь». Для стрельбы по воздушным целям в каждом пулеметном взводе устанавливались на близлежащей высоте станковые пулеметы, заряженные патронами с бронебойными и бронебойно-зажигательными пулями. У пулеметов бойцы несли круглосуточное дежурство. Зенитно-пулеметная рота полка была приведена в состояние полной боевой готовности. Все подразделения полка, находившиеся на полевых учениях, были возвращены на места своей дислокации.

19 июня в Эйно прибыл командир 14-й стрелковой дивизии генерал-майор А. А. Журба в сопровождении начальника штаба артиллерии капитана В. И. Крылова

и адъютанта лейтенанта П. И. Абрамова. Комдив долго беседовал с полковником Пашковским, проверял штабную документацию, затем приказал объявить боевую тревогу. С часами в руке генерал наблюдал, как личный состав подразделений занимает свои места по расписанию.

— Уложились точно в срок, — удовлетворенно сказал он командиру полка.

— Товарищ генерал-майор, как понимать заявление ТАСС от четырнадцатого июня: «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз»? — спросил заместитель командира полка по политической части Кац. — А немецкие самолеты...

— Заявление ТАСС остается заявлением. Мы солдаты, и наша задача — быть в полной готовности к отражению нападения любого врага. Любого! — ответил генерал.

Затем в сопровождении командира полка А. А. Журба и его свита выехали инспектировать батальоны и батареи Рыбачьего. Когда на следующий день комдив возвратился в Эйно, ему передали шифровку. Генерал прочел ее, нахмурился и, отозвав в сторону Пашковского, что-то сказал ему.

У причала стоял рейсовый пароход «Сосновец». Командир дивизии тепло попрощался с офицерами и солдатами и убыл на пароходе в Титовку. Полковник Пашковский, батальонный комиссар Кац и начальник штаба капитан Кузнецов возвратились с причала и созвали командиров рот.

Усилить посты и караулы, вести тщательное наблюдение за морем и воздухом. Командирам всех подразделений быть на своих местах — такое приказание было передано во все батальоны.

Суббота 21 июня прошла, как и все будни, по четкому графику. Строевая подготовка, изучение материальной части оружия, смена постов и караулов, политинформация. Заканчивался последний день недели, насыщенный, как и все другие, напряженной боевой подготовкой. Вечером посты наблюдения передали сигнал «воздух»: на большой высоте над полуостровами летел неопознанный самолет. Пулеметчики заняли места по боевому расписанию, но команды «огонь» не последовало — слишком высоко летел самолет.

После ужина — свободный час. Каждый из нас планировал, как провести завтра выходной. Погода стояла по-настоящему летняя. Настроение у людей было отличное.

Дежурным по батальону заступил командир первого стрелкового взвода 6-й роты младший лейтенант А. И. Дрыгин. Исключительно дисциплинированный и трудолюбивый офицер, он всегда следил за тем, чтобы расписание выполнялось точно. То здесь, то там слышался его бас:

— Товарищи, товарищи, была команда подготовиться ко сну.

Солдаты и сержанты, зная его требовательность, спешили побыстрее оказаться в своих землянках. А молодые командиры взводов, недавно прибывшие в часть, делясь впечатлениями о прошедшей неделе, шутливо просили его:

—: Смотри не вздумай нас ночью по тревоге поднять. Ведь завтра выходной.

— Спи спокойно, не потревожу, — отвечал Александр Иванович.

Но обещания своего младший лейтенант не выполнил. И не он виноват был в этом...

Глава II

* **ВОЙНА!**

22 июня 1941 года... Сколько бы ни прошло лет, но никогда из памяти народной не уйдет этот воскресный день.

В пять часов утра из штаба 14-й стрелковой дивизии был передан сигнал боевой тревоги. Вслед за тем поступило сообщение: на всем протяжении нашей западной границы немецко-фашистские войска вторглись в пределы страны. Вражеская авиация бомбит наши города.

Война! Последние пять дней мы жили в состоянии нервного напряжения. Фашистские самолеты бесцеремонно нарушали наше воздушное пространство. В Печенгский залив одно за другим входили транспортные суда немцев. Мы интуитивно чувствовали: вот-вот должно начаться. И все-таки в глубине души надеялись, что это так скоро не произойдет. А война уже стала реальностью. Где-то шли бои, лилась кровь, горели города и села. Вся наша прошлая жизнь с ее радостями и заботами осталась за чертой этого дня.

У нас пока было тихо. Финляндия в войну еще не вступала, но уже стало ясно, что она союзница гитлеровской Германии — немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» с согласия финского правительства начал оккупацию области Петсамо (Печенги) с ее никелевыми рудниками. Тем самым фашисты получили возможность выдвинуть свои войска к нашей границе на Мурманском направлении.

Командир 135-го стрелкового полка полковник Пашковский приказал объявить боевую тревогу. Командиры всех подразделений, находившихся в Эйно, явились в штаб. Заместитель командира полка по политчасти батальонный комиссар Кац зачитал телеграмму командира 14-й стрелковой дивизии генерал-майора Журбы.

Полковник Пашковский отдал боевой приказ: «Всем подразделениям полка в полной боевой готовности занять предусмотренные планом прикрытия свои участки обороны. Не дожидаясь установления связи с КП полка,, в случае обнаружения высадки десанта противника

с моря или воздуха, немедленно вступить в бой и уничтожать врага».

Такие же приказы были переданы командирам батальонов, находившихся в других местах полуострова. Начальник штаба полка капитан Кузнецов выдал офицерам топографические карты.

Подразделения получали со складов автоматическое оружие, боезапас, саперное и прочее снаряжение, индивидуальные пакеты, НЗ (неприкосновенный запас), заменяли обмундирование и обувь.

В небе, за облаками, гудели самолеты противника. Около восьми часов казармы и штаб 104-го артиллерийского полка в Озерко на бреющем полете обстрелял одиночный «юнкере». Через час появилась шестерка вражеских самолетов и открыла пушечно-пулеметный огонь по Кутовой. Зенитной артиллерии на Рыбачьем не было, а стрельба счетверенных пулеметов оказалась неэффективной.

Около одиннадцати часов на западном берегу Среднего загремели артиллерийские залпы. Из штаба 2-го батальона доложили, что 221-я береговая батарея Северного флота под командованием старшего лейтенанта П. Ф. Космачева пустила на дно фашистский тральщик.

В полдень мы слушали по радио выступление В. М. Молотова с правительственным сообщением о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. В подразделениях прошли короткие митинги. Солдаты и офицеры дали клятву не щадить своей жизни во имя победы над врагом.

После обеда батальоны поротно, в полном боевом снаряжении, начали выдвигаться в районы, предусмотренные планом боевого развертывания.

Первым выступил в марш 1-й стрелковый батальон. Роты, преодолевая крутые скаты сопков, расчищая снежные заносы в ущельях, медленно двигались на западное побережье Рыбачьего. Только к утру следующего дня, пройдя по бездорожью более двадцати километров, батальон занял намеченные рубежи и приступил к инженерному оборудованию линии своей обороны.

2-й стрелковый батальон рассредоточился по всему полуострову Среднему в готовности отразить воздушный десант противника. Его пулеметная рота заняла оборону в Пумманках.

В губу Zubovka переместилась 3-я пулеметная рота лейтенанта Прокопенко. Затем вслед за ней вышел 3-й стрелковый батальон капитана Амвросова с саперной ротой полка, которая начала расчищать от снежных заносов дорогу на Цып-Наволоок. Штаб полка, медсанрота, рота связи, взвод конной разведки лейтенанта Евдокимова и другие подразделения перешли на гору Переметную, где по плану должен находиться командный пункт полка. Эвакуировать семьи военнослужащих и ненужное имущество полка был назначен техник-интендант 1-го ранга И. П. Василенков. Для прикрытия гавани Эйно оставили зенитно-пулеметную роту старшего лейтенанта Гинзбурга.

135-й стрелковый полк приступил к выполнению мобилизационного плана и задач, определенных штабом 14-й стрелковой дивизии. Личный состав полка был хорошо обучен и подготовлен к ведению боя. Более половины солдат, сержантов и офицеров принимали участие в финской кампании 1939—1940 годов и имели боевой опыт.

Вечером в штаб полка позвонил командир 2-го батальона капитан Бежиташвили и доложил, что фашистский истребитель обстрелял 5-ю роту.

• — Какие потери? — спросил начальник штаба Кузнецов.

— Поджег здание столовой и пулей раздробил каблук сапога командира роты лейтенанта Авакова, — последовал ответ.

А вскоре послышался отдаленный грохот пушек на северо-западе Среднего, где огневые позиции занимала 2-я батарея 104-го артиллерийского полка.

— • Уж не десант ли высаживается? — спросил кто-то в штабе.

Полковник Пашковский приказал связаться со штабом артиллеристов. Никакого десанта не было.

На другой день, когда я с разведотрядом прибыл на Средний, мне в штабе 104-го артполка рассказали, что батарея открыла огонь по личному приказанию командующего 14-й армией генерал-лейтенанта В. А. Фролова. Он позвонил в штаб полка. К телефону подошел опердежурный — помощник начальника штаба старший лейтенант Я. Д. Скробов.

— Где командир полка?

— Находится в дивизионах, товарищ командующий.

— Что имеется на островах Хейня-Саари у берегов Среднего?

— Постройки. Временами к острову подходят катера, высаживаются люди. По всем признакам ведут наблюдение за нашим берегом.

— Уничтожить артогнем!

Скробов передал приказ командиру 2-й батареи лейтенанту В. Ф. Соколову, и вскоре залпы тяжелых пушек смели с острова все.

Взвод разведчиков, которым я командовал, 23 июня пополнился курсантами расформированной полковой школы и солдатами из других подразделений. Разведчики были людьми обстрелянными, участвовавшими в боях с белофиннами, а вот пополнение боевого опыта не имело. Взвод был преобразован в разведывательный отряд. Мы получили на вооружение восемь ручных пулеметов, двадцать пять автоматических винтовок Симонова, десять снайперских винтовок, автоматы ППД, бинокли и другое необходимое имущество.

Меня вызвал начальник штаба полка капитан Кузнецов и отдал боевое приказание: совершить марш Эйно — высота 342,0 на полуострове Среднем, вести наблюдение за побережьем губ Малая и Большая Волоковая, вести разведку на перешейке полуостров Средний — материк. При выходе на Средний установить связь со штабом 14-й стрелковой дивизии в Титовке, 6-й пограничной заставой и 2-м стрелковым батальоном. Связь со штабом полка держать через штаб 2-го батальона, при котором должны постоянно находиться связные. Основной НП иметь на высоте 342,0; дополнительный — на хребте Муста-Тунтури. В случае перехода противником границы не отступно вести разведку и наблюдение, быть готовыми и к бою.

Еще накануне вечером к причалу в бухте Озерко подошел пароход «Моссовет». На нем прибыл комендант 23-го укрепленного района полковник Д. Е. Красильников со штабом, 278-й отдельный батальон связи и 289-й отдельный саперный батальон. Красильников объединил под своим командованием все войска, расположенные на полуостровах Среднем и Рыбачьем. Но я тогда этого не знал и продолжал действовать в соответствии с приказом командира 135-го полка.

25 июня мы оборудовали два наблюдательных пункта, указанных в боевом распоряжении начальника шта-

ба полка. Однако они не обеспечивали наблюдения за побережьем губы Большая Волоковая. Доложил в штаб. Пришлось выставить еще два НП: на северо-востоке Среднего и в Пумманках. Мы наметили маршруты движения дозорных отделений между НП и приступили к оборудованию окопов на случай боя. Дважды над нами пролетал фашистский самолет-разведчик, но огня не открывал.

В этот день со стороны Титовки в направлении Рыбачьего группами по десять—пятнадцать человек двигались люди в гражданской одежде. Как выяснилось, это были мурманчане, идущие на пополнение частей и подразделений Рыбачьего. Их доставили в Титовку на пароходе «Моссовет», а оттуда приказали идти через перевал в Западное Озерко. Вид у резервистов был усталый, но держались они бодро. «Нас чуть фашистский самолет не разбомбил», — пошутил один из них.

Мобилизованные рассказали, что, когда они высадились с парохода, сопровождавшие их офицеры решили устроить перекличку и выстроили прибывших на причале. Подъехал командир 14-й стрелковой дивизии генерал-майор Журба.

— Вы что, не понимаете, — идет война, могут вражеские самолеты налететь. Отправляйте людей без переклички, в частях разберутся, — приказал комдив.

И огромная толпа двинулась вдоль берега. Внезапно из-за сопки вылетел немецкий бомбардировщик. Мобилизованные кинулись врассыпную кто куда. Очевидно, летчик не ожидал этой встречи, самолет стал разворачиваться, залетел за сопку. Оттуда слышались залпы зениток и раздался взрыв — стервятника сбили. А резервистов разделили на группы и приказали добираться по назначению.

В Западном Озерко им выдали винтовки с патронами и направили на Рыбачий, приказав в случае обнаружения десанта с моря или воздуха вступать в бой.

В последующие дни пополнение прибывало ежедневно. 28 июня в Эйно пришел пароход «Мария Ульянова», доставивший более двухсот человек. Когда мобилизованные уже высадились и ушли с причала, над бухтой появились «юнкерсы». Мы насчитали двадцать один самолет. Увидев пароход, фашистские летчики обрушили весь свой бомбовый запас на него. Загрохотали взрывы,, гигантские фонтаны воды и грязи скрыли судно. Но па-

роход уже дал ход, и капитан, умело маневрируя, сумел увести его неведимым.

Рано утром 26 июня я приказал помощнику командира взвода старшему сержанту Данилову с отделением разведчиков отправиться на 6-ю погранзаставу и выяснить у начальника заставы лейтенанта Непышного его рубеж обороны и пути отхода пограничников в случае наступления крупных сил неприятеля. Затем, наметив линии дозоров, направился в штаб 2-го батальона для увязки действий разведки.

Штаб располагался у дороги в ущелье между сопок. Начальник штаба лейтенант Калугин сообщил, что телефонная связь со штабом полка еще не установлена, а использовать радию запрещено, чтобы не быть запеленгованными противником. Донесение в штаб полка пришлось посылать с конным нарочным.

В штабе батальона царила какая-то неопределенность. Твердых решений не было. Батальон готовился к отражению возможных морских и воздушных десантов противника, а их пока не было. Поговорив с Калугиным, я уже собрался уходить.

— Да, вот еще что: Финляндия вступила в войну на стороне Германии. Значит, вот-вот и у нас начнется, — сказал он.

Я возвратился на свой основной НП. Что еще необходимо предпринять? Вроде все сделано... Данилова еще не было. Наконец наблюдатели доложили:

— Помкомвзвода с отделением возвращается.

— Ваше приказание выполнил, — доложил Данилов и передал мне карту с нанесенной обстановкой.

Кое-что прояснилось: 6-я погранзастава обороняет границу от южного берега губы Малая Волоковая до высоты 449,0 (самая высокая точка на границе). Там же расположены две роты 95-го полка. Путь отхода пограничников намечен по берегу на хребет Муста-Тунтури.

— С кем ты разговаривал?

— С младшим политруком Грушиным. Начальника заставы нет. Он еще из отпуска не возвратился.

С пограничниками была установлена тесная связь. Вскоре от них прибыл посыльный и доставил сообщение: в ночь на 27-е вблизи границы наблюдалось оживленное движение. Группами по два-три человека подходят солдаты противника. Утром появились немецкие офицеры. Боевых действий пока не начинают.

Мы вели усиленное наблюдение. Изредка пролетали фашистские самолеты. 221-я береговая батарея потопила вражеский катер. 28 июня, тридцать шесть фашистских самолетов бомбили батарею североморцев. Следом новая волна немецких бомбардировщиков обрушила свой груз на 2-ю батарею 104-го артполка.

Выставив наблюдательный пункт на южных скатах высоты 122,0 (это километрах в двух юго-восточнее Муста-Тунтури), я направил одно отделение разведчиков в Титовку, а второе — в направлении озера Титовское. Часов через шесть командир отделения, побывавшего в Титовке, доложил, что там все в боевой готовности, у причала разгружается пароход «Енисей». Командир второго отделения сообщил, что к границе выдвинут 2-й батальон 95-го полка.

На участке моего разведотряда было тихо, и я направился в расположение 2-го батальона, но там его уже не было. У складов стоял караул. В клубе оставался младший политрук Зинченко. Здесь теперь находился штаб 15-го отдельного пулеметного батальона. Решил установить контакт и с пулеметчиками. Зашел в штабную землянку. За столом, разглядывая карту, сидел комбат капитан М. С. Хорунжий. Я представился.

— Какую задачу выполняете вы? — спросил капитан.

Я доложил, рассказал о данных разведки и показал на карте расположение рот нашего 2-го батальона.

— Да, обстановка еще не ясна. У меня здесь только четвертая пулеметная рота. Вторая рота на марше к губе Малая Волоковая, первая и третья — заняли оборону на побережье Среднего, — капитан пододвинул карту и показал расположение своих подразделений. — Держите и нас в курсе событий.

Я пообещал и направился в штаб 2-го батальона. Связь со штабом полка действовала. На мой доклад об обстановке помощник начальника штаба по разведке лейтенант К. А. Симонов приказал:

— Выставить засады на рубеже номер один, не пропускать мелкие группы противника на полуостров Средний. Усилить наблюдение и быть готовыми к бою на установленных рубежах.

29 июня в третьем часу со стороны границы донеслись глухие раскаты артиллерийской стрельбы.

— Началось! — сказал старший сержант Данилов.

Значит, в бой вступили пограничники и роты 95-го полка. Послал в штаб 2-го батальона связных с донесением, сообщив, что выхожу на рубеж № 1. И не дожидаясь приказа и ответа из штаба полка, оставив на НП высоты 342,0 отделение наблюдателей, с остальными разведчиками форсированным шагом двинулся к высоте 122,0.

Здесь, на первом рубеже, выставил наблюдателей и организовал засады. Затем приступил к созданию обороны — определил места огневых точек, расставил в них пулеметы, поставил боевые задачи отделениям, проверил возможности их взаимодействия огнем, наметил рубеж и пути отхода каждого отделения на случай появления крупных сил противника. Разведотряд развернулся на фронте протяженностью шесть—восемь километров: правый фланг — Большая Муста-Тунтури, левый — высота 122,0. Конечно, на сто десять человек это было многовато.

На западе артиллерийская стрельба нарастала. У нас же было тихо. И эта тишина действовала угнетающе. Лица бойцов были суровы и сосредоточенны. Они напряженно всматривались вперед и вполголоса обменивались короткими фразами.

Было не ясно, как обстоят дела у соседей-пограничников. Послал туда трех разведчиков. Через час они возвратились и доложили, что на заставе только старшина с несколькими бойцами. Остальные выдвинуты на границу, где ведут бой вместе с пехотинцами.

Часов в восемь послышалось характерное завывание моторов немецких самолетов, и вскоре появились четырнадцать бомбардировщиков «Ю-87». Над Кутовой они перестроились в круг и начали с воем пикировать на постройки. Грохот взрывов, черные султаны дыма поднялись там. Горели и рушились здания столовой, клуба, складов. Отбомбившись, самолеты улетели. Я послал в Кутовую разведчика. Возвратившись, он доложил, что все разбито, убиты младшие политруки Зинченко, Асанов и ездовой 2-й минометной роты Тимошкин.

С НП доложили: из Кутовой к высоте 122,0 движутся люди, навьюченные пулеметами. Вскоре на высоту поднялся лейтенант, а следом за ним пулеметчики. Тяжело дыша, они молча сняли с плеч пулеметы, собрали их и уселись на камнях. Я спросил:

— Кто вы?

— Командир четвертой пульроты пятнадцатого отдельного пулеметного батальона лейтенант Никишин. Полковник Красильников приказал занять оборону на этой высоте и не пропускать противника на полуостров Средний через Кутовую.

Так я познакомился с Александром Никишиным. Вторично я его встретил на курсах усовершенствования офицерского состава Северного флота. Никишин был уже награжден орденом Красного Знамени и имел звание капитана.

Посоветовавшись, мы с Никишиным пришли к единому мнению: два пулеметных взвода поставить для обороны высоты 122,0, а один — уступом сзади на высоте Безымянной, чтобы своим огнем он мог перекрыть дорогу Титовка—Кутовая, идущую у высоты 109,0, и ложину южнее хребта Муста-Тунтури.

Я показал Никишину на местности, где развернут отряд разведчиков, объяснил, по каким путям намечено осуществлять в случае необходимости отход моих отделений, предупредив, чтобы по ошибке пулеметчики не перестреляли своих. Оставив на высоте трех наблюдателей, сам отправился в обход своих НП и засад первой линии в направлении 6-й погранзаставы, где все больше усиливалась стрельба.

Авиация противника группами по шестнадцать—восемнадцать самолетов наносила бомбовые удары по Эйно, дважды бомбила Кутовую. Горное эхо вторило разрывам бомб. Клубы черного дыма застилали небо.

Наблюдатели заметили, что оттуда, где был левый фланг пограничников, к нашим боевым порядкам продвигается группа немцев человек десять—двенадцать. Я с тремя разведчиками поднялся на высоту Круглую. Находившиеся здесь мои бойцы были хорошо замаскированы. Увидев меня, командир отделения указал на приближающихся фашистов и попросил разрешения открыть огонь.

— Не спешите, надо подпустить врага поближе.

Вот уже хорошо можно рассмотреть лица немецких солдат. Они шли налегке, прижав автоматы к животу и напряженно всматриваясь в местность.

— Огонь!

Дружно грохнули винтовки, затрещали наши автоматы, и немцы, отстреливаясь, начали отходить. У подножия высоты остались четыре убитых и один тяжело-

раненый фашист. Я приказал принести их оружие и документы, а раненому оказать помощь. Солдатские книжки принадлежали ефрейтору и рядовым 136-го горноегерского полка.

Разведчик, пытавшийся перевязать раненого, подошел и сказал:

— Помощь не требуется. Фашист отдал богу душу.

А в районе 6-й пограничной заставы начался бой. Мелкие группы противника силою от отделения до взвода, просачиваясь на стыках подразделений, пытались продвинуться вперед в направлении Кутовой по всему фронту от Большой Муста-Тунтури до высоты 122,0. Но всюду их встречал огонь пулеметчиков и разведчиков. Завязывались короткие бои, и, потеряв несколько человек убитыми, горные егеря вынуждены были отходить.

В ночь на 30 июня на дороге Титовка—Кутовая небольшими группами и в одиночку начали появляться солдаты 95-го полка и пограничники, отходящие с Титовского направления. Среди них было много раненых. Но ни одного офицера или сержанта не было. На мой вопрос: «Где ваши командиры?» — следовал ответ: «Убиты в бою, мы выходим из окружения». Причина больших потерь командного состава крылась в том, что довоенный «Боевой устав пехоты» обязывал командиров всех степеней возглавлять атаку или контратаку. Естественно, что, находясь впереди своего подразделения, офицеры и сержанты гибли первыми.

Вид отходящих бойцов был ужасен: черные, закопченные лица, рваное обмундирование, у многих головы и руки в окровавленных бинтах. Изможденные, они буквально валялись на камни. Но многие из них были с оружием.

Пропусков и паролей тогда установлено не было. Мы не знали — свои это идут или чужие. Боялись, как бы не перестрелять своих и не пропустить противника.

Мне все время приходилось передвигаться с одной высоты на другую, проверять НП и засады, уточнять обстановку и организовывать взаимодействие отделений.

В седьмом часу утра 30 июня на высоте 122,0 появился помощник начальника штаба 104-го артиллерийского полка старший лейтенант Скробов и с ним несколько моряков с двумя радиостанциями. Они выбрали место для НП и развернули рации. В их обязанности

входило корректировать огонь кораблей Северного флота, прибывших на помощь гарнизону Рыбачьего. Как стало позднее известно, это были эсминцы «Урицкий», «Куйбышев» и два морских охотника.

Мы посмотрели в сторону залива. С высоты было видно, как боевые корабли в молчании застыли у входа в губу Кутовая.

Наблюдатели доложили, что на северных скалах высоты 246,1 замечена группа солдат.

— Пулеметы, к бою!
— подал команду лейтенант Никишин.

Я. Д. Скробов

Скробов взял бинокль и, посмотрев, предупредил:
— Огня не открывать! Солдаты наши.

Когда они спустились в лощину, Никишин послал к ним сержанта с приказом старшему группы явиться на НП.

На высоту поднялся запыхавшийся младший лейтенант с автоматом ППД на шее. На вопрос: «Что за подразделение?» — он ответил:

— Взвод четырнадцатого саперного батальона четырнадцатой стрелковой дивизии. Во взводе тридцать человек, все вооружены и имеют в достаточном количестве боеприпасы.

— Куда ведете взвод?

— На полуостров Средний.

— А дальше куда?

— На Рыбачий.

— А дальше?

Младший лейтенант молча пожал плечами. Скробов приказал ему занять оборону на высоте 40,1 с задачей не пропустить противника на Кутовую по титовской дороге. Тот возразил, сославшись на то, что его люди не ели и не спали.

— А вам известно, что бывает за невыполнение приказа на войне?

Младший лейтенант повторил приказание, и взвод направился на указанное ему место.

Около семи часов противник открыл огонь из горных пушек и минометов по Муста-Тунтури, а вскоре в долине к западу от высоты 246,1 показалась колонна горных егерей. Они шли плотным строем, ведя на ходу огонь из автоматов и ручных пулеметов. Наша оборона молчала. Мы смотрели на боевые корабли и ждали, когда же они откроют огонь. Нервы были напряжены до предела. Некоторых била мелкая дрожь.

Но вот с бортов эсминцев блеснули вспышки, корабли окутались дымом. Раздался гром залпа корабельной артиллерии. Пауза. Еще залп. Еще. И пошло. Среди полярных скал непрерывно загрохотали разрывы снарядов. Минут пять длился огневой налет корабельных орудий. Все заволокло дымом и пылью.

Когда дым рассеялся, мы увидели, что в долине, где маршировали гитлеровцы, снопами валялись убитые и раненые, а оставшиеся в живых фашисты в беспорядке убегали назад.

Напряжение рассеялось. Пулеметчики и разведчики излишне громко переговаривались и смеялись, глядя на удирающих немцев.

Через час противник попытался повторить атаку, на этот раз в направлении хребта Муста-Тунтури. Вновь заговорили корабельные орудия. Атака не состоялась. Спустя некоторое время противник предпринял еще одну попытку атаковать, но и она кончилась безрезультатно, — понеся большие потери, враг вынужден был отойти.

Около одиннадцати часов с юго-запада, из-за гор, вынырнули восемнадцать бомбардировщиков «Ю-87». Они держали курс на эсминцы. Корабли, отстреливаясь, стали отходить в полосу надвигавшегося с моря тумана. Взрывы бомб поднимали гигантские гейзеры воды, за которыми временами не видно было эсминцев. Задымил и рухнул в залив сбитый «юнкере», корабли благополучно скрылись в полосе тумана. А самолеты, израсходовав бомбы, улетели.

К берегу за корректировщиками шел морской охотник. Вскоре опять послышалось характерное завывание, и над Мотовским заливом появилось еще восемнадцать

«юнкерсов». Не обнаружив эсминцев, они набросились на наш морской охотник, который, быстро развернувшись, уже полным ходом шел от берега. Огромные фонтаны скрыли маленький кораблик. Бомбардировщики пикировали на него один за другим, но навстречу им неслись трассирующие пули и снаряды: комендоры охотника свое дело знали. Слишком уж неравные были силы* и, казалось, вот-вот кораблик будет утоплен. Мы с замораживанием сердца следили за поединком. Но вот сначала один самолет, оставляя за собой дымный шлейф, врезался в воду, а за ним последовал второй, не сумевший выйти из пике. Остальные «юнкеры» улетели. Морской охотник уходил на восток.

После отхода кораблей противник силами человек в шестьдесят—семьдесят предпринял попытку пробиться на дорогу Титовка—Кутовая. Пришлось перебросить сюда подкрепление. Подоспевший первый взвод 6-й роты под командой младшего лейтенанта А. И. Дрыгина, ведя разведку, встретил гитлеровцев, занял оборону на высоте 109,0 и вступил в бой. Наш левый фланг был прикрыт.

Сначала противник пытался атаковать нас мелкими группами, но, не добившись успеха, вынужден был отойти. Тогда вступили в дело крупные подразделения. Фашисты двинулись на нас походными колоннами. Мы повели ружейно-пулеметный огонь, но немцы продолжали марш, хотя хорошо было видно, как падают убитые и раненые.

Только приблизившись к нашим позициям метров на пятьсот, неся потери под нашим прицельным огнем, противник начал развертываться в цепь. Немцы, ведя огонь из автоматов и ручных пулеметов, ускоренным шагом пошли на сближение.

Наблюдая за ходом боя, я недоумевал: как это фашисты, имея почти двухлетний опыт войны, так хладнокровно реагируют на СВОИ потери? Больше всего меня поразило парадное шествие колонны под нашим губительным огнем. Невольно вспомнились кадры из кинофильма «Чапаев», когда офицерский полк идет в психическую атаку. Но на нас такая атака ожидаемого гитлеровцами впечатления не произвела.

Однако размышлять было некогда. Противник предпринял ожесточенную атаку на высоту 122,0. Пулеметы 4-й пульроты непрерывно извергали огонь, трескали ав-

томаты наступающих егерей. Шел бой и на нашем правом фланге — пограничники 6-й заставы, отошедшие с границы, отбивали атаки фашистов. Авиация врага бомбила Эйно. Со стороны Титовки доносился приглушенный грохот артиллерии и тяжело ухали разрывы авиабомб. Местами немцы подошли к нам вплотную* кое-где завязались рукопашные схватки, пошла в ход «карманная артиллерия» — гранаты. Появились убитые и раненые, которых сразу же пришлось эвакуировать в Кутовую.

Враг усиливал натиск. На высоту 109,0, обороняемую взводом младшего лейтенанта Дрыгина, наседали не менее роты гитлеровцев. На сопке появились фонтанчики разрывов — враг подтянул ротные минометы. Но наши товарищи стойко отбивали атаку за атакой. Было видно, как враг накапливает силы и затем бросается на штурм «сто девятой», а помочь мы ничем не могли — нас тоже атаквали.

Огонь защитников высоты начал ослабевать, а затем и совсем прекратился. Немцы ворвались на высоту. Взвод выполнил свой долг до конца — погиб в бою, но не отступил.

Теперь мины стали рваться в нашем расположении. У пулеметчиков 4-й роты подошли к концу патроны, и они начали отходить. Слишком невыгодное соотношение сил сложилось в этот момент, — скрепя сердце, я вынужден был дать приказ об отходе на второй рубеж. А сам для прикрытия отхода с одним отделением перешел на высоту Безымянную и занял на ней позицию. Кроме винтовок и автоматов у нас было два ручных пулемета. Вскоре к нам присоединилось еще одно отделение. Теперь нас было восемнадцать человек. Один пулемет поставили на правом фланге для прикрытия отходящих сюда разведчиков, а второй я установил в центре, рядом с собой.

Противник несколько раз бросался в атаку, но, встреченный дружным огнем, откатывался. Разведчики с высоты 122,0 небольшими группами перебежали к нам и занимали оборону. Но вот на правом фланге, обойдя нашу сопку с тыла, гитлеровцы открыли огонь из автоматов. Я кинулся туда. Пулеметчик Кальченко, вскочив в полный рост, начал поливать огнем приблизившихся фашистов. Они стали стремительно откатываться. Но тут вражеская пуля сразила храбреца. К нему сразу же

бросились три гитлеровца. Очередью из автомата я срезал их. К Кальченко подползли два наших разведчика. Он был мертв. Тело пулеметчика мы вынесли в Кутовую.

Под прикрытием огня двух наших отделений остальные разведчики отошли на следующий огневой рубеж. В свою очередь отошли и мы. Таким образом, часам к пятнадцати все оставшиеся в живых разведчики заняли оборону на втором рубеже.

Наступление гитлеровцев временно приостановилось.

Я сел у камня. Если в первый период боя, несмотря на огромное нервное напряжение, я чувствовал себя бодрым и подтянутым, был хладнокровен и уверен в себе, то сейчас наступила какая-то расслабленность. Ничего не хотелось, ни о чем не думалось. Частично всплывали в памяти отдельные эпизоды сражения. И тогда я вздрагивал словно под ударами электротока. Но постепенно слабость сменялась отвращением к убитым немцам, которых я почти в упор скосил из автомата. Захотелось курить. Машинально достал из кармана портсигар и удивленно уставился на него—пробит пулей. Посмотрел на брюки—около кармана две дырки. В пылу боя я не почувствовал попадания пули.

Ко мне подсел старший сержант Данилов и, посмотрев на мой портсигар, который я все еще держал в руке, дал мне папиросу. Я жадно затянулся. Какое-то ощущение напало на меня.

— Товарищ младший лейтенант, где же наши летчики?— вывел меня из задумчивости Данилов. — Фашисты все время летают, бомбят, обстреливают, а наших самолетов не видно.

— Очевидно, на самых тяжелых участках фронта, — ответил я. Что я еще мог сказать?

Снова засвистели мины, грохнули разрывы. Противник под огнем разведчиков медленно и осторожно шел на сближение. Подбежал командир отделения.

— Товарищ младший лейтенант, патроны на исходе, — доложил он.

Я встал. Все мои думы и переживания словно ветром сдуло. Приказал организовать эвакуацию раненых в Кутовую и обеспечить доставку боеприпасов. Послал донесение в штаб 2-го батальона.

Бой продолжался. Мой правый фланг отходил на Малую Муста-Тунтури, пограничники оборонялись на Большой и Средней сопках. Примерно к семнадцати ча-

сам разведотряд занимал рубеж Малая Тунтури — Безымянная — Кутовая. Ведя огонь и маневрируя, мы отбивали атаки превосходящих сил противника. В это время 2-й батальон 135-го стрелкового полка развернулся и занял оборону на правом фланге перешейка по южным скатам полуострова Среднего, километра за полтора-два от Муста-Тунтури, на котором пограничники 5-й и 6-й застав с трудом сдерживали наступление фашистов. Кое-где враг уже вышел на вершины хребта.

Особенно яростно фашисты лезли на «высоту с погранзнаком». Взвод пограничников под командованием старшего сержанта Андрея Большакова отбил несколько атак. Трупы гитлеровцев усеяли подступы к высоте, но и пограничники несли большие потери. Позднее на КП мне рассказали, что, когда на помощь пограничникам прорвался взвод пехотинцев, они застали там умирающего Большакова и тяжелораненого пулеметчика Гайфулина. Остальные были мертвы.

• ПОЗАДИ НАС ТОЛЬКО МОРЕ

К шестнадцати часам 30 июня 1941 года немецко-фашистские войска захватили Титовку, перерезав дорогу Титовка—Кутовая. Гарнизон полуостровов был отрезан (по суше) от основных сил 14-й армии. Началась блокада Рыбачьего.

К семнадцати часам разведотряд, выполнив поставленную задачу, соединился с подразделениями 2-го стрелкового батальона. С Титовского направления продолжали прибывать выходившие из окружения солдаты 95-го полка и пограничники. За сутки к нам вышло около трехсот человек.

Разведчики вели огонь по приближающемуся противнику. На высоту, где я находился, с пистолетом в руке поднялся незнакомый мне полковник. Среднего роста, широкоплечий, с суровым и в то же время спокойным выражением лица, не обращая внимания на свистящие вокруг пули, он подошел ко мне.

Я вскочил и отрекомендовался.

— Комендант двадцать третьего укрепленного района полковник Красильников, — назвался он. — Доложите обстановку.

— Разведотряд прикрывает подступы к Кутовой. На южных скатах полуострова Средний развертывается и занимает оборону второй батальон сто тридцать пятого стрелкового полка. На правом фланге, у Малой Волоковой, — вторая пульота пятнадцатого отдельного пулеметного батальона. На Муста-Тунтури обороняются пограничники.

— Вызвать комбата! — распорядился Красильников.

На хребте продолжался бой. Отдельные группы пограничников упорно сдерживали врага, но местами фашисты уже вышли на гребень и вели пулеметный огонь.

Явился капитан Бежиташвили, доложил обстановку. Внимательно выслушав доклад, полковник сказал:

— Видишь на Муста-Тунтури немцев? Приказываю: выбить их с хребта и занять оборону. Обороняться до конца. Не отступать ни на шаг! Ясно?

Так точно, товарищ
полковник.

— Выполняйте.

Капитан Бежиташвили отбыл на свой КП. Спустя некоторое время ушел и Красильников. На нашем участке бой то затихал, то разгорался с новой силой. Было очевидно, что основное усилие враг направил на захват хребта, господствовавшего над окружающей местностью.

2-й батальон приступил к исполнению приказа полковника Красильникова. Командир батальона распорядился подтянуть к передовой 2-ю минометную роту лейтенанта И. С. Трегубова

Д. Е. Красильников

и взвод 45-миллиметровых пушек лейтенанта Зарубина. Артиллеристы выкатили свои небольшие орудия на открытые огневые позиции. Командиры орудий старшина Русаков и старший сержант И. Ларин, участники финской кампании, открыли огонь по пулеметным точкам противника. Стреляли они снайперски. Сделав два-три выстрела, быстро откатывали орудия в укрытия. На прежних позициях рвались вражеские мины, а в это время наши пушечки появлялись в другом месте, стреляли и снова исчезали. Таким способом артиллеристы Русакова и Ларина уничтожили около пятнадцати пулеметных точек врага, не понеся при этом ни одной потери.

Одновременно 2-я минометная рота произвела огневой налет по фашистам, которые уже начали было спускаться с хребта в долину, и батальон пошел на штурм Муста-Тунтури. 5-я рота лейтенанта Г. А. Авакова двинулась на Большую сопку, 6-я рота лейтенанта П. В. Сергиенко — на Среднюю, а 4-я рота атаковала Малую Тунтуру.

Разгорелся ожесточенный бой, местами переходивший в рукопашные схватки. С обеих сторон летели и взрывались ручные гранаты. Враг отчаянно сопротив-

и. с. Трегубое

лялся, но наши подразделения поднимались по обрывистым скатам и отбрасывали противника. 4-я стрелковая рота первой овладела Малой Муста-Тунтури. Для ее поддержки прибыл пулеметный взвод лейтенанта Кубрикирова. 6-я рота захватила северные скаты Средней Тунтури и заняла на ней оборону. Капитан Бежиташвили перенес туда свой К.П. и вызвал для усиления пулеметный взвод лейтенанта И. Г. Дорофеева.

Труднее всего пришлось 5-й роте: атаковать противника с фронта

было невозможно — Большая сопка почти вертикально обрывается в нашу сторону. Поэтому лейтенант Аваков повел роту на Среднюю, уже занятую 6-й ротой, и отсюда ударил по врагу с фланга. Прорвавшись сквозь шквальный огонь гитлеровцев, рота сумела выбить егерей с Большой Муста-Тунтури.

Ожесточенный бой продолжался по всему перешейку. Не заходящее в это время года солнце багровым семафором еле-еле просвечивало сквозь пороховой дым. Горное эхо в ущельях Муста-Тунтури многократно вторило разрывам мин и гранат, треску пулеметных очередей и автоматов. Казалось, конца не будет этому аду.

Солнце все ниже спускалось к морю. Подразделения 136-го горноегерского полка противника без артиллерийской подготовки, с ходу атаковали наши роты, закрепившиеся на Муста-Тунтури. Но воины 2-го стрелкового батальона, 2-й и 4-й пулеметных рот 15-го отдельного пулеметного батальона и пограничники отбили все атаки. Понесся большие потери, горные егеря вынуждены были отойти.

Полковник Красильников вызвал меня к себе и приказал снять разведотряд с обороны, отвести его в резерв и сосредоточить на высоте южнее Кутовой. На Безымян-

ной заняли оборону семь пулеметчиков во главе с младшим лейтенантом Болтановым.

Я уже говорил, что ранее не был знаком с полковником Красильниковым. Первое знакомство, да и последующие встречи оставили в моей памяти чувство глубокого уважения к Даниилу Ефимовичу. Суровый и властный, когда это было нужно, он в самые трудные минуты был внимателен и чуток к людям, умел ободрить подчиненных. Немногословный, но четко и ясно выражающий свои мысли, он был замечательным командиром. Личное бесстрашие, железная воля и отеческая забота о бойцах отличали его. Солдаты и офицеры, видя его под огнем противника рядом с собой, чувствовали себя уверенней. И позднее мне не раз приходилось выполнять его приказы. Всегда они были глубоко продуманы, безупречны и вселяли веру в возможность их выполнения.

Нанести главный удар по нашей обороне на перешейке, соединяющем полуостров Средний с материком, противник мог только вдоль дороги Титовка—Кутовая, по которой двигались его войска, артиллерия, подвозились боеприпасы. Приказ коменданта 23-го укрепрайона об отводе разведки в его резерв был вызван тем, что разведчики, вооруженные автоматическим оружием, были единственной маневренной группой, способной наносить удары по вклинившемуся в нашу оборону врагу. Это было все, чем располагал в тот тяжелый момент полковник Красильников. Ибо в это время подразделения 1-го батальона 135-го стрелкового полка находились на марше, двигаясь по горному бездорожью с Рыбачьего в Кутую. Начали прибывать и занимать оборону только что сформированные из резервистов 55-я, 56-я и 57-я отдельные пулеметные роты. Но боевого опыта они еще не имели.

Красильников приказал подтягивать к передовой артиллерию. Первой на помощь 2-му батальону и пулеметчикам прибыла полковая батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта В. А. Бея, батарея противотанковых пушек лейтенанта Л. Б. Реута и 2-я батарея 1-го дивизиона 241-го гаубичного артиллерийского полка, которой командовал младший лейтенант А. И. Селиверстов. Батареи развернулись на открытых огневых позициях на безымянных высотах Среднего. С моего наблюдательного пункта было хорошо видно, как фашисты подтягивали свои силы по дороге Титовка—Кутовая.

*

При выходе из ущелья на скаты высоты 109,0 горные егеря двигались в колоннах, как на параде.

Прибывшие батареи открыли беглый огонь фугасами и шрапнелью по колоннам врага. С НП мы видели, как падали убитые немцы, опрокидывались повозки, судорожно дергались раненые лошади. Пришедший на КП полковник Красильников, наблюдая в бинокль, приговаривал:

— Ай да артиллеристы! Ай да молодцы! Отлично бьют!

Позднее младший лейтенант А. И. Селиверстов вспоминал:

«На исходе суток 29 июня 1941 года на 2-ю батарею, стоявшую в губе Зубовка, прискакал конный посыльный с приказом команданта 23-го УРа полковника Красильникова немедленно переместить батарею в район Кутовая и огнем остановить наступление противника на полуостров Средний. На коротком митинге батарейцы поклялись выполнить боевой приказ.

Марш предстоял труднейший — более сорока километров по горам и ущельям. А в воздухе уже господствовала вражеская авиация. Но преодолевая все препятствия, помогая лошадям тащить тяжелые гаубицы, к концу дня 30-го мы подходили к месту назначения. В горах уже гремели разрывы мин и гранат, неистово стрекотали пулеметы и автоматы. Пороховой дым окутал сопки.

При подходе к Кутовой батарее обстреляли минометы противника. Одна лошадь была убита, но это не задержало нас. Южнее высоты 47,6 батарею встретил полковник Красильников. На мой доклад о прибытии он сказал:

— • Видишь, черная саранча спускается с гор? Это — немцы! Разворачивайся и бей их!»

Бывший начальник штаба гаубичного дивизиона лейтенант Михаил Хрисанфович Бурмистров, ныне подполковник запаса, дополнил рассказ А. И. Селиверстова:

«Селиверстов, не теряя времени, развернул батарею тут же, у дороги* и шквальный огонь из четырех 122-миллиметровых гаубиц обрушился на цепи пьяных егерей. Кто бывал на Рыбачьем, тот знает его скалистый грунт и поймет, что такое огонь прямой наводкой тяжелых гаубиц. Двое суток батарея с открытых огневых позиций вела стрельбу по противнику, израсходовав два боекомплекта снарядов. Беспредельную стойкость проявили солдаты и сержанты взводов лейтенантов И. Л. Коваленко и Н. А. Овчинникова, взвода управления Й. Я. Манзи. Особо отличились командиры орудий И. Д. Исаевич, А. В. Петров, В. И. Зайцев и А. А. Бикмулин. Под минометным и пулеметным огнем врага они

Офицеры 104-го артполка: (сидят) А. И. Селиверстов, М^а Х. Бурмистров, П. А. Костюкевич; (стоят) И. Я. Манзя, Эпель, Н. А. Волков

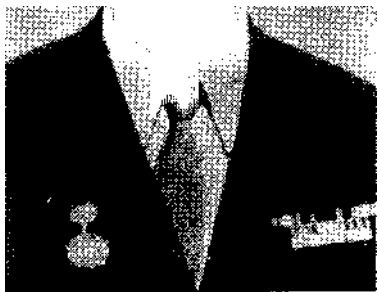
уверенно выполняли команды, посылая снаряды точно в цель. За эти два дня батарея потеряла убитыми и ранеными двадцать шесть человек.

К концу второго дня был отдан приказ: не переставая вести огонь, поорудийно перейти на закрытые огневые позиции на высоту 47,6. В течение всего периода обороны Рыбачьего 2-я и прибывшая позднее 3-я батареи стояли здесь, отражая натиск врага.

Утром следующего дня меня вызвал командир дивизиона капитан Тимошин и приказал доставить боезапас на позиции батареи. Вечером я с шестнадцатью автомашинами прибыл на батарею. Меня встретил старшина Кушенков. Приказав лейтенанту Коваленко разгружать машины, я пошел на НП командира батареи. Встретивший меня командир отделения разведки Кучин предупредил:

— Товарищ лейтенант, туда без каски нельзя. Там пули летают.

Я взял у него каску и поднялся на НП. На открытой голой скале стояла стереотруба, Селиверстов сидел на ее футляре и командовал огнем. Вокруг расположились радисты, телефонисты и разведчики, - Лейтенант Манзя наблюдал за противником в бинокль. Все выглядело мирно, как на маневрах. И это в восьмистах метрах от врага! Но фашисты, открыв минометный огонь, быстро привели нас в чувство. Мы ушли в укрытие, перенеся туда и НП».

м. х. Бурмистров

В течение ночи с 30 июня на 1 июля наиболее сильные бои продолжались на хребте Муста-Тунтури. 136-й горноегерский полк и 67-й отдельный самокатный батальон противника предпринимали отчаянные попытки сбить подразделения нашего 2-го батальона и пограничников с хребта, но безуспешно. Вершины сопки затянуло пороховым дымом, словно туманом. Оборонявшихся на хребте наших воинов поддерживала огнем минометная рота лейтенанта

и с Трегубова, осыпая наступающих егерей минами. Не жалели патронов и пулеметчики 2-й роты 15-го публьбата, которым командовал лейтенант Н. Г. Билик. На полуостров Средний фашисты не проходили. Но высота Безымянная пала. Оборонявшие ее пулеметчики во главе с младшим лейтенантом И. И. Болтановым погибли в бою, но не отступили.

Было ясно, что решающие бои еще впереди. Враг не успокоится. Полковник Красильников приказал передислоцировать ближе к передовой одну батарею 104-го артиллерийского полка. Но какую? Все батареи располагались на побережье. Ведь никто не мог гарантировать, что противник не попытается высадить с моря десант. Тогда командир 104-го артиллерийского полка майор Е. С. Рыклис предложил взять с каждой батареи по орудью. Полковник Красильников утвердил это решение. К утру 1 июля была сформирована и установлена батарея из четырех 152-миллиметровых и двух 122-миллиметровых орудий. Поэтому она и получила название «сводной». Командиром ее назначили помощника начальника штаба полка старшего лейтенанта Я. Д. Скробова.

Сводная батарея заняла позиции на северных ска-
тах высоты 148,0.' Отсюда хорошо просматривались за-
нятая врагом Титовка, дороги в Кутовую и подступы
к Муста-Тунтури. Уже в первый же день сводная раз-
громила колонну автомашин и склад боеприпасов гит-
леровцев и помогала отбивать пехотинцам и пулеметчи-
кам атаки врага.

He ^ ^

На помощь 2-му батальону и пулеметчикам двига-
лись 1-й батальон 135-го полка и 3-я батарея 241-го гау-
бичного артполка. У противника к линии фронта под-
ходила пехота, подтягивались артиллерия и минометы.
Иначе говоря, с обеих сторон к месту боя стягивались
крупные силы.

Как стало позднее известно, 136-й горнострелковый
полк и 67-й отдельный самокатный батальон понесли не-
восполнимые потери и не могли продолжать наступле-
ние. На Мурманском направлении фашисты, встретив
упорное сопротивление нашего 95-го стрелкового полка
и подошедшей 52-й стрелковой дивизии, не сумели раз-
вить дальнейшего успеха. Поэтому командир горнострел-
кового корпуса «Норвегия» генерал-полковник Э. Дитль
принял решение сначала захватить полуострова Сред-
ний и Рыбачий и перенацелил на наше направление
подразделения 137-го горноегерского полка, а затем
и 139-й горноегерский полк, находившийся в резерве.

1 июля противник ввел в действие бомбардировоч-
ную авиацию. В течение всего дня самолеты «Me-109»
и пикирующие бомбардировщики «Ю-87» бомбили и об-
стреливали наши боевые порядки. Рано утром враг под-
тянул две батареи 75-миллиметровых орудий и две ба-
тареи 81-миллиметровых минометов, а позднее появи-
лась батарея 105-миллиметровых пушек. Ливень снаря-
дов и мин обрушился на наши позиции. Камни и скалы
не выдерживали артиллерийского огня, но пехотинцы,
пулеметчики и артиллеристы упорно отбивали яростные
атаки врага. Все заволокло пороховым дымом. Пыль
и дым слепили глаза. Было трудно дышать. Но защитни-
ки полуостровов стояли насмерть. Огромную помощь
оказала сводная батарея, подавившая огонь вра-
жеских батарей.

В первой половине дня в Кутовую прибыл 1-й стрел-
ковый батальон 135-го полка. Бывший политрук 1-й ро-

В. Е. Горбунов

ты Валентин Егорович Горбунов, ныне капитан запаса, вспоминает:

«Батальон получил приказ передислоцироваться с западного побережья Рыбачьего в Кутовую и, взаимодействуя с 15-м пульбатом, вступить в бой. Комбат капитан А. Т. Лоханский приказал нашей роте выступить в головной походной заставе и ускоренным маршем прибыть к месту назначения. Прибыв в Кутовую, рота с марша развернулась в боевой порядок и начала наступление на высоту 109,0 с задачей выбить оттуда противника и закрепиться на ней. Наступление поддерживали батареи полковой и гаубичной артиллерии.

У подножия высоты противник встретил нас плотным ружейно-пулеметным огнем. Медленно, но мы продвигались к вершине и затем поднялись в атаку. Но атака не удалась — огонь врага был слишком сильным, мы отошли к подножию высоты. Телефонной связи с комбатом у нас не было. Послали связного с просьбой поддержать нас артогнем. Наступило временное затишье. Вскоре полковая артиллерия совершила огневой налет по позициям фашистов, и мы бросились на высоту. Опять неудача. Противник прижал нас огнем к земле, и сам предпринял контратаку, которую мы отбили.

Бой шел двенадцать часов. Но вот фашисты открыли бешеный огонь с высоты 122,0 по нашему флангу. Положение усложнилось. Командир батальона приказал отходить на высоту 40,1 и занять там оборону вместе с 56-й отдельной пулеметной ротой лейтенанта В. Т. Крутских. В этом бою наша рота потеряла до трети личного состава убитыми и ранеными. Погиб заместитель командира роты лейтенант Горячих».

Полковник Красильников, двое суток руководивший боем на перешейке, с прибытием в Кутовую штаба 135-го стрелкового полка возложил руководство боевы-

ми действиями на-полковника Пашковского и отбыл на свой КП.

Командир полка приказал командиру 1-го стрелкового батальона капитану Лоханскому; силами 3-й стрелковой роты и взвода пеших разведчиков под командованием комбата наступать на высоту Безымянную, что расположена у подножия высоты 122,0, выбить с нее противника и занять оборону. Исходный рубеж наступления — высота южнее Кутовой.

Для поддержки наступающих были выделены 2-я гаубичная батарея 241-го арtpолка младшего лейтенанта А. И. Селиверстова, батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта В. А. Бея, 120-миллиметровая батарея минометов младшего лейтенанта А. А. Жукова и 1-я рота 82-миллиметровых минометов лейтенанта А. Н. Илюшичева. С южного берега Рыбачьего своим огнем должна оказать помощь сводная батарея.

Командир 1-го батальона определил свой КП и НП на исходном рубеже — метрах в трехстах—четырехстах от противника. Но только мы начали сосредоточиваться, как противник обнаружил нас и открыл артиллерийско-минометный огонь. В ответ ударили наши пушки и минометы. Стена разрывов, столбы дыма и пыли закрыли Безымянную. Огонь противника стал слабее — очевидно, наши артиллеристы подавили некоторые его батареи, но на полосе наступления еще рвались мины и снаряды.

Комбат, оценив обстановку, подал сигнал, и мы пошли вперед. Пошли — это не то слово, — мы большей частью ползли по-пластунски. На узком участке фронта, мелкими группами преодолевая простреливаемое противником предполье, бойцы сосредоточивались в «мертвом» пространстве у подножия Безымянной. Наша артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника. Короткая команда «За Родину, вперед!» — и начался штурм высоты.

Атаку вели мелкими группами, не более отделения. Каждый метр мы преодолевали, пробиваясь с помощью ручных гранат и ружейно-автоматного огня. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, но шаг за шагом мы приближались к вершине, стараясь завязать рукопашный бой. Егеря рукопашной не приняли и бежали с высоты. Безымянная стала нашей. Бой длился около пяти часов. Солдаты сразу же заняли оборону и стали выкладывать из крупных камней окопы.

3-я рота понесла ощутимые потери, но была способна вести оборонительный бой. Был ранен лейтенант А. И. Рябушкин. Легкое ранение получил и комбат Лоханский. Позднее за первые бои он был награжден орденом Красного Знамени.

На смену нам прибыла рота младшего лейтенанта П. В. Лысова, усиленная пулеметным взводом 1-й пульроты. 3-ю стрелковую роту отвели на передний край обороны, а разведке было приказано отойти на КП командира полка, попутно захватив и эвакуировав тяжелораненых.

По пути на КП я зашел на огневые позиции полковой батареи. Бой только что закончился. Одно наше орудие было разбито. Немного в стороне какая-то женщина перевязывала ногу раненому. Откуда здесь женщина? Ведь все семьи офицеров и гражданское население с полуостровов было эвакуировано.

На НП у стереотрубы сидел командир взвода управления батареи лейтенант Н. Зайцев.

— Что за женщина у вас? — спросил я.

— А, это ты, Василий Петрович, — сказал лейтенант, оборачиваясь ко мне. — Это жена лейтенанта Коптелова. Когда эвакуировали семьи, она отказалась ехать и осталась санитаркой на батарее. А теперь вот оказывает первую помощь своему мужу.

Я вспомнил, как, приехав в Кутовую, жена Коптелова по собственной инициативе взялась готовить в офицерской столовой. Тогда все офицеры благодарили ее за вкусные обеды. И вот теперь, в час грозных испытаний, она под пулями и снарядами врага осталась рядом с мужем на огневой позиции, чтобы оказывать артиллеристам первую помощь.

На КП я встретил капитана Лоханского.

— Ну как, товарищ Барболин, нюхнули порохового дымку?

— Нюхнул.

— Да, это не учения: дал сигнал, все вскочили и пошли в атаку. Вот видишь, у нас атака получилась ползком на животе. Если так воевать будем, то на нас обмундирования не напасешься. А все же это нам наука. Запомни, каждый бой своеобразен. Уставом тут всего не предусмотритишь.

Действительно, наш успех в этом наступлении определялся инициативой, смелостью и находчивостью сер-

жантов и рядовых- солдат, так как бой велся мелкими группами. Этот экзамен показал, что мы способны побеждать хваленых гитлеровских горных егерей.

Обстановка несколько стабилизировалась. На Безымянной высоте оборонялась рота младшего лейтенанта Лысова. На высоте 40,1 находилась 56-я отдельная пулеметная рота лейтенанта Крутских. Усилилась и наша артиллерийская группировка — прибыла 3-я батарея 241-го гаубичного полка лейтенанта Белоуса.

Бывший командир батареи, ныне полковник в отставке, Александр Денисович Белоус вспоминает:

«Батарея прикрывала губу Скорбеевскую. 30 июня конный нарочный доставил приказ коменданта 23-го УРа полковника Д. Е. Красильникова — совершить марш-бросок и занять боевые позиции на перешейке у Кутовой.

Пройдя по бездорожью около сорока километров, батарея прибыла в Западное Озерко. Гаубицы замаскировали в кустарнике на берегу. Сложнее оказалось с лошадьми, а их было около шестидесяти.

Оставив за себя командира взвода управления И. И. Былинина, я с двумя разведчиками выехал для выбора огневых позиций. По дороге попадались группы раненых, отходившие к Озерку.

Я прибыл на НП полковника Пашковского, находившийся на высоте 342,0, и получил от него информацию об обстановке. Два батальона 135-го полка, пулеметчики и пограничники в тяжелых боях сдерживали превосходящие силы противника, рвавшего на полуострова.

Свой НП я разместил в расщелине скалы на гребне высоты 47,6, у Кутовой, а огневые позиции батареи решил расположить у кромки торфяного болота, метрах в шестистах позади НП. Это была военная хитрость: инструментальная разведка врага опреде-

лит координаты позиций, но, когда их перенесут на карту, они окажутся в болоте. При огневых налетах снаряды противника будут попадать в стоящую впереди стенку из камней и торфа или камуфлетировать в болоте. Позиция была очень выгодная — весь перешеек Кутовой перекрывался нашим огнем. Недалеко располагалась и наша 2-я батарея.

Сложнее было перебросить батарею — местность просматривалась противником, солнце светило круглые сутки. Ждать тумана не было времени. Поэтому я решил: поорудийно, на полном галопе шестеркой лошадей проскакивать двухкилометровый участок с орудийными расчетами на лафетах и передках.

Нам с самого начала не повезло — подручная лошадь среднего уноса первого орудия, которое вел я, при форсировании ручья споткнулась и упала. Произошла остановка на виду у немцев. Они начали пристрелку, но расчет помог лошади подняться, и на галопе мы помчались дальше. Труднее было проводить остальные орудия — участок уже простреливался противником. Возвратившись за вторым орудием, я решил его и третье пускать поочередно — второе по кромке отлива, а третье — по маршруту первого. Так и сделали. Пока враг пристреливался по второму, третье успело проскочить ранее пристрелянный участок.

К исходу третьих суток батарея заняла свои огневые позиции, на которых стояла все сорок месяцев. Был оборудован НП, и вскоре мы повели огонь по противнику».

* * *

Передний край обороны не был оборудован в инженерном отношении. Сюда подтянули саперов — роту 135-го полка лейтенанта А. Т. Лебедева и роту 289-го отдельного саперного батальона, которые 2 июля приступили к инженерным работам на перешейке от Малой Тунтури до губы Кутовой. В круглосуточный день, под непрерывным огнем противника, саперы возводили проволочные заграждения, минировали подступы к первой линии нашей обороны.

Нельзя было не восхищаться отвагой и мужеством саперов. Смотришь, они, как муравьи, тащат крестовины, опутывают их колючей проволокой, укрепляют. И вдруг все тонет в разрывах и пороховом дыму — враг открыл артиллерийский огонь. Горит и содрогается земля, раскалываются камни, стена дыма и пыли закрывает все. Кажется, никого живого не осталось. Но вот рассеивается дым; оседает пыль, и, словно из-под земли, появ-

ляются чудо-богатыри саперы и продолжают свое дело. Снова артналет, снова огонь и дым, и снова саперы работают. В итоге передний край обороны от Муста-Тунтури до Кутовой на фронте в два километра был перекрыт проволочными заграждениями, заминирован, прикрыт артиллерийским и пулеметным огнем.

д / Лебедев

Разведотряд после выполнения задачи на высоте Безымянной был переброшен на Среднюю Муста-Тунтури, где складывалась тяжелая обстановка. 2 и 3 июля на всем протяжении шести-километрового фронта от Малой Волоковой до Кутовой продолжались кровопролитные бои. Грохот взрывов, всплески отрывочных пулеметных и автоматных очередей... Все слилось в жуткую какофонию боя.

Сначала основное усилие противник сосредоточил в направлении Кутовой, пытаясь захватить высоты Безымянную и 40,1, обороняемые нашей стрелковой и-56-й отдельной пулеметной ротами. Несколько раз гитлеровцы силою до батальона штурмовали сопки. Шли рукопашные бои, рвались гранаты, но, не добившись успеха, фашисты откатывались вспять на исходные позиции, оставляя на подступах к этим высотам сотни человек убитыми и ранеными.-

Огромную помощь пехотинцам и пулеметчикам в отражении атак противника оказывали артиллеристы старшего лейтенанта Бея, лейтенанта Бикеева, младшего лейтенанта Селиверстова. Почти круглосуточно не умолкали минометы лейтенантов Трегубова, Илюшичева и младшего лейтенанта Жукова, своим огнем перекрывавшие подступы к нашему боевому охранению. С полуострова Рыбачьего громила врага сводная батарея старшего лейтенанта Скрובה.

Не достигнув успеха в направлении Кутовой, командование горнострелкового корпуса переместило основной удар на хребет Муста-Тунтури, который обороняли 2-й стрелковый батальон с пулеметной ротой, пограничники и минометчики. 4 июля с утра противник начал подтягивать егерей к подножию хребта, готовясь захватить Большую Муста-Тунтури. Сосредоточив перед позициями 5-й роты до батальона пехоты и роту автоматчиков, фашисты начали атаку.

Бой нарастал и усиливался. В первой половине дня вся сопка была в огне — трещали пулеметы и автоматы, гремели разрывы гранат. Наши боевые порядки отстояли от врага всего на несколько десятков метров, поэтому ни мы, ни фашисты не могли применить артиллерию и минометы, чтобы не поразить своих. Наши минометы вели огонь по подступам к высоте, не давая врагу подбрасывать подкрепления.

Бойцы 5-й роты лейтенанта Авакова и 6-й погранзаставы лейтенанта Непышного стойко отбивали все атаки фашистов. Связной Авакова И. Квашнин, взяв пулемет убитого товарища, открыл фланговый огонь по наступающему врагу и уничтожил до двадцати егерей. В это время Аваков был тяжело ранен. Передав пулемет другому солдату, Квашнин вынес командира из-под огня. Пал в бою и лейтенант Непышный.

Подбросить подкрепление 5-й роте было невозможно, а противник вводил в бой все новые и новые группы егерей, наращивая удар. К концу дня почти все защитники Большой сопки были убиты. Несколько человек, оставшихся в живых, присоединились к 6-й роте на Средней Муста-Тунтури. Большая Тунтури была захвачена врагом. Вскоре пала и Малая.

Полковник Красильников приказал командиру 135-го стрелкового полка передислоцировать с Рыбачьего 3-й батальон. Оборона северо-западного побережья Рыбачьего возлагалась теперь только на 7-й отдельный пулеметный батальон да на не имевших боевого опыта приданных ему 52-ю, 53-ю и 54-ю отдельные пулеметные роты. Но иного выхода не было.

С 5 по 18 июля батальон под командой капитана И. П. Амвросова поротно передвигался к переднему краю и поротно вводился в бой, усиливая боевые порядки 2-го батальона. Первой прибыла 7-я рота, а за ней 3-я минометная рота лейтенанта А. С. Роноева.

Разведотряд отдельными группами под огнем врага прорывался к хребту. На гребне и скалах там и тут появлялись вспышки взрывов и шаровидные облачка дыма. Они постепенно сливались в единое бурое облако, через пелену которого ничего не было видно.

На Средней Тунтури 6-я рота контратаковала противника и сбила его с южных скатов, но удержаться на совершенно голом месте под фланговым огнем с Большой и Малой сопок не смогла. Ранен командир взвода лейтенант Москальчук, получил ранение и политрук роты А. Р. Фокин. Рота отошла на северные

Г. В. Колничев

скаты. Командир роты лейтенант П. В. Сергиенко возглавил новую контратаку. Снова враг был сброшен с южных скатов, и снова рота, попав под интенсивный огонь минометов и пулеметов, вынуждена была отойти. Убит Сергиенко, тяжело ранен комбат капитан Н. Н. Бежиташвили. Остервенело рвавшихся вперед егерей сдерживал пулеметный взвод лейтенанта Г. В. Колничева. Пулеметчики П. И. Терентьев и П. Послухаев, возглавляемые сержантом М. Тихомировым, вели огонь и одновременно успевали отбрасывать назад летевшие к ним немецкие гранаты.

Когда я со своими разведчиками поднялся на Среднюю Муста-Тунтури, тяжелораненого капитана Бежиташвили заменил командир 2-й пулеметной роты лейтенант П. К. Высоцкий. Кругом грохотал бой, всюду лежали убитые и раненые. Враг атаковал нас на правом фланге с Большой Тунтури, пытаясь окончательно сбросить с хребта. Прокладывая себе путь гранатами и огнем автоматов, мы оттеснили егерей на Большую Тунту-

ненных и убитых. А утром к нам подошло подкрепление. Я получил приказ командира полка полковника Пашковского — разведчикам прибыть на его командный пункт. Когда явились на КП, в строю у меня оставалось пятьдесят шесть человек — более половины мы потеряли в боях убитыми и ранеными. Но своей прямой задачи — вести разведку, мы не выполняли, разве что собирали документы убитых фашистов.

К утру 7 июля бои на хребте Муста-Тунтури начали утихать. Только в отдельных местах еще возникали кратковременные острые схватки. Но враг, понеся большие потери, уже не пытался атаковать нашу оборону здесь.

7 июля по дороге Титовка—Кутовая на большой скорости мчался немецкий мотоциклист. Наши пулеметчики с высоты 40,1 дали по нему очередь. Мотоцикл перевернулся, мотоциклист вылетел из седла и стал отползать. Командир роты приказал взять его живым. Тяжелораненый фашист пытался отстреливаться из пистолета, но выстрелом из винтовки ему перебили руку, и он был схвачен. При нем был пакет с приказом командира горнострелкового корпуса «Норвегия» генерал-полковника Дитля. Из приказа следовало, что гитлеровцы должны были 4—6 июля разгромить нашу группу войск на полуостровах, захватить Рыбачий, ликвидировав тем самым угрозу корпусу с фланга, и уничтожить нашу артиллерию, топившую фашистские суда, которые шли в Линахамари. Затем войска противника должны были перейти на участок фронта по реке Западная Лица, чтобы принять участие в захвате Полярного и Мурманска. На все вопросы истекающий кровью фанатичный фашист отвечал: «Ради победы фюрера не страшно умереть. Победим все равно мы!»

С 10 июля на нашем участке фронта установилось относительное затишье. Почти две недели враг не атаковал. Только на Муста-Тунтури эпизодически вспыхивали скоротечные схватки да периодически строчили пулеметы. Но вот 24 июля во второй половине дня артиллерия противника обрушила массированный огонь на Безымянную, обороняемую ротой младшего лейтенанта Лысова. Наши батареи открыли заградительный огонь. Сопка скрылась в дыму разрывов. Комбат-1 капитан Лоханский перебрался на свой передовой НП и оттуда руководил боем.

С каждым часом сражение становилось ожесточеннее — противник эшелон за эшелон бросал свои подразделения на Безымянную. Неся большие потери от огня нашей артиллерии и пулеметов, фашисты упорно рвались вперед. Отдельные группы егерей сумели прорваться в «мертвое», недостижимое для нашего огня пространство и, накопив силы, бросились на штурм. Завязались гранатные и рукопашные бои. Погиб командир роты младший лейтенант Лысов, убиты командиры взводов. Раненые солдаты с трудом отползали в Кутувую. Почти вся рота погибла. Высота Безымянная пала.

На следующий день утром мне приказали явиться на КП командира полка. Полковник Пашковский, выслушав мой доклад, спросил:

— Вы наблюдали за боем на высоте сто двадцать два ноль?

— Так точно. Но это не сто двадцать вторая, а Безымянная. Та — южнее, ее фашисты захватили еще тридцатого июня.

— Приказываю: взводу разведки немедленно атаковать противника и вернуть Безымянную! Приказ ясен?

— Так точно!

— Ваши действия поддержит огнем полковая батарея.

— Товарищ полковник, прикройте отряд дымовой завесой или разрешите выполнение приказа отсрочить до наступления тумана. Местность на полтора километра открытая, простреливается фронтальным и фланговым огнем. Солнце светит нам в глаза. Кроме того, артиллерия противника сильнее нашей. Разведотряд и так понес большие потери. Успех может быть достигнут только внезапностью...

— Не возражать! Выполняйте приказ!

Я необдуманно вспыхнул:

— Расстреливайте меня или отдавайте под трибунал, но разведчиков на бессмысленную смерть не поведу. Приказ выполню ночью или если будет туман.

Пашковский схватился было за пистолет, но присутствовавший на КП батальонный комиссар Кац удержал его. Комиссар позвонил коменданту 23-го укрепленного района полковнику Красильникову, доложил обстановку, приказ Пашковского и мою просьбу. Передав трубку командиру полка, он приказал мне выйти и готовить отряд для выполнения приказа.

Возвратившись к разведчикам, я сел у скалы и задумался. Меня могут судить и расстрелять за невыполнение боевого приказа. За себя я не боялся, смерть меня не страшила, сколько раз за эту неделю она была рядом. Мне было жаль своих боевых друзей, которые могли погибнуть без всякой пользы. А ведь война только началась. Но, с другой стороны, ведь меня расстреляют как труса...

Подошли разведчики, спрашивают:

! — Что с вами, товарищ младший лейтенант? Почему вы такой угрюмый?

— Что-то нездоровится...

А что я мог им ответить? Сидел и думал о своем малодушии. Пытался утешить себя, мол, все равно погибать... Но как погибать? Лучше уж в бою, чтобы с тобой вместе гибли и враги. Передумал многое и решил: приказ командира — закон. Встал и направился к КП.

В это время приехал полковник Красильников. Я не знаю, о чем шел разговор у них с командиром полка. Проверяю готовность разведчиков, смотрю — идет ко мне комендант и с ним замполит командира полка. В голове опять мысль о невыполнении приказа. Допустим, я погибну. Но зачем без пользы губить разведчиков? Зачем жертвовать такими людьми, которые прошли финскую кампанию, отважно сражались с немцами? В любую минуту они готовы идти в огонь. Пусть я буду жертвой, хоть мертвому не придется краснеть за бездарную гибель своих товарищей.

Красильников и Кац подошли к отряду. Я подбежал и доложил:

— • Товарищ полковник, разведотряд готовится к выполнению боевого приказа командира полка.

Даниил Ефимович поздоровался, осмотрел отряд и говорит:

— Что-то разведчиков у вас маловато осталось. Когда прошлый раз я встретился с вами, отряд был больше.

— Так точно, товарищ полковник. Но ведь война.

• — Разведчиков нужно беречь. Это глаза и уши командира. У вас народ боевой.

Помолчав, добавил:

— Командир полка свое решение изменил. Вы будете выполнять его последний приказ, он мною утвержден. Как только опустится туман, высоту Безымян-

ную, которую обороняла вторая рота, вернуть, врага уничтожить. Атаковать будете без артподготовки, внезапно. После овладения Безымянной наша артиллерия поставит заградительный огонь. Если тумана не будет, атакуете ночью, тогда поддержат артиллеристы. Ясно?

— Ясно, товарищ полковник.

— Я буду на КП командира полка. Вышлите ко мне связного и ждите моего сигнала.

— • Есть ждать сигнал! — громко и весело ответил я.

Д. Е. Красильников ушел, а комиссар остался и начал разговор, чтобы смягчить конфликт. Он объяснил, что за потерю Безымянной командира полка не простят. Поэтому он и решил вернуть ее контратакой.

— • Ваши доводы верны, но для выполнения приказа требуют времени. Дымовых снарядов у нас нет. Поэтому я и вмешался, попросил коменданта решить эту задачу более разумно. Вы знаете, что полк понес большие потери в людях, а пополнения ждать неоткуда — мы отрезаны от четырнадцатой армии. Сейчас дорог каждый человек. Поэтому отчасти вы правы.

Поговорив затем с разведчиками и пожелав нам успеха в выполнении приказа, комиссар ушел на КП.

Я сидел и думал — как выполнить приказ, если не будет тумана. Видимо, придется атаковать после полуночи: тогда солнце светит с севера и будет слепить противника, а не нас. Но в этом случае внезапности не достигнешь и потери будут больше.

На наше счастье около двух часов ночи 26 июля с губы Малая Волоковая на перешеек потянулись клубы тумана, которого мы с таким нетерпением ждали. Когда основания сопков начали исчезать в белесой пелене, на радостях забыв об указании коменданта ждать его сигнала, я скомандовал:

— В колонну по одному, за мной!

И мы тронулись. Туман стелился понизу. Вершины сопков еще просматривались. Преодолев небольшой пригорок бегом, отряд сосредоточился примерно в километре от противника. Стояла удивительная тишина. Меня догнал связной и передал приказ Красильникова ожидать его. А минут через пятнадцать появился и сам комендант в сопровождении отделения с ручным пулеметом.

— Куда спешишь? Почему сигнала не дождался? — сердито выговаривал полковник.

— Туману обрадовался, товарищ полковник...

— Спешка к хорошему не приводит. Сейчас связи-сты подойдут.

Появились радист и три телефониста. Красильников махнул рукой в сторону противника, я подал условный сигнал, и разведчики развернулись в цепь. Прибывшее отделение присоединилось к нам. Полковник прошел вдоль фронта и, пожелав успеха, удалился на КП.

— Вперед!

Соблюдая максимальную осторожность, отряд начал движение к подступам Безымянной. Тишина действовала угнетающе — • не знаешь, откуда может ударить враг. Скорей бы бой. Тогда можно будет быстро сориентироваться и принять решение. Нервы напряжены до предела...

Вот стала слышна немецкая речь, бречанье металла о камни — противник строил оборонительные сооружения. Я поднял пистолет и выстрелил. И тотчас, открыв огонь из автоматов, разведчики устремились на высоту. Застигнутые врасплах егеря палили наугад, не причиняя нам ущерба. Большинство гитлеровцев, а их было около роты, были убиты, остальные сумели удрать. Мы потеряли одного бойца, двое были ранены. Выполнение всей задачи заняло не более двух часов.

Связавшись с КП по телефону, я доложил о взятии высоты, о наших потерях и добавил, что приступаю к оборонительным работам. Полковник Красильников поздравил нас с успехом и приказал передать разведчикам благодарность от его имени.

Я выбрал места для огневых точек, расставил пулеметы и, пока противник в растерянности молчал, приказал своим бойцам подобрать тела погибших товарищей из роты Лысова и перенести их к подножию высоты, чтобы потом доставить в Кутую. Обходя высоту, наткнулся на погибшего командира роты младшего лейтенанта Лысова — тело его застыло в том положении, в котором он был, когда его настигла вражеская пуля: он стоял на коленях, привалившись грудью к камню, в опущенных руках были пистолет и бинокль. Пуля попала ему в лоб. Видимо, в момент атаки он стрелял из пистолета, так как затвор был взведен.

Часа через два противник опомнился. На Безымянной заплясали огни разрывов, завывли, засвистели осколки мин и снарядов. Вскоре туман начал рассеивать-

ся, и к артиллерии присоединились пулеметы. Дым, пыль, удушливый запах взрывчатки... Над нами зашестели тяжелые снаряды — гаубичные батареи Селиверстова и Белоуса повели заградительный огонь по 122-й. Вскоре с Рыбачьего откликнулась и сводная батарея.

Нам удалось восстановить только часть огневых точек и НП. Использовать оборону егерей было нельзя, так как траншеи и окопы были оборудованы ими на южных скатах, которые перекрывались огнем противника с высоты 122,0. Разведчики укрылись в расщелинах и под большими камнями. Около двух часов гремела артиллерийская канонада. Затем все смолкло. С наблюдательного пункта было видно, как мелкие группы противника с высоты 109,0 то двигались на нашу сторону, то отходили назад. Разведчик, наблюдавший за этим сектором, доложил:

— Это немцы своих убитых и раненых выносят.

Второй добавил:

— Носить им не переносить, возить не перевозить. Раздался хохот. Эта поговорка потом долго бытовала среди разведчиков.

Во время артиллерийско-минометного обстрела три разведчика были убиты, семь тяжело ранены. Мы попытались их эвакуировать, но перекрестный огонь на подступах к Безымянной стал столь плотным, что, оказав раненым первую помощь, пришлось укрыть их под обрывом высоты.

В ночные часы, когда солнце в какой-то мере слепит противника и он не имеет возможности вести прицельный огонь, мы эвакуировали раненых и пополнили боезапас.

Весь день артиллерия врага методически вела огонь по нашей высоте. Вышла из строя телефонная связь. Штаб полка трижды посылал телефонистов, но они были или убиты или ранены в пути. Разведчики, на глазах у которых гибли их товарищи-связисты, тяжело переживали их смерть, но помочь ничем не могли. Я передал по рации на КП, чтобы больше не пытались восстановить линейную связь. Наши позиции хорошо видны с НП полка, к тому же мы имеем радио.

Потеряв высоту Безымянную, гитлеровцы блокировали нас: все подступы были перекрыты пулеметным и снайперским огнем, артиллерия и минометы вели си-

стематический обстрел. Пришлось отдать приказ экономить патроны, вести только прицельный огонь. Доложил на КП, попросил ночью подбросить «семечек и картошки» (так мы условно называли патроны и гранаты).

Утром 27-го радист подает мне кодограмму: «Комполка приказал мне с подкреплением и связистами восстановить линейную связь и поднести боезапас. Кузнецов».

Я ответил: «Доложите комполка—только ночью, иначе будут большие потери». Радист передал цифровой код и, подождав ответа, выключил рацию.

Наблюдатель за тылом доложил:

— Из Кутовой выходят люди.

Я взял бинокль. Было видно, как человек двадцать пять—тридцать перебежками выбрались на открытое место. И тут с трех сторон ударили немецкие пулеметы. Укрыться нашим было негде, они ползли по-пластунски. Я приказал открыть огонь по пулеметам гитлеровцев, но это не помогло. Замирали на месте убитые, раненые пытались отползать назад. Наконец капитан Кузнецов и с ним двое красноармейцев добрались до нас. Притащили два ящика патронов.

Кузнецов в изнеможении сел на камень.

— • Чем я помогу? Это безумие, безумие! — говорил он, обхватив голову руками.

— Я же докладывал, чтобы днем не пытались пройти к нам, — сказал я.

— Пашковский и слушать не захотел. Приказал выполнять приказ безоговорочно.

Закурили. Успокоившись, он осмотрел нашу оборону, дал указания на случай атаки гитлеровцев и вечером отправился назад. Это был умный и храбрый офицер, грамотный штабист. В сентябре его перевели на Кестеньгское направление.

28 июля весь день противник вел беспокоящий огонь из пулеметов и минометов, не предпринимая активных действий. 29-го пуля, срикошетив, ударила мне в левую ногу. Я подозвал разведчика Даниленко и попросил снять с меня сапог. Треть пули торчала наружу. Даниленко вытащил ее и перевязал ногу индивидуальным пакетом. Вызвав помощника, я приказал вести усиленное наблюдение за противником.

30 июля по рации поступила кодограмма: взводу разведки совместно с отрядом добровольцев лейтенанта

Калугина, который прорвется на Безымянную, взять
циану 122,0.

Эта высота значительно выше нашей и углублена
• й оборону противника. Подступы к ней хорошо про-
| см.трнваются, простреливаются многослойным огнем.
[^Наступающим укрыться или окопаться невозможно —
I сплошная скала. В то же время с этой высоты легко
I контролировать подступы к хребту Муста-Тунтури
" и к высоте 109,0.

Загудел зуммер телефона.

— Товарищ младший лейтенант, связь восстано-
iii, — доложил телефонист.

Я соединился с начальником штаба и сказал, что
наступать невозможно.

— Вы были у меня три дня назад и видели все, — до-
бавил я.

— Это решение командира.

Возражать не имело смысла. Пришлось отдать при-
каз готовиться к наступлению.

Около пятнадцати часов полковая артиллерия уда-
рила по высоте 122,0. Из района НП полка начал вы-
движение на исходные позиции отряд А. П. Калугина.
На плато заплясали огненные фонтаны разрывов — про-
тивник открыл по наступающим шквальный огонь из
орудий и минометов. Затараторили пулеметы. Наши
где ползком, а где короткими перебежками пытались
проскочить голое пространство. Но все больше бойцов
выходило из строя. Сраженные стальным ливнем, они
падали, чтобы никогда больше не встать. Раненые пы-
тались ползти вперед.

Мы с Даниленко наблюдали за продвижением отря-
да Калугина. Сердце обливалось кровью, хотелось по-
мочь товарищам. Но чем? Даниленко поднял руку, пы-
таясь показать что-то, но рядом грохнула мина. В ушах
завенело. Я с трудом перевел дух. Вижу, Даниленко
медленно приседает у скалы. Бросился к нему и услы-
шал: «...напишите...». Так погиб хороший разведчик
Даниленко.

К нам на высоту добрался только командир отряда
А. П. Калугин. Мы перевязали ему раны, дали воды.
Несколько минут он приходил в себя, затем со злостью
сказал:

— Лучше бы меня убило, чем смотреть на этот кош-
мар. Какие люди погибли...

. "Отряд добровольцев был сформирован из коммунистов и комсомольцев. Почти половина их погибла,, остальные были ранены. "-::."

•с С 30 июля активных боевых действий" противник, не вел, ограничиваясь беспокоящим ружейно-пулеметным и минометным огнем. Мы тщетно ломали головы, пытаясь разгадать его намерения. Только позднее узнали, что за этим крылось.

Понеся большие потери в десятидневных боях и не добившись выполнения поставленной задачи — захватить -Мурманск и полуострова, командование горнострелкового корпуса «Норвегия» решило сосредоточить вер свои'силы на Мурманском направлении, разгромить оборонявшиеся на Западной Лице части 52-й и 14-й стрелковых дивизий, овладеть Мурманском и базой Северного флота Полярным. Поэтому, оставив на перешейке прикрытие из 2-го батальона 136-го горнострелкового полка, 67-го отдельного самокатного батальона и 55-го противотанкового дивизиона, остальные части противник перебросил на направление главного удара.

Но гарнизон Рыбачьего дамочловым мечом нависал над флангом наступающей фашистской группировки, и, чтобы обезопасить себя с этой стороны, немцы перебросили на перешеек 14-й пехотный полк финнов и свой 14-й отдельный пулеметный батальон (в октябре финнов заменили 388-м пехотным полком 214-й дивизии немцев).

Положение на нашем участке фронта стабилизировалось. Наше боевое охранение располагалось на хребте Муста-Тунтури и на высотах Безымянная и 40,1.

Муста-Тунтури — мрачный, голый каменный хребет, круто обрывающийся к северу, в сторону полуострова Среднего, открытый ветрам-Ледовитого океана. Ни кустика, ни мха на его скалистых кручах. Только на террасах кое-где зеленела хилая растительность, да и та была выжжена разрывами мин. Не случайно он получил свое название (в переводе с финского, Муста-Тунтури — «Черные горы»).

Горные егеря занимали южные, более пологие скалы. Наше боевое охранение располагалось по кручам и террасам северных. От двадцати до пятидесяти метров «ничейной земли» — гребни сопки — отделяли наши позиции от врага. Но самое неприятное заключалось в том, что противник владел Большой сопкой, с которой

он просматривал, и простреливал не только наше боевое охранение, но и первую линию обороны. Малая Муста-Тунтури тоже была в руках противника. И с первого же дня на хребте шли непрерывные схватки с егерями. Днем и ночью трещали пулеметы и автоматы, ухали разрывы мин и ручных гранат.

Укрытий и землянок в первые месяцы обороны на нашей стороне не было. Под постоянным обстрелом их не построишь, да и строить-то не из чего. Вода на хребте тоже отсутствовала, а ее требовалось немало — не только для питья, но и для станковых пулеметов. Воду мы доставляли во фляжках из ручьев и озер, находившихся поблизости, у подножия сопки, но каждая такая вылазка была связана со смертельным риском, так как вся местность обстреливалась противником.

Между Муста-Тунтури и первой линией нашей обороны простиралась плоская равнина шириной в два-три километра, поросшая низкорослыми полярными березками и ивами. Три озера, соединенные ручьями, затрудняли подступы к хребту. Вся равнина простреливалась врагом из всех видов оружия. Поэтому ни послать подкрепление, ни эвакуировать раненых, ни доставить боезапас и пищу в условиях круглосуточного полярного дня мы не могли, не подвергаясь ежеминутной опасности.

Подноски, которых у нас ласково называли «ботиками», под огнем противника с большим трудом добивались до нашего боевого охранения. Зачастую по одному-двум «ботикам» вели огонь и пулеметы, и снайперы, и даже минометная батарея. Недаром эта равнина получила у солдат название «долина смерти». Только во время тумана, когда гитлеровцы вели огонь наугад, можно было почти без потерь пройти в боевое охранение. Положение улучшилось с наступлением ночей. Тогда мы получили возможность произвести смену подразделений, несших трудную вахту на хребте.

К востоку от Малой Тунтури поднимались отдельные, сравнительно невысокие, сопки. Боевое охранение располагалось на высоте Безымянной, у подножия 122-й и на небольшой высотке 40,1 у самой кромки воды губы Кутовой. Промежутки между ними перекрывались ружейно-пулеметным и минометным огнем. Кроме того, в случае необходимости наша артиллерия могла обеспечить неподвижный заградительный огонь. В целом

наше боевое охранение имело протяженность по фронту порядка шести километров.

Почему же хваленым «героям Нарвика», как фашисты именовали своих горных егерей, не удалось с ходу захватить Средний и Рыбачий? А ведь еще 2 июля в газете «Фолькишер беобахтер» была напечатана хвастливая статья, в которой красочно рассказывалось, как горные егеря генерала Дитля штурмом овладели Рыбачьим.

Уже после войны бывший гитлеровский полковник В. Гесс в своей книге «Заполярный фронт в 1941 году», пытаясь объяснить неудачу с захватом полуостровов, описывает обрывистые скалы Муста-Тунтури и говорит о «могучих советских укреплениях», якобы оборудованных нами севернее хребта и задержавших егерей. А в действительности в те дни у нас не было даже окопов. Не скалы и мифические советские укрепления, а мужество, самоотверженность, горячая любовь к Родине защитников Рыбачьего остановили фашистов.

Известно, что к началу войны на нашей границе от губы Малая Волоковая до озера Чапр располагались 3-й и 2-й батальоны 95-го стрелкового полка 14-й дивизии, 35-й отдельный разведывательный батальон той же дивизии, пограничники 6-й, 7-й и 8-й застав. Их поддерживали два дивизиона 241-го гаубичного артиллерийского полка. 52-я стрелковая дивизия находилась на марше. Ее головной 112-й полк в условиях полного бездорожья прибыл к реке Титовка только к исходу 29 июня и с ходу вступил в бой.

Таким образом, нашу границу на протяжении тридцати пяти километров прикрывали только три батальона неполного состава да два дивизиона гаубиц. Зенитных средств было крайне мало, а авиационного прикрытия вообще не было.

Командование горнострелкового корпуса «Норвегия» бросило в наступление на наши малочисленные подразделения 136-й, 137-й горноегерские полки 2-й горнострелковой дивизии и 138-й горноегерский полк 3-й дивизии (139-й горноегерский полк этой дивизии находился в районе Луостари, через три дня его ввели в бон за Рыбачий). Егерей поддерживала артиллерия, минометы и авиация. Достаточно сказать, что 29 июня боевые порядки 95-го полка подверглись бомбардировке ста двадцатью самолетами противника.

Несмотря на превосходство врага в численности и боевой технике, солдаты и офицеры 95-го стрелкового полка героически отбивали атаки гитлеровцев. Но под нажимом превосходящих сил, цепляясь за каждую высоту, за каждый камень, они были вынуждены отходить. Погибли почти все офицеры и сержанты, солдаты, по существу, остались без командиров.

Командир 14-й стрелковой дивизии генерал-майор А. А. Журба, выехавший для руководства боем на левом фланге, погиб. Было известно, что 29 июня около 11 часов он в сопровождении начальника штаба артиллерии дивизии капитана В. Крылова и своего адъютанта лейтенанта П. И. Абрамова выехал на левый фланг, приказав командиру 95-го полка майору С. И. Чернову руководить боем на правом фланге. Южный мост через Титовку непрерывно бомбила вражеская авиация. Командир дивизии приказал перевести два артиллерийских дивизиона, пока цел мост, на правый берег реки, а сам поехал дальше. Больше никто не видел ни генерала, ни сопровождавших его лиц.

Позднее два красноармейца, вышедшие из окружения в 112-й полк 52-й стрелковой дивизии, рассказали, что они видели генерала, который с группой красноармейцев вел бой с немцами около какого-то озера.

И только спустя много лет, в 1975 году, нашелся свидетель, он же и участник последнего боя генерала — бывший пограничник 6-й заставы П. И. Терентьев. Он рассказал, что вечером 29 июня группа пограничников 6-й заставы и присоединившихся к ним солдат 95-го полка, возглавляемая сержантом-пограничником Н. О. Ремизовым, выходила из окружения. В районе высоты 298,4 их атаковали просочившиеся туда немецкие автоматчики. Отбив атаку, группа решила отходить к Титовке, но в это время слева послышалась стрельба — немцы преследовали наших отходивших солдат. Ремизов приказал открыть огонь по преследователям, и под его прикрытием к пограничникам присоединилось двенадцать—пятнадцать солдат во главе с генерал-майором Журбой. Возглавив отряд, в котором уже насчитывалось до сорока человек, генерал приказал выдвинуться на высоту 342,0 и занять там оборону до подхода подкрепления.

Отбивая по пути нападения мелких групп противника, отряд занял круговую оборону на высоте 342,0. Ге-

нерал-майор Журба направил двух связных к командиру 95-го полка с приказом прислать подкрепление. Вскоре отряд был атакован, как выяснилось, солдатами 67-го отдельного самокатного батальона немцев. Атака была отбита. Генерал, руководя боем, сам вел огонь из автомата ППД, был ранен в руку.

Противник повторно атаковал отряд, но, не добившись успеха, начал обходить его с фланга. А. А. Журба приказал бойцам отходить на Титовку, но путь туда уже был отрезан. Пришлось двигаться правее озера Суормусярви к высоте 388,9. По пути к отряду присоединилось еще до двух взводов солдат 95-го полка, выходивших из окружения. Было принято решение отходить на полуостров Средний. Около озера Тиесярви, километрах в трех от Большой Муста-Тунтури, отряд генерала вступил в бой с горными егерями, атаковавшими нашу оборону на хребте. Бой продолжался долго.

Но слишком неравными были силы. Отряд понес большие потери. Лишь несколько человек с генералом прорвались западнее хребта. Но и здесь пришлось отбивать яростные атаки врага. На исходе 30 июня генерал-майор А. А. Журба был убит. Сержант Н. О. Ремизов и солдат Игумнов похоронили его, заложив камнями между двух валунов. Такова последняя героическая страница жизни генерала Александра Афанасьевича Журбы. Оставшиеся в живых несколько человек вместе с Ремизовым и Терентьевым в ночь на 1 июля вышли на полуостров Средний и присоединились ко 2-му батальону 135-го полка.

Летом 1976 года поисковая группа, созданная Мурманским облвоенкоматом и городским комитетом ветеранов войны, отыскала могилу А. А. Журбы. Останки генерала были перевезены в Мурманск и с почестями захоронены на воинском кладбище.

* * *

23-й укрепленный район был создан приказом командующего 14-й армией генерал-лейтенанта В. А. Фролова. Командование и штаб укрепленного района прибыли на Рыбачий 23 июня, когда война уже началась. Связи с подчиненными частями у полковника Красильникова еще не было. Положение создалось трудное, но комендант вышел из него с честью.

Задачей укрепленного района было предотвратить высадку морского и воздушного десанта противника, а в случае, если врагу все же удастся проникнуть на полуостров, уничтожить его. К тому времени во всем укрепрайоне на побережье было закончено строительство всего нескольких железобетонных дотов. К началу наступления немцев части, расположенные по берегам, успели построить еще тридцать девять дзотов, оборудовать восемнадцать оружейных окопов и семь окопов для стрелковых отделений. В общем укрепленного района в полном смысле этого слова, по существу, не было.

Однако командование горнострелкового корпуса десанты высаживать не рискнуло, а начало наступление на суше, предполагая захватить полуострова с тыла гарнизона. В результате прорыва обороны 95-го стрелкового полка враг создал угрозу левому флангу гарнизона Рыбачьего, предпринимая отчаянные попытки ворваться на полуострова. В этих сложных условиях командант 23-го укрепленного района полковник Красильников проявил себя волевым, инициативным и тактически грамотным командиром. Сияв с побережья роты 135-го стрелкового полка и батареи 241-го гаубичного артполка, он перебросил их на перешеек, прикрыв тем самым фланг укрепрайона, и лично, в самые трудные моменты, под ружейно-пулеметным огнем противника руководил боем. Благодаря таким решительным и смелым действиям наши воины сумели встретить противника хорошо организованным огнем, контратаковали и остановили его.

Таким образом, частям укрепленного района, по существу, пришлось вести встречный бой как обычным полевым войскам.

Конечно, Красильников рисковал, оставляя на побережье Рыбачьего лишь 7-й отдельный пулеметный батальон и вновь сформированные 52-ю, 53-ю и 54-ю отдельные пулеметные роты, которые были недостаточно обучены и не имели боевого опыта. Но риск был оправдан.

*

Все последние пять дней июля противник ограничивался методичным обстрелом наших позиций из минометов и пулеметов. На высоте 122 гремели взрывы — немцы строили оборонительные сооружения.

В ночь на 31 июля густой туман окутал окрестности. Пришлось усилить караулы. С КП полка сообщили, что нас сменяет рота 1-го батальона, которая будет нести боевое охранение на Безымянной. Рота прибыла, и мы, забрав раненых и убитых, двинулись в Кутовую. Смена подразделений противником замечена не была.

Разведотряд разместился в районе НП полка. Я прибыл на командный пункт и доложил о выполнении приказа.

Полковник Пашковский сидя выслушал мой рапорт, а когда я окончил, встал и с упреком сказал:

— • Вы выполняли не мой приказ, а приказ коменданта укрепленного района.

Я смутился и попросил разрешения выйти.

С КП полка пошел в штаб. Начальник штаба капитан Кузнецов встретил меня радушно. Обсудили обстановку, поговорили о личных делах. Он приказал дать разведчикам возможность привести себя в порядок: помыться, побриться, постирать белье и, конечно же, отдохнуть, ведь они целый месяц находились в боях. А мне было велено идти в санроту.

Раненые разведчики, находившиеся в медсанроте, обрадовались моему приходу и засыпали вопросами, словно мы год не виделись. Поговорили, с грустью вспомнили о павших в боях товарищах. Врач осмотрел мою ногу.

— Вам надо полежать. Рана небольшая, но уже началось нагноение. А это плохо, — сказал он.

Я отказался. Рану обработали, перевязали, и я ушел в отряд.

Вскоре из госпиталя вернулись семь разведчиков, все в бинтах. Спрашиваю: «Выписали?» Молчат. Пожурил их немного, но принял.

Целый месяц мы не знали, что происходит на фронтах Отечественной войны, что нового в стране. Попросили батальонного комиссара Каца провести у нас беседу. Новости, рассказанные комиссаром, были невеселые: на всех направлениях наши войска, ведя кровопролитные оборонительные бои, вынуждены отходить, оставляя города и села. Затем комиссар зачитал нам телеграмму Военного совета Северо-западного направления: «Считаем, что дивизии Мурманского направления сражаются стойко, упорно и честно выполняют свой долг перед Родиной. Ворошилов. Жданов».

— Вот видите, только у нас враг остановлен. На Западной Лице отражено второе наступление фашистов,— сказал Кац.— Уж если мы небольшими силами сумели остановить врага, то и на других фронтах остановят и разгромят немецко-фашистских оккупантов. Необходимо время, чтобы мобилизовать все силы страны на разгром врага.

Мы удивились краткости информации и попросили дать нам свежих газет.

— Нам почта не доставляется уже три недели. Враг блокировал полуострова с моря и с воздуха. Сводки Совинформбюро принимаем по радио. Вот и весь наш источник информации.

Однако отдыхать разведчикам долго не пришлось. Начальник штаба приказал нам взять контрольного пленного, чтобы выяснить замыслы противника.

В ранние утренние часы «долина смерти» была затянута туманом. Только вершины Муста-Тунтури, словно острова, выделялись в молочном море. Взвод разведчиков поднялся на «высоту с погранзнаком». Солдаты 3-го стрелкового батальона, несшие здесь службу боевого охранения, с винтовками и гранатами в руках, сидели наготове в расщелинах и за валунами. Утомленные, с черными, обросшими щетиной лицами, они стойко переносили тяготы войны. Непрерывные гранатные и рукопашные схватки обязывали каждую секунду быть готовыми вступить в бой. От противника их отделяло пятнадцать—двадцать метров «ничейной» земли—голый каменный гребень высоты.

Но как взять «языка»? Солнце светит почти круглые сутки. Каждый метр «ничейной» земли простреливается ружейно-пулеметным и минометным огнем. Мы долго обсуждали все возможные варианты и, наконец, придумали.

У перевала за большим валуном притаились три самых сильных разведчика во главе со старшим сержантом Даниловым, а огонь здесь, чтобы создать у немцев иллюзию слабой обороны, не вели. При очередной попытке сбить нас с высоты, не встретив на этом участке противодействия, фашисты устремились к камню. Три гитлеровца выскочили на нашу сторону. Разведчики, находившиеся в засаде на флангах группы захвата, внезапно открыли отсекающий огонь. Два немца были убиты, а третий схвачен. Это был рядовой 388-го полка.

Позвонили начальнику штаба и доложили о выполнении приказа.

— Доставить пленного в штаб, — последовало указание.

Озлобленные неудачей, фашисты остервенело лезли на нас. Гранаты сыпались градом. Но наши бойцы в большинстве случаев успевали отбрасывать их назад.

Выделил двух разведчиков и направил с ними «языка». Бой продолжался, хотя уже начал ослабевать. Телефонист помахал мне рукой и показал на телефонную трубку. Я подполз.

— Что у вас происходит? — услышал я голос капитана Кузнецова. м

— Фашисты лезут.

— Много их?

— Бьем, не считаем.

— А пленный где?

— Направлен в штаб.

В это время возвратились разведчики, конвоировавшие пленного.

— Товарищ младший лейтенант, «язык» убит, — доложили они.

Я от неожиданности выронил трубку, в которой гудел голос начальника штаба. Опомившись, приложил ее к уху.

— Вы что, оглохли? — кричал капитан. — Когда они вышли?

— Товарищ третий, пленный убит.

— Что? За убийство пленного конвоиров под трибунал!

. Словно догадавшись, о чем идет речь, разведчики доложили, что «язык» убит осколком немецкой гранаты в голову. Сказал об этом начальнику штаба.

— Черт знает что такое. До сих пор ни одного пленного не доставили. Приносите солдатские книжки, а что они могут дать? Повторить операцию!

Легко сказать «повторить». Еще несколько дней мы пытались взять контрольного пленного, какими только способами не пользовались, но, увы, безуспешно.

Вскоре разведзвод был отозван с передовой. Мы проверяли и чистили оружие, подгоняли снаряжение, готовясь к новым боям. Прошло немного времени, и меня вызвали в штаб полка. Помощник начальника штаба по разведке лейтенант Симонов сказал:

— Нужен контрольный пленный, очень нужен. Относительное затишье на нашем участке настораживает. Противник что-то замышляет. Полковник приказал взять «языка». Четыре часа в сутки почти темно, да и туманы не так уж редки. Действуй!

Взвод снова выдвинулся на Муста-Тунтури. Несколько дней мы тщательно наблюдали за поведением фашистов. Решили брать «языка» на Малой Тунтури. Здесь было самое удобное место — сопка почти сплошь затягивается туманом, в то время как вершины Большой и Средней чисты.

Наблюдатели засекли огневую точку и изучили подходы к ней. Командир стрелкового взвода, когда ему показали дзот, решил минометным огнем уничтожить его. Но я его предупредил, чтобы эту точку оставили в покое.

— Ты что? — удивился он. — Такая выгодная цель! Сколько фашистов можно перебить!

— Нам «язык» нужен. Будем брать его здесь.

— Ладно, — с неохотой согласился он.

И вот со стороны Малой Волоковой потянулись космы редкого тумана, обволакивая подножия высот. Разведчики сосредоточились на фланге Малой сопки. Группу захвата из пяти человек возглавил старший сержант Данилов. Отделение прикрытия ползком выдвинулось правее седловины и залегло. Я с группой отхода залег у гребня высоты, выдвинув вперед бойцов с ручными пулеметами. Ночную тишину то там, то здесь нарушал стрекот дежурных немецких пулеметов, да изредка ухали разрывы гранат.

Туман был слабый, но ждать нельзя. Послал связного в группу прикрытия с приказом выдвигаться на место, а Данилову, похлопав его по плечу, указал вперед. Он уполз.

Потянулись минуты томительного ожидания. Два пулемета нацелены на дзот, третий — в сторону группы прикрытия. Пулеметчики замерли в ожидании команды. Но пока все тихо. Только слышно прерывистое дыхание лежащих рядом со мной разведчиков.

Вдруг бабахнул винтовочный выстрел, и тут же застрекотали наши автоматы. Стрельба шла правее немецкого дзота. Я приказал двум пулеметчикам открыть по нему огонь. Было смутно видно, как группа захвата приближается к нам, таща, пленных. Правее, ведя огонь

из автоматов, отходила группа прикрытия. Ударил наш третий пулемет. Наконец все в сборе. У нас двое раненых. Данилов доложил о захвате двух «языков». Я подошел к пленным. Один из них сидел, привалившись спиной к скале, и с ненавистью смотрел на нас. Второй лежал. Он был мертв.

— Мертвого-то зачем принесли? — спросил Данилова.

— Жив был, когда ташили. Видимо, по пути умер.

Тишины на Муста-Тунтури как не бывало. По всему хребту поднялась пальба. Пулеметные очереди, винтовочные выстрелы, взрывы гранат. Вскоре с противным визгом посыпались и начали рваться немецкие мины.

Прибежал связной из стрелкового взвода.

— Вас к телефону.

Я спустился в землянку и взял трубку.

— Как успехи? — спросил Симонов.

— Взяли двоих. Но один уже умер.

— Не везет тебе. Смотри, хоть второго живьем доставь.

Стрельба мало-помалу прекратилась. Начинался рассвет. Разведвзвод с «языком» благополучно перешел на КП 3-го батальона. Сдав «добычу» прибывшей из штаба полка группе конвоиров, мы отправились на отдых.

Вечером меня снова вызвали в штаб. Капитан Кузнецов держал в руке солдатские книжки немцев.

— И на этот раз никакого успеха. Твой второй пленник умер до допроса. Когда же вы научитесь доставлять «языков»?

* * *

Итак, рыбацинцы остановили противника на перешейке, соединявшем материк с полуостровом Средним, вынудив горных егерей перейти к обороне. Но гарнизон Рыбачьего был отрезан от основных сил по суше, и это создало огромные трудности в снабжении наших частей боеприпасами, продовольствием, в подброске подкреплений.

Нашей «дорогой жизни», по которой поддерживалась связь с Мурманском, был Мотовский залив. Его ширина составляет от шести до восьми километров. Южный берег залива находился в руках неприятеля. Фашисты поставили на нем батареи, открывавшие огонь

по любому судну, шедшему в Эйно или Озерко. Сводная батарея старшего лейтенанта Скробова вела успешную контрбатарейную стрельбу и заставляла умолкать орудия врага. Но фашистская авиация господствовала в воздухе. Немецкие самолеты бомбили боевые порядки на полуостровах, нападали на суда. Так 10 июля был потоплен знаменитый «Персей», доставлявший медикаменты для нашего полевого госпиталя. Был подожжен моторный бот «ГО-6», вывозивший раненых.

Крупнотоннажные суда являлись хорошей мишенью для вражеской артиллерии и авиации и, чтобы не рисковать ими, на Рыбачий стали направлять маленькие юркие моторные боты — потопить их было не так-то просто. Защитникам полуостровов были хорошо известны промысловые суденышки «Сазан», «Пузанок», «Таймень», «Зенит», которые прорывались сквозь артиллерийский огонь и бомбежки, доставляли в Эйно или Озерко снабжение и боеприпасы, вывозили раненых. Правда, грузоподъемность у этих суденышек была маловата, они не справлялись, поэтому время от времени к нам приходили и среднетоннажные пароходы «Революция», «Пролетарий», «Свияга» и другие.

Проводя суда вблизи берега, занятого фашистами, под постоянным артобстрелом, капитаны судов старались проскочить в «мертвую зону» под крутым берегом у мыса Пикшусв. Сводная открывала огонь по батареям врага и, пользуясь этим, суда прорывались в Эйно или Озерко.

В первых ожесточенных боях с врагом расход боеприпасов у нас был катастрофически велик. Поэтому, когда положение стабилизировалось, комендант укрепленного района полковник Красильников издал приказ, лимитировавший расход снарядов, мин и патронов. Из винтовок и пулеметов разрешалось вести только прицельный огонь. Для минометов была установлена норма 0,5 мины на ствол в день. Все это неизбежно вело к снижению нашей боевой активности, но иного выхода пока не было.

Пришлось урезать и продовольственные пайки.

На полуостровах не было ни древесины, ни каких-либо других строительных материалов. А ведь нужно строить оборонительные сооружения, землянки, госпиталь. В дело шло все, что могло пригодиться: плавник, выбрасываемый волнами, бревна и доски от разбитых

врага строений, камень, торф, мох. Правда, 25 июля на пароходе «Ваенга» в Эйно доставили стройматериалы и дрова, но они и в малой мере не могли удовлетворить наши потребности. А суровая полярная зима была уже не за горами.

Из зенитных средств в укрепрайоне имелись только пулеметы, которые не могли обеспечить надежную защиту от авиации противника. Пока на Мурманском направлении шли ожесточенные бои, самолеты врага не так часто нападали на нас. Но как только наступление фашистов на Западной Лице провалилось, гитлеровские стервятники усилили бомбежки и обстрелы наших позиций и тылов. Особенно ожесточенно бомбили они береговые батареи и пулеметные точки. Разведчик «Фокке-Вульф-189», прозванный за двойной фюзеляж «рамой», с утра до вечера кружил над полуостровами, выискивая цели для бомбардировщиков. Следует признать, что бомбежки ощутимого ущерба нам не приносили. Все у нас было укрыто под землей, ориентиры для летчиков отсутствовали, и бомбили они в основном по площадям.

# # #

В предвидении возможного нового наступления фашистов командование укрепленного района решило усилить артиллерийскую поддержку частей, обороняющих перешеек. Сводная батарея, пользовавшаяся большим авторитетом у наших солдат, одна не могла обеспечить действенной поддержки. Поэтому на южный берег Рыбачьего были передислоцированы 1-я и 2-я батареи 104-го артиллерийского полка. Вместе со сводной они составили 1-й дивизион, командиром которого был назначен Яков Дмитриевич Скробов.

Необходимо было укрепить и наше боевое охранение на Муста-Тунтури. Средняя сопка и «высота с погранзнаком» выступом вдавались в оборону противника. Поэтому фашисты предпринимали отчаянные усилия, чтобы сбить наше боевое охранение с этих высот. Последняя попытка была предпринята в ночь на 2 августа. Более взвода гитлеровцев начали ожесточенный штурм «погранзнака». Оборонявшие этот участок бойцы отразили несколько атак. Но враг не унимался. В живых остались двое — Бабичук и Антипенко. Когда кончились патроны, отважные солдаты бросились на

фашистов со штыками и погибли. В это время подошло подкрепление.

Штаб 23-го укрепрайона разработал план овладения Малой и Большой сопками. 11 августа взвод лейтенанта Москальчука, пр_ед_ол_ев шквал заградительного огня, стремительным броском ворвался на вершину Малой Муста-Тунтури. Гитле ровцы, не выдержав натиска, бежали, оставив пуд_сметы. т-т₀ и взвод понес потери, его командир был тяжело ранен. Командование, принял политрук 6-й роты Д. Р. Фокин, который тоже вскоре получил ранение.

Два дня отбивали наши бойцы яростные контратаки фашистов. Только Восемь человек оставалось на еопке. Подошли к концу боеприпасы, и политрук приказал отойти к подножию высоты. Вскоре им на помощь подошло отделение бойц_{ов}. Они принесли с собой патроны, гранаты, мины. Нац_артиллерия ударила по вершине, и вслед за огневым валом взвод пошел в атаку. Младший сержант Козлов метким выстрелом из миномета уничтожил пулемет, который фашисты успели установить на фланге. Погц_{ли в х о д} гранаты. Рукопашной противник не принял и отошел. На Малой Муста-Тунтури был создан опорный пункт нашего боевого охранения. Первую часть плана командования полк выполнил.

Кончился полярный день. Ночные часы — самое благоприятное время. дл_я разведчиков. И мы старались его использовать полностью. Как только темнело,; разведчики^выдвигались^ближе к обороне противника и, выждав олагонриятный момент, забрасывали огневые точки врага гранатами, врывались в траншеи. Обычно немцы отходили на вторую линию обороны, а по своим, теперь захваченным разведч_{иками} траншеям открывали пулеметно-минометный огонь. Приходилось, взорвав дзоты, отходить.

Наученный горьким опытом враг укрепил свои опорные пункты. На проволочных заграждениях появилась сигнализация, подст_{пы к ним} были плотно заминированы. По ночам темноту вспарывали осветительные ракеты, чеканили дробь пулеметы, рвались гранаты. Взять «языка» на хребте не удавалось.

С наступлением ночей саперы 289-го отдельного саперного батальона приступили к инженерному оборудованию нашей обороны на правом фланге, от губы Малая Волоковая к Кутовой. В короткий срок установили

проволочное ограждение, приступили к рытью траншей. Это оказалось делом исключительной трудности, — грунт здесь — сланцевые плиты с гравием и песком. Приходилось орудовать ломami и кирками, а больше всего руками, потому что немцы, заслышав звон металла о плитняк, пускали осветительные ракеты и открывали минометный огонь. Тем не менее почти двухкилометровая траншея была отрыта. Заминировали передний край.

8 сентября противник предпринял очередное наступление на Мурманском направлении. Чтобы не дать врагу возможности перебросить подкрепления с нашего участка фронта на Западную Лицу, командующий 14-й армией генерал-майор Р. И. Панин (В. А. Фролов был назначен командующим Карельским фронтом) приказал командованию 23-го укрепрайона активизировать боевые действия.

Еще в первых числах сентября мои разведчики обнаружили замену частей противника на Муста-Тунтури, о чем было доложено в штаб. На НП 3-го стрелкового батальона прибыл полковник Красильников и целый день наблюдал в стереотрубу за неприятелем. Он вызвал меня и приказал доложить все, что мне известно о поведении гитлеровцев и особенностях рельефа Большой Тунтури.

Высота Большой Муста-Тунтури превышает 250 метров. В нашу сторону сопка обрывается отвесными уступами, по которым подняться невозможно. Но в одном месте есть ущелье. Пользуясь веревкой, по нему можно достичь вершины. Противник, уверенный, что мы не в состоянии преодолеть кручи, оборону здесь ослабил. Мы обнаружили его НП и несколько огневых точек, но егерей не видели. Очевидно, они находились на южных скалах.

Полковник, внимательно осмотрев в стереотрубу ущелье, согласился с моими выводами. «Надо подумать», — сказал он и вечером уехал на свой КП.

На другой день утром на НП прибыли полковник Красильников, командир 135-го полка полковник Пашковский и пограничник капитан Хрявин. Наблюдая в стереотрубу за противником и уточняя детали по карте, они разработали план операции.

Была поставлена боевая задача — иод прикрытием ночной темноты внезапно атаковать и уничтожить про-

тивника на Большой Муста-Тунтури, закрепиться на ней и организовать оборону. Для выполнения задачи выделялась рота пограничников и стрелковая рота 135-го полка. Пограничники должны во время отлива пройти по осушной зоне и напасть на противника с тыла. Пехотинцам предстояло подняться по ущелью на Большую сопку, чтобы атаковать врага с фронта. Затем обе роты должны были соединиться и организовать совместную оборону. Операция планировалась в ночь на 10 сентября.

7 сентября меня неожиданно вызвали в штаб полка, и капитан Кузнецов объявил мне приказ: разведотряд передать заместителю, а самому отбыть в распоряжение командира 4-й роты лейтенанта Наумова, его заместителем.

Рота занимала оборону на переднем крае и готовилась к выполнению боевой задачи. П. Д. Наумов знал меня и обрадовался моему назначению.

— Тщательно проверь подготовку роты к бою, — сказал он, — заодно познакомишься с личным составом. Да, вот еще что: в первом взводе нет командира, прими-ка его пока сам.

Во второй половине дня 9 сентября лейтенанта Наумова вызвали в штаб полка. Возвратившись, он собрал офицеров и помощников командиров взводов и объявил боевой приказ: рота с наступлением темноты должна выдвинуться к подножию Большой Муста-Тунтури, подняться на сопку, выбить противника и организовать оборону.

— Кто будет руководить нами в этой операции? — спросил я. — Одна наша рота будет вести бой? Поддержат ли нас артиллерийским огнем?

— Наша задача выполнять приказ, а об остальном забота командира полка, — ответил Наумов.

Я никак не предполагал, что роте придется штурмовать Большую сопку. Для этого лучше было направить разведчиков, они вооружены автоматами, более подвижны и дерзки. К тому же в 1940 году я проводил с ними занятие на хребте, и они хорошо знали местность. Но приказ не обсуждают, а выполняют.

Когда мы остались вдвоем с Наумовым я спросил:

— А пограничники будут участвовать в операции?

— Они вчера уже захватили Большую Тунтури, подняли на вершине красный флаг. Целый день их

атаковали немцы. Удержаться они так и не смогли. Погиб капитан Хрявин, вышла из строя почти половина роты. Они отошли.

— Но по плану операции мы вместе с ними должны были атаковать. План-то при мне разрабатывался. Почему же нас не послали?

— Откуда мне это известно? Очевидно, срок атаки перенесли. Мне думается, это связано с началом наступления на Мурманском направлении. А вот почему нас не бросили в бой, не ясно. Приказ мне отдавал начальник штаба. Командира полка я не видел. Он не выходил из своей землянки.

Обсудив, как лучше выполнить приказ, мы решили увеличить количество боекомплектов. Я предложил взять дополнительно десять ящиков гранат, пять ящиков патронов и веревку метров в сто длиной. Подъем на высоту очень тяжелый и доставить боеприпасы во время боя будет трудно. Командир роты согласился.

Стемнело. Стрельба на хребте постепенно утихла. Только немецкие осветительные ракеты с шипением взлетали в ночное небо, освещая мертвенным голубоватым светом вершины сопки. Да на Средней Муста-Тунтури гремел гранатный бой. Короткая команда, и рота в колонне по одному двинулась к подножию Большой Тунтури. С высоты дул Ветер, что нам благоприятствовало, — он заглушал шум иногда возникавший при движении роты.

Вот и ущелье. Сосредоточились и замерли. Напомнили солдатам о необходимости соблюдать полную тишину, иначе, "если противник обнаружит нас, достаточно будет двух автоматчиков, чтобы перестрелять всех во время подъема.

— Давай, Василий Петрович, двигайся первым, тебе этот путь лучше знаком, — тихо сказал лейтенант Наумов.

Взяв в одну руку автомат, а в другую конец веревки, я начал подъем. За мной, выдерживая двухметровый интервал, двинулась рота. За первым взводом шел лейтенант П. Д. Наумов, второй взвод возглавлял лейтенант Б. П. Латухов, а замыкал колонну политрук роты А. С. Швецов.

Ночь была исключительно темная. Крутизну преодолели только перед рассветом. Вот и узкая терраса, тянувшаяся метров на сто вдоль гребня высоты. Впере-

ди, метрах в тридцати, наблюдательный пункт противника. Ветер доносил оживленный разговор немцев. Очевидно, сбив с высоты пограничников, атаковавших их с тыла, гитлеровцы считали, что атака с фронта невозможна — слишком уж круто обрывается сопка в нашу сторону.

Командир роты приказал рассредоточить бойцов вдоль террасы, выдвинуть вперед пулеметы и наметить цели. В центре расположился мой первый взвод, справа — второй взвод лейтенанта Латухова, слева — третий. Рота затаилась, приготовившись к атаке. Медленно наступал тусклый осенний рассвет. Ко мне подошел лейтенант Наумов и, тронув за плечо, махнул рукой в сторону противника. Я выскочил на гребень, пробежал несколько шагов и метнул одну за другой три гранаты в НП гитлеровцев, затем открыл огонь из автомата. Рота дружно бросилась в атаку. Первым на северные скаты прорвался взвод лейтенанта Латухова, за ним — мой. Фашисты открыли беспорядочный огонь, но были выбиты с северных скатов. В наших руках оказались миномет, тяжелый и два легких пулемета, стереотруба и наш станковый пулемет, видимо захваченный немцами у пятой роты. Десятка два мертвых фашистов валялось поблизости.

Теперь предстояло выйти на южные скаты. Опомившийся противник повел шквальный пулеметный и автоматный огонь. Над вершиной словно светлячки понеслись трассирующие пули, поднять голову было невозможно. Мы попытались атаковать, но, потеряв несколько человек убитыми, вынуждены были отойти на северные скаты и залечь. Завязался огневой бой, пошли в ход гранаты. Лейтенант Наумов перебежал от взвода к взводу и приказывал: «Эконоьте патроны, бейте наверняка». Санинструктор вытаскивал раненых и убитых на террасу.

Судя по интенсивности огня, противник превосходил нас численностью раз в пять.

Но вот над нами засвистели мины, и у подножия высоты загрохотали разрывы. Лейтенант Наумов, прислушиваясь к взрывам, сказал:

— Заградительный огонь по подступам к нам, чтобы подкрепления не подошли. Сейчас атаку жди.

И действительно, только он это проговорил, как фашисты — их было до батальона — с дикими криками

устремились на нас. Одиннадцать наших пулеметов дружно ударили по атакующим. Оставляя убитых, гитлеровцы откатились на исходные позиции. В этой схватке был ранен командир роты. Некоторое время он еще руководил боем, но потерял много крови, и его, находившегося в бессознательном состоянии, эвакуировали. В командование вступил я.

Несмотря на то, что боеприпасы мы стремились экономить, их оставалось очень мало. Скорого пополнения не предвиделось, и поэтому я отдал санинструктору приказ собирать патроны и гранаты, оставшиеся у убитых и тяжелораненых, складывать их у стенки террасы. Ходячим раненым было поручено выносить в наш тыл оружие погибших.

Противник не хотел примириться с потерей северных скатов и через каждые два-три часа, словно по расписанию, атаковал нас. Но встреченный дружным ружейно-пулеметным огнем и гранатами, отходил. Особенно нас выручали гранаты Ф-1, отличающиеся большой поражающей силой. Взрываясь на голых каменных скатах, «лимонки» наносили немалый ущерб наступающим фашистам. К вечеру первого дня гряда вражеских трупов выросла перед нашими позициями. Немцы утаскивали своих убитых с помощью веревки с крюком на конце.

Бой то утихал, то возобновлялся с новым ожесточением. Получили ранения политрук Швецов и командиры взводов. Из офицеров остался я один. Место политрука занял парторг роты младший сержант А. И. Яковлев, мурманчанин. Связи ни с полком, ни с соседней ротой у нас не было. Приказ — удержать захваченные позиции — оставался в силе. Значит, если не подойдет подкрепление, надо держаться до конца, до последнего патрона.

Ночью противник предпринял еще две безуспешные атаки. Пользуясь темнотой, наш санинструктор эвакуировал последних раненых. Перед утром мне принесли десятка два солдатских книжек — они принадлежали солдатам и ефрейторам 388-го пехотного полка немцев.

* Весь день 11 сентября гитлеровцы систематически атаковали, но мы дрались упорно. На левом фланге с ручным пулеметом залег младший сержант. Его пулемёт, не умолкавший все время, вдруг захлебнулся. К нему бросился парторг Яковлев. Через некоторое время пулемет застучал. Возвратился Яковлев и доложил:

— Пулеметчик сильно ранен в ногу. Оказал ему помощь. От эвакуации он категорически отказался.

В момент затишья между атаками я обошел оставшихся в живых наших солдат. Их было не более двадцати пяти — тридцати человек. Усталые, они при моем подходе старались подтянуться, утомленно улыбались, но было видно, что держатся из последних сил. Надо было что-то делать. Решил — после атак буду оставлять у пулемета дежурного, а остальные пусть хоть по часику поспят. Так прошел еще день.

В ночь на 12-е противник предпринял яростную атаку на нашем левом фланге. Еще десять человек вышли у нас из строя, в том числе пулеметчик. На теле погибшего младшего сержанта санинструктор насчитал семь пулевых ран. Был ранен и парторг, но от эвакуации отказался.

Всю ночь над нами висели осветительные ракеты немцев. Периодически тишину взрезал стрекот пулеметов. Изредка рвались гранаты подползавших фашистов. Не по-осеннему яркий, какой-то праздничный, пришел рассвет. На востоке из-за гребней дальних сопok показался диск солнца. Я ждал подкрепления, но его не было. Утром одна из наших батарей открыла огонь по подходам со стороны противника. Мы обрадовались, значит, помощь должна подойти. Но вскоре пушки умолкли. Никто не прибыл. Вечером ранило и меня. Санинструктор сделал перевязку, и я вернулся к бойцам.

А на следующую ночь после очередной атаки немцев нас осталось всего четверо: я, вторично раненный парторг Яковлев, мой связной Хабибулин, и санинструктор. Яковлев от эвакуации наотрез отказался:

— Пока я жив, никуда не уйду. Погибать, так вместе.

У нас был ручной пулемет с двумя дисками и... одна граната. Я приказал Хабибулину немедленно идти в штаб полка и доложить обстановку, а санинструктора послал в ущелье Цоискать, нет ли там гранат. Яковлев лежал рядом со мной, бой вести он уже не мог. Но все же вдвоем было как-то веселей.

Вдруг подбегает взволнованный Хабибулин и докладывает:

— Мы окружены, там немцы, — и показывает рукой на ущелье.

— Ложись за пулемет, я сам посмотрю.

Взял единственную гранату и спустился к ущелью. Смотрю — солдаты-то в наших касках! Наши! Окликнул их. Ко мне поднялись восемь разведчиков. У них было по автомату и по шесть гранат.

— Подкрепление подошло? — спросил я.

— У подножия сопки — рота. У них телефонная связь с полком, — доложили разведчики.

— Один человек к командиру роты, быстро! — приказал я. — Пусть рота поднимается, пока мы держим скаты.

Остальные разведчики заняли оборону. Я попросил воды и с жадностью выпил почти всю флягу. Вскоре гитлеровцы предприняли новую атаку. Я лежал за пулеметом, вторым номером был мой связной. Атаку отбили...

...Пришел в сознание в медсанроте на третьи сутки. Левая рука в лубках, весь перебинтован, болит голова. У койки сидит командир взвода конной разведки лейтенант Евдокимов.

— Как дела у нас? — спрашиваю.

— Северные скаты в наших руках. Тебя с Яковлевым спасли разведчики. Они продержались до подхода роты. Сейчас на Большой — пятая рота, усиленная пулеметчиками. Есть телефонная связь с полком. Роту прикрывает батарея минометов младшего лейтенанта Жукова. Твой связной Хабибулин погиб.

Вместе со мной в медсанроте находился и парторг Яковлев. Потом нас обоих перевели в полевой госпиталь укрепрайона. Он тоже вернулся в нашу роту, только несколько позже меня.

Уже возвратившись из госпиталя, я узнал подробности этого последнего боя на Большой Муста-Тунтури. Когда я вел огонь по немцам из пулемета, с фланга на меня напали несколько фашистов и забросали гранатами. Наши разведчики скосили их из автоматов. На высоту уже поднималась 5-я рота лейтенанта Максимова. Она-то и удержала северные скаты. Из нашей 4-й роты невредимым остался только санинструктор. Он на своих плечах перетащил по ущелью всех раненых и убитых.

Вот как вспоминал о тех днях бывший командир 5-й роты Павел Васильевич Максимов:

«В сентябре 1941 года меня вызвали в штаб 135-го полка. Начальник штаба капитан Василий Кузнецов сказал:

— На Большой Тунтури ведет бой четвертая рота лейтенанта **Наумова**. Рота несет большие потери. Вы назначаетесь командиром пятой роты. Полковник Пашковский приказал удержать высоту и взять контрольного пленного.

Мне дали двух разведчиков для сопровождения. Чтобы подняться на высоту, пришлось ждать темноты. Рота уже два дня сидела под сопкой. Солдаты, слыша наверху бой, волновались, а командир 2-го батальона старший лейтенант Остряков не решался подняться на сопку, непонятно почему считая, что там наших нет. Позднее за это его отстранили от командования батальоном.

Дождались темноты и почти всю ночь взбирались по крутому ущелью. На рассвете сосредоточились на северных скалах.

Голая отвесная скала. И на ней только восемь наших разведчиков — вот что увидели мы там. До нас здесь дрались пограничники капитана Хрявина и рота лейтенанта Наумова. Теперь нам придется снова выбивать противника с высоты, так как площадь, обороняемая разведчиками, была слишком мала.

Окончательно рассвело. Я примостился к большому камню и в перископ разведчика стал осматривать местность. Находившийся слева от меня разведчик доложил: «Немцы!» — и выстрелом свалил одного из них. Я метнул гранату. Тут же мне под ноги упала немецкая граната. Успел отбросить ее обратно и отскочил к террасе в укрытие. Противник открыл минометный огонь.

В кратковременных схватках с противником прошли два дня. На третий прибыло пополнение — взвод полковой разведки под командой лейтенанта Гречко. Мы, атаковали фашистов, разбили несколько его огневых точек, разрушили сложенные из камня траншеи, но удержаться не могли — сильный минометный огонь не давал возможности закрепиться на совершенно голом месте. Пришлось отойти в исходное положение. Во взводе разведки появилось много раненых, понесла потери и моя рота.

В один из дней гитлеровцы после интенсивного артиллерийско-минометного обстрела предприняли атаку, мы отбили ее гранатами. Противник вызвал авиацию: передний край нашей обороны подвергся сильной бомбардировке, а нас самолеты обстреляли из пушек и пулеметов. Погибли два гранатометчика. Но и на этот раз; враг успеха не добился.

В двадцатых числах сентября к нам прибыл лейтенант Ф. С. Хвостовский с заданием организовать захват «языкам. Но операция не удалась. 29 сентября во время очередной атаки в окопе, где *был* мой КП, осколками фашистской мины был убит связист, ранены санинструктор, солдат В. Ф. Ельчаинов и я. 30-го> меня и других раненых эвакуировали в госпиталь».

К сказанному добавлю, что расширить плацдарм на Большой Муста-Тунтури так и не удалось. Но до самого разгрома гитлеровцев в Заполярье на отвоеванном в кровопролитных боях пятачке располагался наш опорный пункт № 1. Между собой солдаты называли его «шестеркой», потому что там постоянно находилось только шесть человек.

В середине октября с меня сняли бинты. Только руку пришлось долго носить на повязке. Из госпиталя выписался, как говорится, с боем. В полку, когда вернулся, почти каждый третий солдат или офицер ходили в бинтах. Это напомнило мне кадры из известного кинофильма «Мы из Кронштадта». А в общем все понятно: те, кто был ранен легко, не желали оставаться в госпитале, стремясь вернуться в родное подразделение.

— Там быстрее выздоровеем,— обычно твердили они медикам.

И действительно, в строю раны, заживались на удивление быстро. Что здесь влияло — трудно сказать.

Я направился в штаб полка. Начальник строевой части старший лейтенант Голубев удивленно уставился на меня:

— А тебя считают убитым... Родным послана «похоронка».

Вот это новость! Срочно написал домой. Только позднее я узнал, что ни «похоронка», ни мое письмо до родных не дошли. Очевидно, почта вместе с ботом ушла на дно Мотовского залива. Такое бывало,

И еще новость — полковник Пашковский, батальонный командир Кац и начальник штаба полка капитан

Кузнецов выбыли к новому месту службы. Обязанности командира 135-го стрелкового полка были возложены на бывшего командира 15-го отдельного пулеметного батальона капитана Михаила Сергеевича Хорунжего. Комиссаром полка стал старений политрук Искаир Кужахметов, до этого комиссар 7-го отдельного пулеметного батальона, а начальником штаба назначили старшего лейтенанта Макеева.

Теперь можно было подвести итоги сентябрьских боев за Большую Муста-Тунтури. Они превзошли все наши ожидания. Противник понес большие потери в живой силе и технике. Мы захватили миномет, несколько пулеметов, много автоматов и винтовок. Конечно, и мы потеряли порядочно людей, особенно ранеными.

Гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы сбить нас с высоты. Это и понятно — сопка господствует над окружающей местностью, с нее хорошо просматривался передний край нашей обороны и боевое охранение на остальном участке хребта Муста-Тунтури. Однако ликвидировать наш опорный пункт здесь враг так и не смог. Солдаты 135-го стрелкового полка и пулеметчики УРа стояли насмерть.

Не могли и мы овладеть Большой Муста-Тунтури полностью, хоть несколько раз и сбивали с нее противника. Но условия местности таковы, что построить за короткий срок надежные укрытия для бойцов на совершенно голой скале было невозможно.

Малочисленный гарнизон Рыбачьего не только удерживал **свои позиции**, но и наносил удары по врагу, не давая ему возможности перебросить отсюда подкрепления на Западную Лицу, где его части вели наступление, стремясь захватить Мурманск. Береговые батареи, установленные на полуостровах Среднем и Рыбачьем, блокировали военно-морскую базу фашистов в порту Линахамари, топя вражеские корабли со снабжением и пополнением. Недаром Гитлер директивой № 36 от 22 сентября 1941 года предписывал: «...еще до наступления зимы овладеть по меньшей мере западной частью полуострова Рыбачий и тем самым исключить возможность ведения огня артиллерией противника и действий его торпедных катеров с целью блокирования подступов к порту Линахамари».

В трудные для 14-й армии моменты Рыбачий приходил ей на помощь, посылая на сухопутный фронт живую

силу и технику, Так, в конце июля 1941 года на базе 53-й и 57-й отдельных пулеметных рот был сформирован отдельный пулеметный батальон, куда передали также часть своего личного состава 7-й и 15-й отдельные пульбаты. Командиром батальона был назначен старший лейтенант Новожилов, комиссаром — А. И. Малыгин, а секретарем партбюро избрали мурманчанина С. И. Кулешова. Когда положение на Западной Лице осложнилось, отдельный пулеметный батальон был переброшен в оперативное подчинение 52-й стрелковой дивизии и отличился в боях на высоте 314,9.

Глава IV

* ВЫСТОЯТЬ!

Уже во второй половине сентября нанесла свой первый визит зима — выпал снег. Но вскоре он растаял. 8—9 октября над полуостровами ревел десятибалльный шторм. Заряды снега хлестали, словно картечь, ветер валил с ног. И когда солнце проглядывало сквозь разрывы в облаках, одетые ледяным панцирем вершины Муста-Тунтури сверкали в его лучах словно алмазы.

Нести службу боевого охранения на хребте стало очень трудно — землянок там не было, укрыться от непогоды негде. Бойцы, завернувшись в плащ-палатки, с оружием наготове, прижимались к валунам. Сейчас трудно передать словами, какие испытания выпали на долю защитников Рыбачьего. Как описать ни с чем не сравнимую их стойкость, выносливость, самоотверженность?

Поэт Константин Симонов, побывавший в это время на Рыбачьем, писал:

Бьют сквозь метель тяжелые орудья,
И до холодной северной зари
Бойцы, припав ко льду и камню грудью,
Ночуют в скалах Муста-Тунтури.

В ротах и батальонах, расположенных на первой и второй линиях обороны, заканчивалось строительство землянок. Вместо печек мы использовали железные бочки, иногда складывали каменные камельки. Готовились к долгой и суровой зиме.

Связь с Большой землей стала устойчивой и относительно регулярной. Под покровом темноты и туманов к нам чаще стали приходить суда, доставляя пополнение, продовольствие, боеприпасы, топливо и медикаменты. Теперь мы регулярно, хотя и с опозданием, получали газеты и были в курсе событий, происходивших в стране и за рубежом, знали о положении на фронтах.

А известия с фронтов были невеселые. Прибалтика, Белоруссия, большая часть Украины — под пятой окку-

Собрание комсомольского актива. Выступает секретарь партбюро полка Г. Е. Ермолаев

пантов. Ленинград — в блокаде. Оставлены Брянск, Вязьма, Орел, Петрозаводск. Враг рвется к Москве...

Настроение у солдат было мрачное. Все больше поступало рапортов с просьбой о переводе на центральные фронты. Политработникам пришлось усилить разъяснительную работу о значении Рыбачьего, прикрывающего вход в Кольский залив, о роли Мурманска — единственного незамерзающего порта, связывающего нашу страну с союзниками.

Противник через громкоговорители вел разлагающую пропаганду, расписывая успехи вермахта, говорил о скором падении Москвы и Ленинграда, забрасывал к нам листовки.

Политработники, коммунисты и комсомольцы вели широкую пропагандистскую работу в ротах, взводах, отделениях, разъясняя причины временных успехов врага и сплотивая бойцов.

— Вы видите, что у нас враг остановлен в первый же день наступления, не удалось ему захватить Мурманск и Полярное, несмотря на большое превосходство в живой силе и авиации. Значит, не так уж непобедима фашистская армия. Придет время, страна соберет необходимые силы, и мы выбросим фашистов с нашей земли. Победа будет за нами! — говорили они.

Коммунисты всегда находились там, где решался исход боя, показывали пример непоколебимости, смелости и отваги. Партийная организация полка в первые месяцы войны понесла большие потери. В эти дни поредевшие шеренги коммунистов пополнялись воинами, мужественно сражавшимися с врагом, в бою завоевавшими право быть в рядах партии. «Хочу идти в бой коммунистом», — писали они в своих заявлениях. Секретарь партбюро, бывший политрук 8-й роты, участник боев на Муста-Тунтури Григорий Ермолаевич Ермолаев и комиссар полка Исаири Кужахметов проявляли постоянную заботу о пополнении партийных рядов.

...Меня вызвал командир полка капитан Хорунжий. Окинув внимательным взглядом, спросил:

— Рука еще не зажила?

— Заживает. Вот только пальцы еще не гнутся.

— Не надоело безделье? Думаю назначить вас адъютантом. Как на это смотрите?

Я задумался. Безделье тяготило. Но хотелось в строй, а не в адъютанты — я же строевой офицер.

— Ну, что молчите?

— Я согласен. Но с одним условием — как только рука заживет, вы переведете меня в роту.

— Там видно будет. Считайте, что договорились.

Так я приступил к исполнению новой должности. Теперь в мои обязанности входило поддержание связи со всеми подразделениями, доклад командиру полка полученной информации, доведение частных распоряжений командира до исполнителей и проверка их выполнения.

А положение в полку было тяжелейшее. Сильно поредели ряды офицеров, многие были ранены или убиты. На должности командиров взводов приходилось назначать наиболее опытных, отличившихся в боях сержантов. В ротах оставалось всего по двадцать—тридцать человек. Обмундирование и обувь изнашивались. Нужно было срочно восстанавливать боеспособность полка.

Гитлеровцы, понесшие огромные потери в предыдущих боях и оказавшиеся неподготовленными к войне в зимних условиях, снизили боевую активность, ограничиваясь артиллерийским и минометным обстрелом переднего края. Лишь в боевом охранении на хребте Муста-Тунтури систематически вспыхивали кратковременные схватки.

С. Федоров

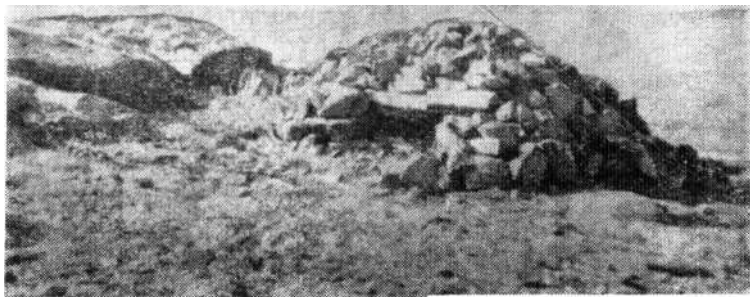
Комендант 23-го укрепленного района полковник Д. Е. Красильников со своим штабом принимал все меры для пополнения полка. В наши стрелковые роты в первую очередь направлялись бойцы из других подразделений укрепрайона. Прибывших из Мурманска новобранцев также передавали в наш полк. И хотя они были недостаточно обучены военному делу, зачастую их приходилось сразу же бросать в бой. И надо сказать, новички воевали неплохо.

Командир полка капитан Хорунжий, комиссар Кужахметов уделяли огромное внимание бое-

вой выучке пополнения, используя для его обучения всякую свободную минуту. Они заботились о том, чтобы бойцы в совершенстве освоили оружие и научились правильно его применять, чтобы они взяли на вооружение опыт сержантов и солдат, побывавших в боях. И положение в полку начало поправляться.

Комиссар полка старший политрук Кужахметов, неутомимый и неустрашимый, не знавший покоя ни днем, ни ночью, а также секретарь партбюро Ермолаев и секретарь комсомольской организации С. Федоров большую часть времени проводили на передовой, хорошо изучили своих солдат, знали их настроение, нужды. Они укрепляли у бойцов чувство любви к Родине, вселяли уверенность в победе. Большую работу проводили и политруки рот.

Вынужденное бездействие томило меня. Воевать с оружием в руках я еще не мог, но и не хотел оставаться в стороне от жизни полка. Особенно беспокоило меня положение в боевом охранении. На мой взгляд, нужно было тщательно проанализировать со-

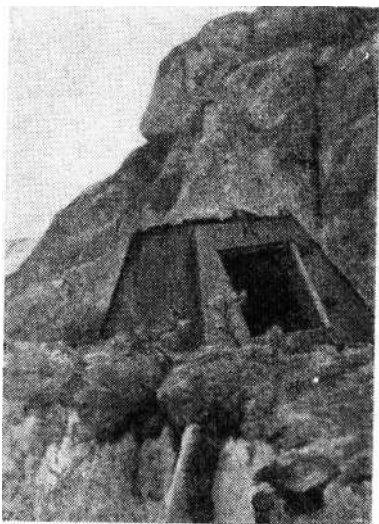

Наша пулеметная точка на Средней)Муста-Тунтури

стояние дел в подразделении-и хорошо продумать план дальнейших действий. Свои дѣлѣя соображениями я поделился с капитаном Хорунжим: Тот поддержал меня. Комиссар полка Кужахметов о;Добрил наш план.

Вместе с комиссаром мы отошли опорные пункты боевого охранения. Положение -там было неважное — землянок было очень мало, поэтому бойцы почти круглые сутки находились под открытым небом, укрывались в расщелинѣх скал или между валунами, занавесив входы плащ-палатками. Горячую пищу получали нерегулярно. Топлива не было. Только пулеметные огневые точки, сложенные из камня и широкопапаченные торфом, более или менее соответствовали своему назначению. Но стояла зима, и в них тоже (было холодно).

Поднялись на первый опорными пункт на Большой Муста-Тунтури. Веревка, за которую мы держались при подъеме, была вся в узлах: осколки мин и гранат много раз иссекали ее и столько же раз^{а3} солдаты снова связывали обрывки. Скатывались высоты урке обледенели, и мы с трудом поднялись на «шестерке»- Службу боевого охранения несли здесь пулеметчике укрепрайона. Побеседовали с солдатами и вместе с ними наметили, где установить сигнализацию на проволочном ограждении, выбрали запасные площадки для пулеметов и место для землянки. Пришли к выводу, что запас патронов и гранат нужно довести до трех боекомплектов, установить

Ыллла "на ~ лл
Наша снайперская бронеточка
на Муста-Тунтури

*

на НП пост ракетчика, организовать взаимодействие с передним краем обороны. Для усиления опорного пункта решили подтянуть поближе взвод 82-миллиметровых минометов, а корректировщика выдвинуть на высоту.

Прибыв на КП, я доложил командиру полка о положении дел в боевом охранении. Выслушав, Хорунжий приказал:

— В работу включить представителей штаба, артиллеристов, саперов, связистов. Разработать более полный план меро-

ПРИЯТИЙ И ИСПОЛНИТЬ ЕГО.
 Срок — неделя.

План был разработан.

По графику все подразделения прошли санобработку и баню. Бойцам выдали новое обмундирование и обувь. Одетые в теплые полушубки, обутые в валенки, они повеселели и приободрились. Командование укрепрайона выделило стройматериалы, и саперы приступили к сооружению дополнительных дзотов, НП. Совершенствовало инженерное оборудование опорных пунктов.

Ровно через неделю комиссия во главе с комиссаром проверила исполнение приказа и осталась довольна: бойцы и командиры по собственной инициативе, проявив смекалку и находчивость, многое сделали «сверх плана» — установили печки-временки, изготовленные из обыкновенных консервных банок, из тех же банок устроили сигнализацию между огневыми точками и землянками. Теперь горячая пища доставлялась регулярно рано утром и поздно вечером, а днем консервы подогревались на сухом спирте. Подходы с тыла охранялись наблюдателями, они же, в случае необходимости, подстраховывали подносчиков. Завершились все эти мероприятия полной заменой личного состава боевого охранения.

20 октября капитан Хорунжий вызвал на КП командира 3-й роты лейтенанта Рябушкина и начальника инженерной службы лейтенанта Лебедева.

— Получена директива командующего фронтом генерал-лейтенанта Фролова. Приказано создать боевые группы численностью до батальона для действий в тылу противника. Полковник Красильников приказал выделить роту и два взвода саперов, которые будут действовать вместе с пограничниками. Мы тут посоветовались с комиссаром и начальником штаба и решили направить третью роту. А кого послать из саперов — решит лейтенант Лебедев.

— Наиболее подготовлены в роте взводы лейтенанта Горбаня и младшего лейтенанта Шаврина, — доложил Лебедев.

— Решено. Командовать саперами приказано вам. Готовьте людей.

— Слушаюсь!

— Задача очень ответственная, — напутствовал офицеров комиссар Кужахметов. — Предупреждаю, до самого выхода в рейд никто не должен об этом знать.

22 октября ко мне зашел Лебедев.

— Собрали весь батальон и приказали отдыхать. Командует нами пограничник старший лейтенант Фисенко, комиссар — политрук Прохоров, тоже пограничник.

Ночью сводный батальон вышел на задание. Бешеный ветер закручивал снежные вихри, слепил глаза. Над Муста-Тунтури изредка взлетали осветительные ракеты. Я зашел на КП и доложил, что батальон выступил.

— Погодка в самый раз, только для похода, — сказал Хорунжий. — Пограничники — люди опытные, каждый камень, каждую лошину знают. Задача не из легких, но надеюсь, что приказ выполнят.

Он позвонил полковнику Красильникову и доложил о начале операции. Потянулись часы томительного ожидания. Как-то там? Связь сводный батальон поддерживал непосредственно со штабом 23-го УРа, и мы с нетерпением ждали информации. Наконец, Хорунжему позвонили оттуда и сообщили, что батальон благополучно обошел фланг немцев. А через двое суток стало известно, что мост через реку Титовку взорван, гарнизон уничтожен и наши возвращаются.

Рано утром 26 октября командиру полка доложили, что возвратились пограничники и взвод саперов с Лебедевым и Шавриным. Я побежал к саперам, но все они спали мертвецким сном. Тревожить их не стал. Узнал только, что сержант Цепалкин контужен взрывом, но благополучно дошел. А вот рота Рябушкина и часть пограничников еще не вернулись.

На следующий день ко мне зашел А. Т. Лебедев. Безбожно дымя папиросой, он рассказывал о ходе операции. Оказывается, батальону было поставлено две задачи: взорвать мост через Титовку, ликвидировать гарнизон в Старой Титовке и разгромить немцев в районе Новой Титовки. Для этого батальон разделили на две группы: одна, более многочисленная, под командой Фисенко и Прохорова, пошла к Новой Титовке. В нее вошли и рота Рябушкина и взвод саперов Горбаня. А вторая группа, возглавляемая старшим лейтенантом Лихущиным, в ней был и Лебедев, — к Старой Титовке.

— Понимаешь, какое дело, — рассказывал Лебедев, — в походе из-за пурги бикфордовы шнуры отсырели. Стали проверять, а уверенной вспышки нет. Что делать? Решили укоротить шнур с пятидесяти до десяти сантиметров. А это — взрыв через десять секунд. Опасно. Да и река еще не замерзла. Пришлось взрывать с настила. Но задачу выполнили.

Больше всего в его рассказе меня поразили не результаты рейда — уничтожены более двух десятков землянок с фашистами, восемь автомашин и четыре мотоцикла, — а то, что они обнаружили в наших дотах, прикрывавших границу до войны.

— Представляешь, доты опалены. Входим внутрь — обгорелые тела наших солдат за сожженными пулеметами... — Лебедев прикурил очередную папиросу и замолчал. — Погибли, но не отступили. Нет, таких солдат не победишь!

Отряд старшего лейтенанта Фисенко возвратился из рейда на другой день. Лейтенант Рябушкин явился на КП полка.

— Ну, лейтенант, докладывайте, — приказал Хорунжий.

— Неудачен наш поход, товарищ капитан. Из-за пурги вовремя не вышли на исходный. Пришлось делать ночевку. Только в семь утра пришли к высоте. Разведка доложила, что километрах в пяти находятся

землянки противника. Решили атаковать ночью. Однако выйти точно на землянки не смогли...

— Заблудились, стало быть, — проговорил Хорунжий, рассматривая карту.

— Выходит так. Отошли. Потом услышали взрывы.

— Лебедев мост взорвал, — пояснил Кужахметов.

— А утром разведчики доложили, что по их следам идет примерно взвод немцев, еще две группы обходят высоту справа и слева. Фисенко приказал отходить. Оторвались от преследователей. Ночью у Расва-Тунтури разведка обнаружила засаду фашистов. Повернули на запад, обошли высоту 449,0 и вышли на берег. В общем потерь не имеем.

— Все?

— Вот только минометы не смогли принести. Фисенко приказал оставить их еще на первой дневке. Напрасно взяли их с собой — лишний груз в таком трудном походе. А в условиях скоротечного боя они не эффективны.

— Ладно, идите отдыхайте.

А в общем результаты этого рейда в тыл врага были пысоко оценены командованием армии. Лейтенант Л. Т. Лебедев, старший сержант Ф. Е. Талановский, сержант Г. Д. Цепалкин были награждены орденами Красного Знамени, многие саперы получили боевые медали.

29 октября командир полка вызвал командира 7-й стрелковой роты младшего лейтенанта И. Г. Шихирина.

— Вы, конечно, слышали о походе в тыл фашистов пограничников и нашей третьей роты? — спросил Кужахметов.

— Так точно, товарищ комиссар.

— Немцам нанесен чувствительный удар. Они потеряли больше роты, взорван мост, уничтожены машины. Значит, можно бить врага?

— Можно и нужно, — ответил Шихирин.

Капитан Хорунжий встал из-за стола.

— Получен приказ командования повторить операцию. Вместе с пограничниками пойдет ваша рота. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан.

— Завтра к вечеру рота должна быть в полной готовности. Минометы не брать. Только винтовки, автоматы, ручные пулеметы и побольше гранат. Готовность к» 1м Пгъ к двадцати ноль-ноль.

— Есть доложить к двадцати ноль-ноль.

— Можете быть свободны.

30 октября батальон пограничников, наша 7-я рота и саперы из 289-го отдельного батальона выстроились у КП. Командовал группой командир 100-го погранотряда майор И. И. Калеников. Прибыл комендант 23-го укрепрайона полковник Красильников. Он обошел строй, внимательно осмотрел каждого бойца и приказал:

— В путь! Желаю удачи!

Батальон тронулся. Сопровождать его до передовой пошел помощник начальника штаба полка по разведке старший лейтенант Симонов.

Мела поземка, закручивая снежные вихри. Ночь накрыла полуострова. Над Муста-Тунгури висели ракеты. Изредка доносилась скороговорка пулеметов, слышались взрывы гранат. Мы зашли в землянку КП.

— Да, задача на этот раз потруднее, — сказал Хорунжий. — Противник, наученный горьким опытом, будет настороже.

Вскоре зазвонил телефон. Хорунжий взял трубку. С передовой докладывали, что батальон пересек линию фронта. Возвратился Симонов и сообщил, что отряд пошел по отливной зоне.

Часа через два вновь зазвонил телефон. Связист передал трубку командиру полка.

— Что? Повторите!

Выслушав сообщение, Хорунжий устало сел за стол и задумался. Мы молча ждали. Наконец Кужахметов не выдержал:

— Что там стряслось?

— Со стороны, куда ушел батальон, слышали два взрыва, — ответил Хорунжий. — Свяжите меня с Красильниковым, — приказал он телефонисту.

Красильников ответил, что ему это уже известно, и положил трубку. Командир полка шагал из угла в угол землянки, о чем-то размышлял. Мы вполголоса обменивались мнениями о событии, гадая, что все это значит.

Я вышел из землянки. Штормовой ветер ревел над Средним. Вихри колючего снега больно хлестали по лицу. Дышать было трудно. Со стороны берега доносился рев прибоя. Ну и погодка! Вернулся в землянку. Хорунжий все так же шагал из угла в угол. Я вопроси-

тельно посмотрел на комиссара — нет ли каких сообщений? Он отрицательно покачал головой. В землянке царила мрачная тишина. Только снаружи доносился рев шторма.

Дверь отворилась, и в клубах пара, залепленный с ног до головы снегом, появился командир 7-й роты младший лейтенант Шихирин. Хорунжий остановился и круто повернулся к нему:

— Что произошло? Докладывайте!

— Берег оказался заминированным. Взорвались две мины. Майор Калеников принял решение возвратиться.

— Потери?

— В роте нет. Ранено несколько пограничников.

Рейд в тыл врага все же был повторен, но уже в ноябре...

* * *

С 24 октября службу в боевом охранении одновременно с нашими ротами начали нести роты 7-го отдельного пулеметного батальона.

...23 октября над полуостровами гуляла пурга. Южный штормовой ветер нес тучи снега, ослепляя и сбивая с ног. Выйдя с КП, я увидел движущуюся в облаках снежных вихрей колонну. Бойцы, залепленные мокрым снегом, точно привидения, медленно и упрямо шли вперед, таща на себе разобранные станковые пулеметы, коробки с лентами, ручные пулеметы. Некоторые падали в снег от усталости. Те, кто был посильнее, помогали им подняться и, поддерживая под руки, вели дальше.

Колонна приблизилась к землянкам второй линии. Страхнув с шинелей налипший снег, бойцы разошлись по землянкам. Там для них уже был приготовлен завтрак, но они, не раздеваясь, валились на нары и мгновенно засыпали. Это были бойцы 4-й пулеметной роты. Командир роты лейтенант Е. П. Карпов устало произнес:

— Пусть отдохнут, умаялись. Километров пятьдесят прошли. Потом покормите.

4-я пульрота занимала оборону на северо-западе Рыбачьего. Была поднята по тревоге и посажена на автомашины. Километров через пять, когда машины поднялись на плоскогорье, дорога оказалась настолько занесенной снегом, что пришлось слезать и браться за лопаты. Расчищая снежные заносы, пулеметчики медленно

продвигались вперед. В конце концов машины основательно застряли в снегу. И тогда, сняв с машин вооружение, боеприпасы, разобрав станковые пулеметы и взвалив весь груз на плечи, двинулись маршем дальше. Погода, до того тихая, резко изменилась — задул встречный штормовой ветер, началась пурга. Последние десять километров рота пробивалась сквозь ревущую снежную стену.

В землянке стало как в парной бане — клубы пара с сохнувшего обмундирования заполнили все помещение. «Катюши» (светильники из снарядных гильз) еле-еле просвечивали сквозь них.

Часа через три пулеметчиков подняли. С шутками и смехом они принялись за чистку оружия. Все-таки удивительное существо человек: казалось, после такого трудного марша их и канатом не стянешь с нар. А вот отдохнули каких-то три часа и снова бодрь.

Вечером пулеметчики, переобмундированные в новенькие полушубки, в валенки и маскхалаты, повзводно перешли на Муста-Тунтури и заняли посты в боевом охранении. Противник смены частей не обнаружил.

Действовали пулеметчики активно и, очевидно, гитлеровцы, что-то заподозрив, предприняли разведку боем, но, потеряв несколько человек убитыми, вынуждены были отойти ни с чем.

17 ноября 4-ю роту сменила 2-я рота лейтенанта П. П. Соколова из того же 7-го пулеметного батальона, а в декабре на смену ей пришли 1-я пулеметная рота лейтенанта Яковлева и 3-я лейтенанта Чекмарева. В течение зимы 1941/42 года пулеметные роты 7-го пульбата побывали на Муста-Тунтури по два-три раза, и только в конце апреля, с наступлением белых ночей, когда скрытно перебрасывать людей стало невозможно, боевое охранение стали нести только роты 135-го полка.

Надо сказать, что воины 7-го отдельного пулеметного батальона зарекомендовали себя в боевом охранении стойкими и мужественными бойцами. Припоминается такой случай. Однажды, когда в охранении несла службу 1-я пулеметная рота, противник предпринял ожесточенную атаку. На одном из участков в районе высоты Безымянной гитлеровцы, готовясь к броску, накапливались в «мертвом пространстве» у пулеметного дзота. Пулеметчик И. Деревянных, видя, что огонь его пулемета не достигает цели, выкатил «максим» на от-

крытую огневую позицию и, не обращая внимания на рвущиеся кругом мины, открыл прицельный огонь по фашистам. Атака была сорвана. Но осколок вражеской мины сразил отважного ефрейтора. Герой-пулеметчик был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

* * *

Зима все больше вступала в свои права. Неделями штормовой ветер нес тучи снега, засыпая огневые позиции, траншеи, землянки. Теперь врагом номер два для нас стал снег. В некоторых подразделениях даже были созданы специальные команды, занимавшиеся расчисткой снега, откапыванием занесенных входов в землянки. Между землянками и огневыми точками пришлось протянуть леера, чтобы солдаты, идя на пост и возвращаясь назад, не сбивались с пути. Были такие случаи, когда бойцы, выпустив из рук спасательный леер, под вой пурги часами блуждали в поисках своей землянки. А однажды старшина 8-й роты, доставлявший продукты со склада, во время пурги заблудился и вышел к позициям фашистского боевого охранения. Услышав немецкую речь, он бросился бежать. Немцы открыли огонь и ранили его, но старшина все-таки сумел добраться до своих.

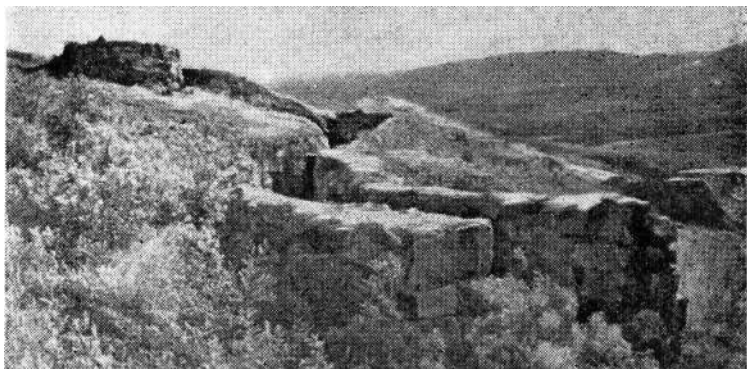
Гитлеровцы, рассчитывавшие закончить войну в Заполярье до наступления зимы, были вынуждены «щеголять» в летнем обмундировании. Надо полагать, чувствовали они себя в условиях полярной зимы не совсем уютно. Но зима только начиналась.

В одну из метельных ночей, когда видимость была нулевой, солдат Ипаров, стоявший на посту у землянки 3-й батареи 241-го гаубичного артполка, услышал разговор. «И кого это несет в такую пургу?» — подумал он.

Два человека, переговариваясь, приближались к часовому, которого в маскхалате и за два шага невозможно было рассмотреть. Ипаров уже хотел спросить пропуск, но, прислушавшись к разговору, понял — немцы!

— Хенде хох! — крикнул он и застучал ногой и дверь.

Из землянки выскочили командир батареи Белоус и два солдата. Немцев, смирно стоявших с поднятыми руками, обыскали и ввели в землянку. Это были первые

Немецкая оборона на Средней Муста-Тунтури — дот и траншея

перебежчики, не захотевшие воевать с нами. Воспользовавшись пургой и попутным ветром, они сбежали и прошли на стыках наших опорных пунктов между Малой Муста-Тунтури и высотой Безымянной. Перебежчиков отправили в штаб укрепрайона.

А на следующее утро, преодолев собственное проводочное заграждение, к нам перебежал третий немец. Гитлеровцы открыли по нему пулеметный и минометный огонь, но фрицу повезло — успел вскочить в траншею нашего боевого охранения. Это был обер-ефрейтор, командир отделения 388-го полка.

— Когда сбежали два моих солдата, — рассказал он, — мне грозил расстрел. Об этом предупредил меня фельдфебель, слышавший разговор офицеров. Вот я и решил сбежать.

Позднее перебежчики через громкоговорящие установки призывали немецких солдат сдаваться в плен.

Противник укреплял свою оборону. Слышался стук перфораторов, гремели взрывы — немцы вгрызались в скалы, проделывая в них туннели. Опорные пункты они опутывали колючей проволокой в несколько рядов, на проволоку подвешивали сигнальные ракеты — при легком прикосновении к проволоке ракеты мгновенно

взлетали в небо. Минные поля плотно прикрыли подступы к переднему краю врага. Все это сильно затрудняло действия наших разведчиков, но в метельные ночи они все же совершали вылазки в траншеи гитлеровцев, гранатами взрывали их огневые точки и землянки. А вот взять «языка» не удавалось.

Более удачными были рейды пограничников 100-го погранотряда по тылам фашистов. Так, в ночь на 5 ноября группа под командованием майора Каленикова высадилась на Пикшуевский берег, занятый противником, на три дня перерезала дорогу, связывавшую немецкие тылы с линией фронта, затем пошла по оккупированной фашистами территории, громя опорные пункты фашистов. За двадцать суток пограничники с боями прошли более двухсот километров и вышли в расположение частей 14-й армии. В этом рейде принимала участие и рота младшего лейтенанта Шихирина из нашего 135-го стрелкового полка. Газета «Правда» в номере за 14 декабря 1941 года рассказала об этом походе.

Вылазки наших разведчиков постоянно держали гитлеровцев в напряжении. Особенно боялись фашисты темноты. Десятки осветительных ракет постоянно висели над хребтом Муста-Тунтури, тишина ночи то и дело нарушалась отрывистыми пулеметными очередями — немцы подбадривали себя, стреляя наобум, как говорится, на всякий случай.

Уверенность в скорой победе у головорезов Дитля начинала заметно убывать. Вынужденные вгрызаться в скалы, они теперь ни о чем не помышляли, кроме как отсидеться до лета в своих норах. Да и наши удары с тыла, и суровая полярная зима тоже действовали отвращающе. В тонких шинелишках, в пилотках, повязанных сверху всяким тряпьем, в горных ботинках, немцы вынуждены были отплясывать у своих огневых точек русскую чечетку.

К нам явился еще один перебежчик. Он жаловался на трудности войны в заснеженных скалах, на холод, на отсутствие зимнего обмундирования. Этот немец был уже далеко не таким, как захваченный в июле мотоциклист. Он толковал о бесцельности войны с Россией, о том, что не верит в непобедимость германской армии и не хочет умирать за Гитлера.

Приближалась 24-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. В сводках Совинформ-

бюро сообщалось об ожесточенных боях на Западном фронте. Наши войска оставили Калугу, Калинин, Волоколамск, Можайск... Огненный вал грозно катился к столице. Здесь, в заснеженных сопках Заполярья, мы всеми мыслями были под Москвой, над которой нависла огромная опасность. Мы верили, что не бывать врагу в столице нашей Родины, что враг будет разбит. Каждое утро солдаты спрашивали у политработников: «Ну, как там, под Москвой?»

На скалах Муста-Тунтури снайперы, уничтожив очередного немца, говорили: «Одним фашистом меньше — тоже помощь Москве».

6 ноября в ротах и взводах прошли короткие торжественные собрания, посвященные великому празднику. Бойцы клялись до конца выполнить свой священный долг перед Родиной, не жалеть сил, а если нужно, то и жизни для победы над ненавистным врагом.

7 ноября пришло сообщение о торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великого Октября, состоявшемся в Москве, и о параде войск на Красной площади. Сейчас, через тридцать с лишним лет, трудно описать, какое впечатление на солдат и офицеров произвело это сообщение. Подумать только — враг находится в нескольких десятках километров от Москвы, а в столице — торжественное собрание и традиционный военный парад! В дзотах и землянках агитаторы читали речь Сталина, произнесенную с трибуны Мавзолея. «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» — эти слова вызвали необычайный подъем духа у солдат и офицеров. Мы чувствовали себя по-праздничному. Из штаба армии прибыл лейтенант с радиоустановкой.

Ночью на «высоте с погранзнаком» был установлен огромный портрет Гитлера на фоне солдатских могил с крестами, на нем надпись на немецком языке: «Вот что принес Гитлер немецкому народу». Рядом с портретом — плакаты, а в камнях — громкоговоритель. Утром началась радиопередача, призывавшая немецких солдат прекратить кровопролитную войну и переходить на нашу сторону. Гитлеровцы открыли шквальный минометный огонь по плакатам и громкоговорителю, однако по портрету бесноватого фюрера не стреляли. Он еще долго мозолил глаза, пока его не сорвало очередным штормом.

В свои права вступила полярная ночь. К полудню сквозь разрывы густых облаков на юге изредка просвечивало чистое небо, но проходил час-другой, и сумрак ночи снова окутывал окрестности. Выйдешь из КП — вокруг белая безлюдная пустыня. Только обрывы сопек резко выделяются на фоне снега. Но впечатление безлюдное™ только кажущееся. То там, то здесь видны люди, занятые повседневными делами, — расчищают от снега ходы сообщения, огневые позиции, секторы обстрела. Из труб землянок выются дымки. С хребта Муста-Тунтури доносится скороговорка пулеметов, взрывы мин. Небо прочерчивают осветительные ракеты немцев. Да и на первой линии обороны полка вдруг начинают рваться фашистские снаряды. Немцы бьют по площади, наугад, поэтому больших бед нам не причиняют. Однако за соблюдением маскировки приходится следить.

В боевом охранении наши разведчики действуют активно. Пользуясь темнотой и часто навещающей нас пургой, они проникают во вражеские опорные пункты, уничтожают гитлеровцев, взрывают их оборонительные сооружения. Я с жадностью читаю оперативные сводки и донесения, с нетерпением жду, когда же заживут мои последние болячки. Скорее бы в строй!

В декабре прибыл новый командир полка — капитан Савелий Александрович Косатый. Мы были знакомы с ним еще с финской кампании. 23 июня его отозвали и назначили командиром пулеметной роты 95-го полка. Его роте пришлось вести бой за Титовку, отходить на Западную Лицу. Там, отбивая атаки врага, рвавшегося к Полярному и Мурманску, он проявил себя, был награжден орденом Красного Знамени.

Встретились мы с ним как старые знакомые. Вспомнили своих товарищей офицеров, погоревали о павших В боях.

— Ну, я вижу, и ты в должности продвинулся — стал адъютантом командира полка, — улыбаясь сказал Косатый.

— Для меня должности и звания роли не играют, задиристо начал я, — бить врага можно в любом чине и в любой должности, да и не...

—.....Ты прав, я пошутил, — остудил он мой пыл.

Я ознакомил Савелия Александровича с положением дел в полку. Сказал, что офицеров не хватает, мно-

гие не вернулись из госпиталя, часть офицерских должностей занимают сержанты, проявившие командирские качества в боях.

— Ну что ж, это правильно. В дальнейшем, по мере возможности, будем направлять их на курсы младших лейтенантов.

В декабре, как только пальцы на руке приобрели подвижность, я написал рапорт с просьбой направить в полк на любую должность. Меня тянуло в бой. Косатый долго убеждал меня остаться адъютантом, но я был непреклонен. Наконец он согласился.

— Подбери мне адъютанта.

Я получил назначение командиром 3-й стрелковой роты в 1-й батальон. Командир батальона майор А. Т. Лоханский знал меня. Мой разведотряд вместе с его батальоном участвовал в первых боях.

Рота располагалась в землянках на безымянных высотах в Кутовой. Когда я прибыл принимать ее, вся рота помещалась в одной землянке, и было в ней... восемнадцать человек. Вскоре начало прибывать пополнение, и в конце концов рота была полностью укомплектована солдатами, сержантами и офицерами.

Надо было «сколачивать» роту, так как прибывшее пополнение было «разномастным». Некоторые уже участвовали в боях, другие только прошли первичную боевую подготовку в запасном полку, а иные вообще не были обучены. Офицеры не знали своих солдат. Требовалось в короткий срок из этой пестрой толпы сформировать единый боевой коллектив, в котором каждый мог рассчитывать на поддержку товарища и готов был сам оказать ему помощь. Началось то, что в обиходе называется боевой подготовкой. Только, в отличие от мирного времени, эта подготовка проходила в условиях войны, можно сказать, под носом у противника.

Солдаты изучали оружие, вместо мишеней частенько стреляли по противнику. Учились ползать по-пластунски, метать гранаты. Несли службу на наблюдательном пункте. И в короткий срок рота была готова к боям. Мои заместители политрук Шорохов и старший лейтенант Михеев, командиры взводов лейтенант Мякишев, младшие лейтенанты Злобин, Пеклеванов и Солнцев поработали творчески и превратили свои подразделения в сплоченные воинские коллективы, способные успешно выполнять боевые приказы.

Была сформирована группа хозяйственников во главе со старшиной роты Павленко. Подносчики за ночь делали по два рейса, доставляя со складов боеприпасы и продовольствие.

Поступил приказ — роте выступить в боевое охранение. Ночью, под прикрытием темноты и снегопада, взводы заняли четыре опорных пункта (четыре других занимали пулеметчики 7-го пульбата). Смены частей противник не обнаружил.

В течение первых суток пришлось расчищать проходы к огневым точкам и окопы — все было завалено снегом. Подготовили запасные огневые позиции и места развертывания на случай отражения атаки противника. Каждый солдат имел по ящику патронов и по десятку ручных гранат.

Я и мои заместители все время находились в движении — обходили опорные пункты. Мы поставили задачу — не давать противнику спокойно отсиживаться на нашей земле. Днем стрелки вели огонь по перебегающим фашистам, ночью шли гранатные бои: обычно несколько солдат выползали на «ничейную» полосу и забрасывали окопы немцев гранатами. Ночное небо освещалось всполохами ракет, пулеметы противника открывали неприцельный огонь, а гранатометчики отползали на исходные.

Каждую ночь мелкие группы разведчиков производили вылазки к передовым огневым точкам противника, забрасывали их гранатами, уточняли систему огня, расположение проволочных заграждений и минных полей. Активнее начали действовать снайперы и ружейные гранатометчики.

Гитлеровцы почувствовали, что в боевом охранении произошла замена, и на Средней Муста-Тунтури предприняли атаку силою до роты. Начало выдвижения противника на исходные позиции было замечено нашими наблюдателями. Солдаты быстро развернулись, заняли свои места и замерли в ожидании боя. Были предупреждены пулеметчики на соседнем опорном пункте. А когда немцы подползли к нашему проволочному заграждению, их встретил дружный огонь нашего взвода, слева ударили пулеметчики, загремели разрывы гранат, и атака не состоялась. Оставив несколько убитых, гитлеровцы отошли. Когда они стали вытаскивать трупы, мы уничтожили еще нескольких фашистов. Озлобленные неуда-

чей, немцы открыли огонь, а убитых стали вытаскивать веревками с крючьями — забросят веревку, зацепят крюком за шинель и тащат. Наши потери составили: один убитый и двое раненых.

Служба в боевом охранении наладилась. В огневых точках и на наблюдательных пунктах вахту несли только дежурные. Остальные солдаты находились в землянках и блокгаузах. «Мы отдыхаем», — говорили они тогда. Конечно, отдых этот был относительным. Оружие всегда было готово к бою и, как только раздавался сигнал тревоги, все занимали свои места.

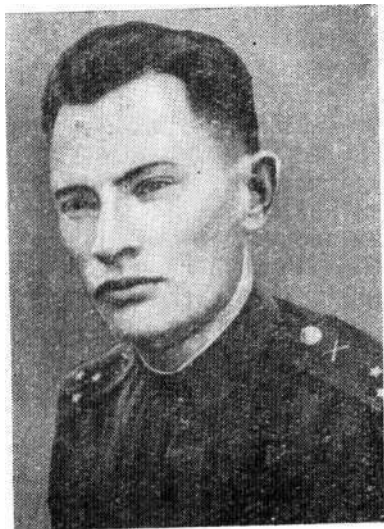
Были в боевом охранении и «секреты». Солдаты особенно не любили их. «Как же, — жаловались они, — живые фрицы под носом бродят, а ты их не тронь. И покурить нельзя...» Надо признать, что просидеть в «секрете» неподвижно, не выдавая себя, несколько часов подряд было нелегко. Хорошо, что зимой светлое время было коротко, и мы имели возможность чаще менять людей.

В конце декабря из штаба пришло предупреждение: постепенно снижать боевую активность на левом фланге — на высотах 40,1 и Безымянная. Мы недоумевали. На мой телефонный вопрос ответили: «Так надо». Вскоре все выяснилось.

Командование 23-го укрепленного района приняло решение выбить противника с высоты 122,0. Эта высота играла важную роль в системе немецких опорных пунктов. В случае удачи мы вклинивались в оборону гитлеровцев и значительно улучшали свое положение. Кроме того, войска 14-й армии на Западной Лице начали активные боевые действия, и своей атакой мы не давали немцам возможности перебросить туда подкрепление с нашего участка фронта.

Это были исторические дни разгрома немецких полчищ под Москвой. Мы получили армейскую газету «Часовой Севера», в которой рассказывалось о победе под Москвой. Газету зачитали, что называется, до дыр — каждый сам хотел прочесть радостное сообщение. Мы все жили под впечатлением продолжающегося наступления наших войск на Западном и Калининском фронтах. В сообщениях Совинформбюро назывались сотни населенных пунктов и городов, освобожденных от гитлеровских захватчиков советскими воинами. И наша задача была не допустить переброски войск противника из Заполярья на центральные фронты.

Для наступления на высоту **122,0** был сформирован ^водный батальон под командованием капитана И. П. Амвросова и помкомбата старшего лейтенанта К. А. Симонова. В состав 1-й роты вошли курсанты школы сержантов 23-го укрепрайона, взвод пулеметчиков 7-го отдельного пулеметного батальона и взвод добровольцев 104-го артиллерийского полка под командованием воентехника II ранга Якушева.

И. И. Былинин

Командиром роты был назначен лейтенант И. И. Лучкин, политруком — комиссао школы сержантов П. Н. Юрецкий. 2-й ротой, в которую входили автоматчики и разведчики 135-го полка, командовал лейтенант Н. П. Печенев, политруком был В. А. Абрамов, бывший инструктор Мурманского обкома ВЛКСМ. 3-я рота под командованием старшего лейтенанта Н. И. Ребцовского и политрука М. И. Шарова состояла из солдат 2-го и 3-го батальонов 135-го полка. Для корректировки артиллерийского огня 1-го дивизиона 241-го гаубичного полка был назначен младший лейтенант И. И. Былинин.

Ночью 27 декабря сводный батальон поротно выдвинулся в район 7-го опорного пункта у высоты Безымянной, где боевое охранение нес взвод лейтенанта Злобина. Батальон развернулся в цепь и залег. Время тянулось бесконечно. Ветер начал усиливаться, и вскоре началась пурга. Все утонуло в белом месиве. Наконец, в предрассветных сумерках взвилась сигнальная ракета. Капитан Амвросов поднялся во весь рост.

— За Родину, вперед!

В мощном порыве бойцы бросились на высоту. Враг какое-то мгновение молчал, затем затрещали его пулеметы и автоматы. Вскоре «закрякали» разрывы мин.

Преодолевая занесенные снегом минные поля, 2-я рота прорвалась к проволочным заграждениям. Первым, увлекая за собой остальных, на проволоку бросился политрук Абрамов. Автоматчики ворвались в траншеи и завязали рукопашный бой. Гитлеровцы бежали. Абрамов получил ранение, но оставался с ротой. С фланга ударил пулемет противника, за ним — второй, чаще стали рваться мины. Нарастающий шквал пулеметного и минометного огня прижал наших бойцов к земле. Сержант Карпов подполз к вражеским пулеметам и уничтожил их расчеты гранатами.

Атака 1-й роты была менее удачной. Попад под сильный пулеметный огонь, курсанты и артиллеристы залегли. Лейтенант Лучкин перебежал с одного фланга на другой, подбадривая бойцов. Взвод курсантов лейтенанта Н. И. Ефименко стремительно бросился вперед, сбил гитлеровцев на правом фланге и закрепился на гребне. Ефименко ранило, но он продолжал руководить боем.

3-я рота старшего лейтенанта Ребцовского тоже ворвалась на высоту. Первым, возглавляя атакующих, преодолел проволочное заграждение мурманчанин политрук М. И. Шаров.

Весь день на высоте бушевал вихрь разрывов, взлетали вверх фонтаны снега и каменных обломков. Батальон нес потери, но не отступал. Легкораненые не покидали строя. Санинструктор Пушкарев и связной Зуев оказывали им первую помощь, а тяжелораненых выносили.

Младший лейтенант Былинин связался по радио со своими батареями. Загрохотали тяжелые гаубицы, поставив стену заградительного огня. Но и противник усилил обстрел. Казалось, ничего живого не должно было остаться на сопке, перепаханной взрывами. Накопившись в «мертвом» пространстве, фашисты уверенно двинулись в контратаку. Высота ожила. В ход пошли ручные гранаты, огонь наших пулеметов остановил атакующих, а политрук Абрамов поднял на врага поредевшие цепи бойцов. Вражеская пуля сразила отважного политработника. Фашисты, понеся большие потери, откатились.

Сумрак наступавшей ночи прорезывали десятки осветительных ракет. Пурга продолжала свирепствовать. Шквалы стальных осколков проносились по высоте. Отбивая очередную атаку гитлеровцев, погиб лейтенант

Лучкин. Комиссар школы сержантов Юрецкий, несмотря на ранение, принял командование на себя. Полуослепшие, полуоглохшие курсанты с трудом отбивали бешеный натиск фашистов. Был убит пулеметчик Гнедов. Лейтенант Ефименко сам лег за его «максим» и открыл огонь. Раненые курсанты Леднев, Кузьмин, Кузнецов набивали патронами пулеметные диски и ленты, вставляли запалы в гранаты. Бой продолжался.

Тяжелые пушки 1-го дивизиона 104-го артиллерийского полка ударили по артиллерии противника в глубине его обороны. Капитан Скробов не жалел снарядов. Но подавить все батареи не удалось.

Второй день огненные вихри полыхали на высоте, сметая все на своем пути. Но наши подразделения, вцепившись в скалы, держались. Враг рассчитывал, что после такого огненного ада мало кто уцелел, и, подтянув подкрепления, бросился в очередную атаку. Погибли лейтенанты Жаров, Сенюков, воентехник Якушев. Комсомольцы Ларин, Аликин и Пономарев продолжали вести меткий огонь по фашистам. Получили ранения, но не выпускали из рук оружия Воронов, Снегирев, Холодаев. А вражеские автоматчики наседали со всех сторон. Пошла в ход «карманная артиллерия».

На правом фланге роте фашистов противостоял курсантский взвод лейтенанта Ефименко. Получил второе ранение лейтенант. Кончились патроны, пулемет замолк. Ободренные враги бросились в атаку. С трудом поднявшись, Николай Ефименко с гранатой в руках пошел на фашистов. За ним устремились на врага курсанты. Егеря начали пятиться, но Ефименко упал — третья рана оказалась смертельной.

Еще одна выюжная ночь. По-прежнему на высоте рвутся мины и снаряды. По-прежнему ревет пурга. С поля боя эвакуируют раненых и убитых. Помощник командира взвода Баджиев с простреленным плечом сумел вынести всех раненых своего взвода. Получили ранения и командир батальона И. П. Амвросов, политрук М. И. Шаров. Место последнего занял политрук из 1-й роты В. Е. Горбунов. Комбата заменил старший лейтенант К. А. Симонов.

День третий. С небольшими интервалами продолжает бушевать пурга. Все так же на высоте рвутся мины и снаряды. Только двадцать восемь человек ведут смертельный бой на высоте 122,0...

Генерал-майор Красильников отдал приказ отойти на исходные рубежи: послать подмогу невозможно, резервов нет. Батареи гаубичного и пушечного дивизионов открывают заградительный огонь. Но фашисты и не пытаются преследовать отходящих — трехсуточный бой измотал их до предела. Гитлеровцы потеряли до пяти-сот человек убитыми.

Многие участники боя за высоту 122,0 были награждены высокими правительственными наградами. Ордена Красного Знамени удостоены капитан И. П. Амвросов, старший политрук П. Н. Юрецкий, политрук М. И. Шаров, а также посмертно — политрук В. А. Абрамов и лейтенант Н. И. Ефименко.

Эту операцию командование 14-й армии оценило как удовлетворительную/ К сожалению, на голой каменной скале невозможно было построить укрепления и укрытия, не было резервов для развития успеха.

Противник активных действий не предпринимал, фашистские самолеты в условиях полярной ночи и зимней непогоды появлялись над Рыбачьим лишь изредка, но нас это мало волновало.

Полк продолжал обороняться на прежних рубежах. Подразделения пополнялись и занимались боевой подготовкой. Только в боевом охранении днем и ночью завязывались кратковременные схватки с противником. Расстояние между нашими и немецкими позициями было столь незначительно, что в минуты затишья было слышно, как гитлеровцы играют на губных гармошках, доносились обрывки немецкой речи и лай собак. В таком тесном соседстве немцы даже научились ругаться по-русски, а наши солдаты — по-немецки.

Иногда между нашими и немцами происходили такие диалоги:

^y — Иван, вот наступит лето, мы снова будем наступать.

— Фриц, у нас двенадцать месяцев зима, остальное лето. Когда же вы будете наступать?

* * *

В первые месяцы войны слово «героизм» у нас не употреблялось. Тогда говорили просто: «он выполнил свой долг» или «они выстояли». Вот сейчас, вглядываясь в события тех дней с дистанции почти в четыре де-

сятка лет, мы говорим «героическая оборона», «героический подвиг». Да, героизм в то трудное и грозное время был массовым. Ни солдаты, ни офицеры не жалели жизни ради Победы. И в бой мы шли не за награды — за Родину.

Впервые наши боевые дела были названы героическими в январе 1942 года, когда на Рыбачий прибыл член Военного совета 14-й армии дивизионный комиссар А. И. Крюков. Всем офицерам приказали прибыть в клуб УРа. Недоуменно переговариваясь, мы рассаживались в небольшом зале. На сцену поднялись А. И. Крюков, генерал-майор Д. Е. Красильников, полковой комиссар П. А. Шабунин. Воцарилась тишина.

Дивизионный комиссар в кратком вступительном слове отметил стойкость, мужество и героизм защитников Рыбачьего в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

— Ваш небольшой, но важный участок советско-германского фронта является единственным, где враг был, остановлен в первый же день наступления и не сумел, больше продвинуться ни на шаг, — сказал он. — Вы заставили «непобедимых героев Нарвика», как именуют себя гитлеровские головорезы, зарыться в скалы и перейти к обороне. Вашей стойкостью, вашим мужеством гордятся труженики прифронтового Мурманска. Командующий армией возложил на меня почетную обязанность — от имени Президиума Верховного Совета СССР вручить высокие правительственные награды наиболее отличившимся в боях воинам 23-го укрепленного района.

Последние слова члена Военного совета армии потонули в аплодисментах. Затем Крюков зачитал приказ о награждении и вручил ордена и медали. Тридцать шесть человек один за другим подходили к столу и получали из рук дивизионного комиссара заслуженные награды. Ордена Красного Знамени были вручены лейтенанту А. Н. Илюшичеву, сержанту А. А. Козлову, лейтенанту Б. П. Латухову, лейтенанту Н. И. Ребцовскому, лейтенанту А. С. Ронюеву, политруку А. С. Швецову и другим, в том числе и мне.

Среди награжденных назывались имена и тех, кого уже не было с нами. Орденом Ленина посмертно были награждены лейтенант С. Ф. Непышный, лейтенант П. В. Сергиенко, капитан А. Д. Хрявин. И в этот торже-

ственный момент мы особенно остро ощутили горечь утраты наших боевых друзей.

Первые правительственные награды имели огромное воспитательное значение. Во всех частях и подразделениях проходили беседы, пропагандировался боевой опыт награжденных. Много материалов об их боевых успехах печатала армейская газета «Часовой Севера».

Наступивший Новый, 1942 год встречали мы, воодушевленные победами наших войск под Москвой. В блиндажах, землянках, на огневых точках только и разговоров было, что о наступательных боях на Западном фронте. Чего греха таить, каждый из нас мечтал попасть туда, где шли решительные сражения.

В новогоднюю ночь стояла чудесная погода. Было абсолютно тихо. Даже немцы не пускали ракет. На небе полыхало изумительной красоты полярное сияние. Но продолжалось это недолго. К утру, словно сорвавшись с привязи, задул свирепый штормовой ветер, закружились снежные вихри. Видимость упала до нуля. Я с группой бойцов в это время шел из ротной кухни. Ветер валил с ног, слепил глаза, затруднял дыхание. Только часа через два, залепленные с ног до головы мокрым снегом, мы добрались до КЛ. А расстояние-то — меньше километра. За сутки нас так завалило снегом, что в течение пяти дней мы еле-еле все расчистили.

4 января на Малой Муста-Тунтури немцы предприняли разведку боем. Пулеметчики встретили врага метким огнем. Но фашисты, невзирая на потери, пытались ворваться на наши позиции. Минометный взвод младшего лейтенанта Кипорука поддержал пулеметчиков, и атака гитлеровцев была отражена с большими для них потерями. Озлобленный враг засыпал минами огневые позиции минометчиков. Осколком мины был убит Кипорук, сам корректировавший огонь своих минометов. В командование взводом вступил сержант П. М. Лашин, мой земляк, но и он получил ранение.

В феврале в роту прибыло пополнение, и ее отвели на первую линию обороны. В боевое охранение заступила рота старшего лейтенанта А. П. Калугина из 3-го стрелкового батальона.

* * *

В конце февраля 1942 года в командовании 23-го укрепрайона произошла замена. Даниил Ефимо-

вич Красильников, получивший еще в ноябре звание генерал-майора, был назначен командиром 10-й гвардейской дивизии, которая занимала оборону на реке Западная Лица. Вместо него прибыл полковник Георгий Андреевич Жуков. Из газеты «Часовой Севера» мы знали, что Г. А. Жуков — пограничник, со своей частью прошел по глубоким тылам финнов, громя штабы и уничтожая гарнизоны врага. Вместо полковника Носова начальником штаба укрепрайона был назначен ПОДПОЛКОВНИК М. Садогурский.

Г. А. Жуков

Новое командование обратило особое внимание на боевую выучку солдат и офицеров. В частях, расположенных не на передовой, начались регулярные учебно-полевые занятия, в которых были обязаны принимать участие все офицеры, независимо от звания и занимаемой должности.

В марте полковник Жуков посетил все подразделения полка, побывал в боевом охранении. Среднего роста, строгий и подтянутый, с живыми пытливыми глазами, новый комендант с первого же знакомства вызывал к себе чувство симпатии. Беседуя с солдатами и сержантами, полковник дотошно вникал во все мелочи: проверял состояние оружия, секторы обстрела, прочность перекрытий землянок и блиндажей, качество пищи, обращал внимание на обмундирование и внешний пид солдат, интересовался их семейными делами. Затем Отдельно собрал офицеров, отметил обнаруженные им недостатки в несении службы, посоветовал, как их надо устранить, и приказал усилить боевую подготовку.

- Надо полагать, предстоят ожесточенные бои. Противник подтягивает подкрепления не напрасно, — заключил беседу комендант.

Солдаты и офицеры потом долго обменивались впечатлениями о новом коменданте. Сходились на одном: «достойный преемник Красильникова».

С наступлением весенних дней противник усилил активность. Над полуостровами снова закружил самолет-разведчик «фокке-вульф». Чаше стали выпадать безоблачные дни, и чаще бомбардировщики с паучьей свастикой стали возобновлять налеты на огневые позиции артиллеристов и пулеметчиков, на тыловые объекты.

С 4 марта гарнизон 23-го УРа перевели на усиленную боевую готовность. Покидать свои места никому и ни под каким предлогом не разрешалось. Все было на «товсь». 7 марта вдруг налетел ураган, скорость ветра превышала тридцать метров в секунду. Все потонуло в вихрях ревущего снега. Бойцы не переставая расчищали огневые позиции, траншеи, ходы сообщения, но это был сизифов труд — через некоторое время снег снова засыпал все. Но вот ураган кончился. Авиация противника возобновила налеты.

13 марта разведчики с высоты Безымянная доложили о сосредоточении противником войск в районе высоты 122,0. Вскоре заговорили тяжелые батареи 1-го дивизиона 104-го артиллерийского полка. На 122-й загремели разрывы наших снарядов. В ответ ударили пушки фашистов. Их снаряды начали рваться в районе Эйно, где стоял 1-й дивизион. Появился немецкий самолет-корректировщик. На Кутовую посыпался град снарядов и тяжелых мин. В игру вступили батареи гаубичного дивизиона. Целый день грохотала артиллерийская канонада. Наконец огонь противника стал ослабевать — наши артиллеристы подавили несколько фашистских батарей. К вечеру все затихло. Наступать противник не решился.

Необходимо было выяснить замыслы врага. Действия нашей разведки на переднем крае успеха не приносили. Большая плотность огня по всему фронту, минные поля и проволочные заграждения не позволяли незаметно подобраться к траншеям фашистов. Разведчики несли" потери, но «языка» взять не могли.

Было принято решение послать в тыл врага пятерку разведчиков во главе с сержантом Ф. М. Бочковым. Он отлично ориентировался в каменном хаосе Муста-Тунтури, неоднократно наносил «визиты» фашистам. Вместе с ним пошли Болдырев, А. Мельников, Крючков и Д. Шадрин. Выбрав место, считавшееся у немцев Не-

Ф. М. Бочков

приступным, разведчики по крутым обрывам поднялись на хребет. Мы напряженно ждали.

Вдруг горное эхо донесло до нас раскаты двух взрывов и тарахтенье следовавших за ними автоматных очередей. Что там случилось? К автоматному треску присоединилась скороговорка пулемета. Снова взрыв гранаты. Стрельба. Начали рваться мины. На скате появились двое. Несколько человек бросились им навстречу: разведчик Крючков с трудом тащил на себе раненого Мельникова.

— Где Бочков?

— Остался прикрывать отход.

— А остальные?

— Болдырев и Шадрин убиты.

А на сопке трещали автоматы и рвались мины. Но вот по склону высоты скатился человек. Подбежавшие бойцы узнали сержанта Бочкова. Он был без сознания.

Из рассказа Крюčkова выяснились подробности этого поиска. Вначале разведчикам сопутствовала удача. Они благополучно поднялись на хребет, прошли в ложину и двинулись дальше. Решили не спускаться вниз, чтобы не наткнуться на охранение, а проползти по снежному карнизу. Но недавняя оттепель ослабила снег, и в тот момент, когда разведчики преодолевали карниз,

снежная кромка обломилась и вместе со снегом рухнул вниз Мельников. Его вытащили при помощи веревки и тронулись дальше.

Шедшие впереди Шадрин и Болдырев обнаружили землянку. Около нее стояли прислоненные винтовки. Привели их в негодное состояние. Что делать? В землянке, судя по количеству винтовок, находилось не менее двенадцати человек. Пока раздумывали, брать или не брать «языка», поблизости появилась группа фашистов, направлявшихся к землянке.

— Отходите, — приказал Бочков и, выбив ногой дверь землянки, метнул туда две гранаты.

Прибывшие гитлеровцы открыли огонь из автоматов и бросились на разведчиков. Выход из ущелья был закрыт. Разведчики с помощью веревки сумели подняться на гребень высоты. Но здесь их встретили пулеметные очереди. Бочков успел бросить гранату, а Мельников из автомата срезал подбежавших фашистов. Болдырев и Шадрин были убиты наповал, а Мельников ранен. Бочков приказал Крюкову выносить Мельникова, а сам остался прикрывать их отход.

Так неудачно окончилась еще одна попытка взять контрольного пленного.

Вскоре на КЛ полка прибыл начальник разведотдела 23-го укрепленного района капитан Романов. Вызвали меня.

— Товарищ Барболин, вы долго командовали разведкой. Кого из разведчиков полка вы можете порекомендовать для похода в тыл? — обратился ко мне Романов.

Я назвал ему фамилии. Разведчиков вызвали на КП. Капитан побеседовал с ними и приказал прибыть в штаб укрепрайона.

Была создана разведгруппа из пятнадцати человек — семь из 135-го полка, восемь из разведки УРа. Возглавил ее младший лейтенант Н. Е. Кокарев. Перед разведчиками поставили задачу: ночью по отливной зоне губы Малая Волоковая проникнуть в тыл противника и захватить пленного.

Мы с нетерпением ожидали возвращения разведгруппы. Прошли все контрольные сроки. В землянке клубами вился табачный дым. Романов шагал из угла в угол, ежеминутно поглядывая на часы. Но разведчики так и не вернулись.

— Надо посылать вторую группу. Может, вы ее возглавите?— спросил капитан.

— Я-то согласен, но вот как командование?

Командир полка, немного поколебавшись, дал согласие. Ночи становились все короче и короче. Медлить было нельзя. Выручил туман, внезапно окутавший окрестности плотным покрывалом. Наша группа по отливу вышла в тыл врага и обошла его опорные пункты на левом фланге.

На дороге в Пароваара, построенную немцами от хребта Муста-Тунтури, увидели трех фашистов — регулировочный пост. Группа прикрытия выползла к дороге, чтобы отрезать немцам пути отступления и защитить группу захвата в случае появления противника с той стороны. А группа захвата, в которую мы выделили трех самых сильных парней, незаметно подобралась к немцам. Молниеносный бросок — два гитлеровца падают, сраженные ударами ножей, а третий с кляпом во рту барахтается на дороге. Разведчики присоединяются к группе отхода, и мы возвращаемся к себе.

Капитан Романов ждал нас в огневой точке переднего края. Встретил, забрал пленного и сразу же убыл с ним на КП укрепрайона.

Через пару дней звонит:

— Выбери свободное время и заходи. Узнаешь о судьбе первой группы разведчиков.

Когда через несколько дней я вошел в землянку разведотдела, капитан Романов, поздоровавшись, открыл сейф и молча протянул мне опросный лист взятого нами контрольного пленного. Вот что рассказал тот о наших разведчиках.

«Они вышли на дорогу Петсамо—Титовка, обстреляли легковую автомашину, в которой ехал финский министр. Но машина проскочила. Из Петсамо на четырех машинах в район обстрела была направлена рота 68-го стрелкового батальона. Внезапно машины были обстреляны и забросаны гранатами разведчиков. Самокатчики понесли большие потери. Русские стали отходить, преследуемые подоспевшей к месту боя ротой 388-го полка. Прижатые к морю, русские разведчики вели неравный бой. Боеприпасы у них подошли к концу. На сопке остались в живых только двое русских. Один из них бросился в пропасть, а второй с гранатой в руке подорвался, когда его пытались взять в плен».

Я долго сидел, перечитывая опросный лист, и думал, кто же были они — последние двое. Ответить на этот вопрос не мог никто. В том походе погиб мой самый лучший разведчик Русанов, с первых боев воевавший в разведотряде.

Наступил апрель. Казалось бы, весна была с самым разгаре, но у нас лежали глубокие снега. В лучах весеннего солнца ослепительно сверкали вершины Муста-Тунтури. В солнечные дни мы буквально слепли от этого нестерпимого блеска. Темных защитных очков, конечно же, ни у кого не было, глаза постоянно слезились. Входя с улицы в землянку, мы долгое время не могли привыкнуть к темноте.

Приближалась пора белых ночей, а там недалеко было и до круглосуточного полярного дня. В связи с этим возникали новые проблемы. Снабжать подразделения, занимавшие позиции в опорных пунктах боевого охранения, становилось все труднее: немцы подвергали наших «ботиков» интенсивному обстрелу из пулеметов и минометов. Усилили активность и вражеские снайперы.

Используя темное время, мы торопились забросить в опорные пункты запасы боеприпасов и продовольствия на весь летний период, когда систематическое снабжение станет невозможным.

Офицеры штабов УРа и полков проводили регулярные занятия с командирами рот. Нас знакомили с обстановкой на Мурманском направлении и на других участках фронта, читали лекции о тактике противника, давали рекомендации в части совершенствования боевой подготовки наших подразделений.

Нам сообщили и данные, позволявшие судить о намерениях врага: в портах Северной Норвегии сосредотачиваются крупные соединения военных кораблей гитлеровцев, увеличилось число подводных лодок, прибывает пополнение в маршевых батальонах. По всему видно было, что командование горнострелкового корпуса готовится к летнему наступлению. Нужно ожидать и десантов на полуострова. Поэтому перед нами ставили задачу: усилить боевую учебу, подготовить каждого бойца так, чтобы он мог действовать уверенно в самой тяжелой боевой обстановке.

Сложность задачи заключалась в том, что 135-й стрелковый полк, да и другие части 23-го укрепленного

района понесли значительные потери и были недоукомплектованы личным составом. Кроме того, в марте от нас забрали и перебросили на Мурманское направление 1-й дивизион 104-го артиллерийского полка. В этих условиях от выучки каждого солдата зависело очень многое.

Приближались первомайские праздники. Можно было ждать, что фашисты предпримут все, чтобы испортить нам праздничное настроение. Мы были готовы к этому. 27 апреля меня вызвали на КП командира 1-го стрелкового батальона. По дороге я думал, что будет обычный предпраздничный инструктаж. Зашел в землянку и доложил о своем прибытии.

Командир батальона, выслушав доклад, подал руку и сказал:

— Садись. Как дела у тебя в роте?

Я ответил, что все в порядке, настроение у солдат хорошее, рвутся в бой.

Комбат молча прошелся по землянке, остановился и сказал:

— Предстоит бой. Готовь роту к наступлению. Сегодня вам доставят дополнительный боезапас. Срок готовности—двенадцать часов. О задаче и времени наступления получишь приказ. Ясно?

— Так точно!

— Ну, иди. Желаю успеха.

Я вернулся на свой КП, вызвал командиров взводов и отдал соответствующие распоряжения.

Рано утром 28 апреля поступил приказ: 3-й стрелковой роте начать наступление на высоту 109,0 с тем, чтобы сковать на ней силы противника.

Я отдал приказ о выдвижении роты на исходное для наступления положение, а сам задумался. Задача ясна, но для какой цели сковать силы?

Вышел из КП. Было ослепительное солнечное утро. Па южных скатах высот полуострова Среднего уже появились проталины. Зеркальная гладь Мотовского залива сверкала в лучах апрельского солнца. Окидывая взглядом водную ширь, я не поверил своим глазам: и залив входило несколько кораблей: в сопровождении < торожевиков шел эсминец, далее на горизонте виднелись силуэты более мелких судов. Наш десант! Значит, моя рота должна сковать боем противника на высоте, чтобы он не мог бросить свои силы против десанта.

Взглянул на часы — пять ноль-ноль. В тот же миг на кораблях блеснули вспышки выстрелов, и через несколько секунд донесся грохот артиллерийского залпа. Одновременно с высоты 47,6 ударили батареи 1-го дивизиона-241-го гаубичного артполка. На «сто девятой» начали рваться наши снаряды, и рота пошла на сближение с противником. Гитлеровцы открыли шквальный минометный огонь, затараторили пулеметы. Из района высоты 122,0 забасила фашистская артиллерия. Заговорили и тяжелые пушки 104-го артиллерийского полка.

Огонь с обеих сторон нарастал. Мои взводы были вынуждены залечь — слишком плотным был огонь с высоты 109,0. С визгом сыпались мины, поднимая в воздух фонтаны снега и мелких камней. Продвигаться вперед не было никакой возможности. Отдельные группы солдат прорывались сквозь свинцовую пургу, но снова залегали, прижатые огнем врага. Наступление явно выдыхалось. Я доложил обстановку комбату.

— Атакуйте! Атакуйте! — звучал его голос в телефонной трубке.

С поля боя начали отползать раненые. Санинструктор оказывал им помощь и отправлял в Кутовую.

Убит командир пулеметного взвода А. В. Солнцев. Его место занял мой заместитель старший лейтенант Михеев. Легкое ранение получил командир стрелкового взвода Мякишев, но продолжал отдавать команды.

Взвод лейтенанта Злобина первым прорвался к подножию высоты 109,0 и залег. Фашистские пулеметы неистовствовали, но взвод оказался в «мертвом» для их огня пространстве. От камня к камню сюда пытались перебегать солдаты и других взводов, но мало кому это удавалось. В роте становилось все больше и больше раненых и убитых. Немцы подтянули минометы, и рой осколков люто засвистел у подножия.

Тяжело ранен лейтенант Злобин. Два солдата вытаскивают его с поля боя. С каждой минутой наши ряды редеют. Об атаке не может быть речи. Огонь фашистской артиллерии и минометов продолжает бушевать. Пороховой дым окутал высоту. Солнце уже переместилось к западу, но все так же ярко светит с неба. Рассчитывать на темноту уже не приходится — наступила пора белых ночей. А бой все не утихает...

Но вот с КП комбата взвились сигнальные ракеты — отходить на исходный рубеж. Передаю по цепи

/ . На высоте заплясали разрывы наших снарягаубичный дивизион открыл заградительный i В сплошном пороховом дыму мы начали отпол- в Кутую.

Догда рота вышла из боя, в ней из девяноста шести Ловек невредимых оказалось только восемь. Я был егко ранен осколками мины в ногу и в бок.

Подошел командир батальона.

— Задачу свою рота выполнила. На Пикшуев выса- дилась 12-я бригада морской пехоты Северного флота. Объявляю благодарность всему личному составу 3-й ро- ты. Подготовьте наградные листы.

Да, задачу мы выполнили, но какой ценой...

Комбат сообщил, что на Мурманском направлении войска 14-й армии перешли в наступление, которое раз- вивается успешно.

В госпиталь я не пошел. В медсанроте мне оказали первую помощь, вынули осколки. Рана на ноге быстро зажила, а вот в боку долго гноилась, пришлось ходить на перевязки.

* * *

Первые три дня мая стояла по-настоящему весенняя погода. Но 4-го вдруг резко похолодало, а 5-го налетел ураган — все потонуло в сплошных снежных вихрях. В боевом охранении все эти дни шли ожесточенные бои — наши подразделения сковывали противника, не давая ему перебрасывать части на Мурманское направ- ление, где продолжалось наступление.

Три дня над полуостровами гудела пурга. Штормо- вой ветер нес тучи мокрого снега. Засыпано было все и вся. Солдаты не успевали откапывать землянки, огне- вые точки и траншеи, как их снова заносило снегом. Но йот ветер утих. Откопали, расчистили огневые позиции, и все вошло в норму.

Для оказания помощи 12-й бригаде морской пехоты и. Рыбачьем был сформирован 9-й отдельный лыжный батальон, командиром которого назначили капитана П. К. Высоцкого. Батальон убыл с полуостровов.

Апрельско-майское наступление войск 14-й армии по- ставленной цели не достигло. Было захвачено несколь- ко опорных пунктов противника. 13 мая десант 12-й бригады морской пехоты сняли с Пикшуева. У них ока- залось много обмороженных. Роковую роль в срые

операции сыграло резкое ухудшение погоды. Тем не менее наступление имело и некоторые положительные последствия—в боях был перемолот резерв фашистов, они понесли тяжелые потери. Такую информацию получили мы на очередных штабных занятиях.

Остатки моей третьей роты были отведены на вторую линию обороны. Стало подходить пополнение. Заново формировались отделения, взводы. Заново шла боевая подготовка. Посты, наряды, политподготовка... В общем, типичная «тыловая» обстановка, если не считать, что частенько звучал сигнал «воздух». Над полуостровами регулярно совершал разведывательные полеты «Фокке-Вульф-189». Не обходили нас стороной и бомбардировщики.

Весна между тем все больше вступала в свои права.* Всюду журчали ручьи, снег быстро таял. В землянках со стен и потолков капало. Только в ущельях и на северных скатах сопки снег лежал нетронутой целиной. Начался полярный день.

В первых числах июня на очередном штабном занятии нам сообщили новые сведения о наращивании сил немцев: в портах Северной Норвегии противник сосредоточил линкор, три тяжелых и один легкий крейсер, две флотилии эсминцев, 20 подводных лодок и сотню мелких рыболовных судов. Прибыла авиаполевая дивизия. На аэродромах насчитывается до пятисот самолетов.

Мы долго обсуждали создавшуюся обстановку, искали наиболее приемлемые варианты подготовки к отражению возможных морских и воздушных десантов. Центр Рыбачьего, по существу, совсем не был прикрыт. Командование поставило перед нами задачу: нужно создавать небольшие подвижные отряды, способные при необходимости действовать самостоятельно. А значит—И учить и учить людей воинскому искусству.

Но неожиданно наши силы возросли. 22 июня к нам была передислоцирована 12-я бригада морской пехоты под командованием полковника В. В. Рассохина. Мы вздохнули с облегчением. 1-й батальон майора Шведова занял оборону в районе Цып-Наволока, 2-й батальон майора Боровикова — в губе Зубовская, 3-й — капитана Коршунова — прикрыл Эйно, а 4-й — майора Петрова — обосновался на перешейке полуостровов Средний — Рыбачий. Штаб бригааы и спецподразделения

разместились на горе Переметной. Таким образом, полуостров Рыбачий получил надежное прикрытие на случай морских и воздушных десантов противника. Это сильно подняло наше настроение.

В первых числах июля началась переброска на Рыбачий 63-й бригады, морской пехоты полковника А. М. Крылова, сформированной в основном из тихоокеанцев. Ее подразделения высаживались в Вайда-губе и в Эйно. 11 июля бригада перешла на Средний и расположилась в районе Пумманки. Полуостров Средний также был плотно прикрыт морскими пехотинцами.

Июнь—июль стояла чудесная летняя погода. Незаходящее полярное солнце щедро согревало скалистые сопки. В лощинах зеленел низкорослый кустарник, цвели морошка, черника, голубика. Бойцы, сняв изрядно надоевшие шинели, радовались теплу. «Как в Крыму», — говорили они.

Но круглосуточный день парализовал действия разведчиков. В таких условиях нечего было и думать проникнуть в тыл врага. В боевом охранении продолжались эпизодические схватки с гитлеровцами, свирепствовали фашистская артиллерия и минометы. Наши орудия, выпустив несколько снарядов, умолкали. Лимит на боеприпасы отменен еще не был.

14 июля 1942 года мне приказали сдать роту и прибыть в штаб 135-го стрелкового полка. Когда я явился, то встретил там капитанов Н. Г. Билика, А. А. Синицу, Ф. С. Хвостовского.

— По приказу командующего войсками 14-й армии генерал-лейтенанта Щербакова вы направляетесь на учебу в военную академию, — сказал нам подполковник С. А. Косатый. — Получайте документы и идите в штаб укрепленного района.

Жаль было расставаться с солдатами и офицерами родного полка, с которыми больше года делили мы горечь утрат и радость побед. Но в то же время мы понимали, что война еще не кончается и что после учебы, вооружившись новыми знаниями и командирскими навыками, мы сможем внести большой вклад в дело разгрома ненавистного врага. Попрощались с командиром полка, комиссаром, работниками штаба и пошли в штаб укрепрайона.

15 июля в Западное Озерко пришел мотобот. Капитан Сеница и капитан Билик поднялись на бот, и вско-

С. И. Кабанов

ре он отошел от причала. Нам с Хвостовским приказали ждать очередной «оказии».

На другой день пришло сообщение, что в Озерко идет катер Северного флота. Мы забрали свои немудреные солдатские пожитки и пошли на причал. С Пикшуевского берега глухо забасили немецкие пушки.

— По катеру бьют, — сказал Федор Сергеевич, — не потопили бы, а то опять придется оказии ждать.

С Рыбачьего ударили наши тяжелые батареи. Немцы замолкли. К причалу направился комендант 23-го укрепленного

района полковник Г. А. Жуков, с ним военком М. Г. Васютин и несколько пограничников.

— Нас провожать, что ли? — удивился Хвостовский.

— Слишком честь высока, — • засмеялся я.

Между тем подошел к причалу катер. Г. А. Жуков и сопровождавшие его офицеры пошли туда. Следом тронулись и мы. С катера сошел высокий плотный офицер в морской форме. Полковник Жуков представился. Увидев нас, стоявших в стороне, морской офицер подошел и спросил, кто мы такие.

— Капитан Барболин, капитан Хвостовский. По приказу командующего четырнадцатой армией направляемся на учебу в военную академию, — доложил я.

— Генерал-лейтенант Кабанов, — представился он. — Отныне командующий войсками Рыбачьего. Теперь только мои приказы подлежат исполнению. Возвращаетесь в свою часть. Лучшая академия — это бои.

Мы козырнули, повернулись кругом и направились в свой родной полк. Подполковник Косатый был немало удивлен нашему возвращению. Когда мы рассказали ему, что произошло, он сокрушенно развел руками:

— Ничего не поделаешь. Новое начальство — новые порядки. Мы теперь входим в состав Северного военно-морского флота. Жаль, конечно, что вам не пришлось поучиться. Ну, а для меня это лучше — вы опытные командиры и в полку принесете больше пользы. Отдыхайте пока.

Несколько позднее мы узнали, что Ставка Верховного главнокомандующего 12 июля 1942 года возложила оборону полуостровов Средний и Рыбачий на Военный совет Северного флота, которому передавались все части и соединения 23-го укрепленного района 14-й армии. Был создан Северный оборонительный район Северного флота, СОР, как сокращенно стали именовать его.

* СЕВЕРНЫЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН

Дней через пятнадцать поступил приказ командующего СОРОм генерал-лейтенанта С. И. Кабанова: наш 135-й стрелковый полк, пополненный моряками, преобразовывался в 254-ю бригаду морской пехоты. Командиром бригады назначался подполковник С. А. Косатый, его заместителем — майор А. Т. Лоханский, начальником штаба — майор А. Л. Кильдяшов, комиссаром — М. Г. Васютин. Капитана Ф. С. Хвостовского назначили начальником оперативной части штаба бригады, меня — начальником разведки, а начальником артиллерии — бывшего командира 1-ю дивизиона 241-го гаубичного артполка майора А. Д. Белоуса. Уплотнились наши боевые порядки — в бригаде было сформировано четыре батальона.

Реорганизация коснулась и других частей. 7-й отдельный пулеметный батальон стал 347-м, 15-й — 348-м, на базе 52-й, 54-й, 55-й и 56-й отдельных пулеметных рот был сформирован 349-й отдельный пулеметный батальон, 1-й дивизион 241-го гаубичного артполка стал 4-м дивизионом 104-го артиллерийского полка, командиром его назначили капитана М. Х. Бурмистрова.

В Северном оборонительном районе создавалось три боевых участка: первый включал передовую линию обороны и боевое охранение. Здесь дислоцировалась 254-я бригада морской пехоты, усиленная 349-м отдельным пулеметным батальоном и двумя дивизионами 104-го артиллерийского полка; второй участок — остальная часть полуострова Среднего — прикрывался 63-й бригадой морской пехоты, 348-м отдельным пулеметным батальоном, дивизионом 104-го артполка и 221-й береговой батареей; третий боевой участок — полуостров Рыбачий — оборонялся 12-й бригадой морской пехоты, усиленной 347-м отдельным пулеметным батальоном, дивизионом 104-го артполка и двумя береговыми батареями — 147-й и 231-й. Защиту от нападения на полуострова с воздуха обеспечивали зенитные батареи 112-го от-

дельного артиллерийского дивизиона. Приказ командующего СОРОм от 31 июля 1942 года требовал вести активные боевые действия, не давая возможности противнику спокойно отсиживаться в своих укреплениях. Лимит на расход боеприпасов был отменен.

24 июля, в День Военно-Морского Флота, командующий СОРОм приказал артиллеристам открыть огонь из всех орудий. Два часа гремели пушки Рыбачьего по ранее разведанным огневым позициям, окопам и батареям противника. Гитлеровцы пытались вести ответный огонь, но вскоре должны были замолчать. К артиллеристам присоединились наши минометчики и пулеметчики. Давненько не было такой канонады. Морские пехотинцы ликовали.

— Вот это праздник! Замечательно отметили День Военно-Морского Флота!

Вскоре из штаба СОРа позвонили и сообщили, что к нам выехал командующий. На КП бригады прибыли генерал-лейтенант Кабанов, его заместитель Жуков и комиссар СОРа Балев. Подполковник Косатый доложил обстановку. Генерал-лейтенант внимательно выслушал и приказал дать карту. Разглядывая нанесенную на ней обстановку, он взял бинокль и начал просматривать позиции боевого охранения.

— Как туда проехать? — спросил командующий.

— Товарищ генерал-лейтенант, сейчас в боевое охранение попасть невозможно. Вся долина между ним и первой линией обороны простреливается противником из всех видов оружия. Только в туман или с наступлением темноты можно пройти на Муста-Тунтури, — доложил комбриг.

— А какие части противостоят вашей бригаде, товарищ подполковник?

— Триста восемьдесят восьмой пехотный полк немцев, батальон сто тридцать седьмого горноегерского полка и до полка артиллерии.

— На какое число эти данные?

— На первое июля, товарищ генерал-лейтенант.

Кабанов удивленно посмотрел на Косатого:

- Прошел почти месяц. За это время мы перебросили •Ц полуострова две бригады морской пехоты, артиллерию. И все это противник видел, ведь светло круглые я. Как, по-вашему, мог он заменить или усилить (ВО!) части?

И. И. Демин

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Не только мог, но и должен усилить, — ответил Косатый.

— Значит, надо произвести поиск и взять контрольного пленного.

— В условиях полярного дня это невозможно. Сейчас мы комплектуем роту разведки. В ближайшие дни проведем разведку боем.

— Ну, добро. Действуйте. А вот КП у вас никуда не годится.

— Как не годится? — оторопело спросил комбриг. — Тепло, светло, обзор хороший...

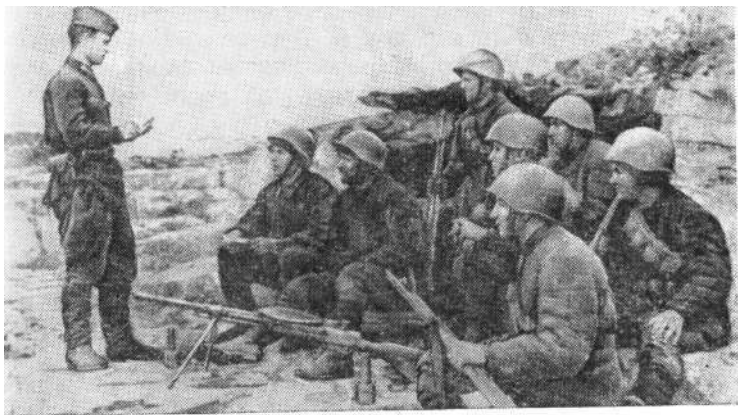
— Все это так. Но перекрытия слабы. Попадет снаряд и разнесет все. Необходимо усилить перекрытия, чтобы ни один снаряд не пробил.

Командующий и сопровождавшие его лица отбыли. Косатый приказал:

— Давай, Василий Петрович, чтобы через пару дней рота разведки была полностью укомплектована опытными людьми.

Старых разведчиков, которые начинали войну вместе со мной, почти не осталось. Поэтому я и мой помощник старший офицер разведотдела И. И. Демин целыми днями пропадали в роте, учили солдат и сержантов вести наблюдение, брат «языков» и другим премудростям разведки. Много работали над подготовкой разведчиков командир роты старший лейтенант И. Ф. Мандриков, политрук В. Ф. Ельчанинов, командиры взводов А. Сидоров, Н. О. Ремизов и Ф. М. Бочков.

Младший лейтенант Николай Осипович Ремизов начал войну сержантом. В 135-м стрелковом полку был командиром отделения разведки, неоднократно ходил в тыл врага/Окончив курсы младших лейтенантов, возвратился на Рыбачий. Это был опытный и волевой

Разведчики перед выходом на операцию. Стоит — заместитель командира роты разведки по политчасти В. Ф. Ельчанинов

командир. К сожалению, не довелось ему дожить до победы — 24 мая 1944 года он погиб на Муста-Тунтури.

Младший лейтенант Федор Митрофанович Бочков также вырос из рядовых. В 135-м стрелковом полку его называли «хозяином Тунтурей». Еще будучи командиром отделения разведки, он ходил в тыл противника, хорошо знал каждую скалу, каждый камень на хребте, не раз притаскивал «языков». Да и старший лейтенант Лрсентий Сидоров был опытным разведчиком. Эти офицеры много и плодотворно работали над совершенствованием боевой выучки разведчиков бригады.

Пока мы готовились к предстоящей операции, противник опередил нас. В ночь на 2 августа артиллерия и минометы гитлеровцев выпустили по нашему боевому охранению на высоте Безымянная более тысячи снарядов, В том числе и дымовых. Под прикрытием дымовой завесы до двух рот фашистов предприняли атаку опорного пункта, обороняемого 1-й стрелковой ротой капитана Гоменюка. Атака была отчаянная — фашисты остерве-нею лезли на Безымянную. В тех местах, где в проволо-лочном заграждении оказались «прорехи», они ворвались На высоту. Сержант Козицын и боец Липкин вынесли in полуразрушенного дзота пулемет и встретили гитле-ровцев ливнем пуль. Полетели гранаты. Гаубицы диви-

зиона Бурмистрова открыли заградительный огонь, не давая противнику подбрасывать подкрепление. Вскоре к ним присоединились и другие батареи. Бой продолжался более двух часов. Прорвавшиеся фашисты были уничтожены, остальные отошли. Судя по всему, противник предпринял попытку провести разведку боем. Потери врага составили до ста пятидесяти человек убитыми и ранеными. Мы потеряли двадцать пять человек, в основном ранеными.

Нам требовался «язык». Передний край обороны противника был сильно укреплен. Против наших восьми опорных пунктов немцы имели двадцать два. Каждый из них насчитывал до двенадцати огневых точек, по два-три миномета, прикрывался огнем артиллерии, был огражден тремя-четырьмя рядами колючей проволоки и минными полями. В скалах немцы вырубили тоннели и убежища, в которых могли укрываться от массированного артогня. Местность перед передним краем обороны врага хорошо просматривалась и простреливалась из всех видов оружия. В таких условиях проникнуть в оборону гитлеровцев наши разведчики не могли.

Дней пять я лазал по нашим опорным пунктам на хребте Муста-Тунтури, выискивая слабое место в обороне врага. В конце концов операцию было решено провести на Малой Муста-Тунтури. Здесь был самый подходящий рельеф местности — более пологие скаты, сравнительно небольшая высота, мало крутых обрывов.

11 августа взвод разведки выдвинулся на сопку и залег вблизи проволочного заграждения противника. Изредка взлетали осветительные ракеты да строчил «дежурный» пулемет немцев. Перед рассветом разведчики подорвали удлиненными снарядами проволочное заграждение, забросали фашистов ручными и противотанковыми гранатами и устремились в траншеи. Немцы не выдержали натиска разведчиков и покинули опорный пункт, оставив более десятка убитых. Артиллерия фашистов открыла массированный огонь по своему опорному пункту, но наших там уже не было. Разведчики вернулись без «языка».

Обсудив со мной и начальником штаба майором А. Л. Кильдяшовым создавшееся положение, командир бригады подполковник Косатый приказал повторить операцию, но уже более крупными силами. Для этой цели была выделена рота 3-го батальона, усиленная

взводом разведки. Ранним утром 15 августа рота стремительно ворвалась в оборону противника, захватила три дзота, четыре окопа и две землянки. Но пленных опять взять не удалось — оставив убитых, гитлеровцы поспешно удрали.

Придя в себя, противник открыл артиллерийский и минометный огонь по захваченному нами опорному пункту, а затем бросил в атаку до батальона. После ожесточенного боя нашим приказали отойти на исходные позиции. Взорвав дзоты и землянки, рота отошла. Разведчики доставили в штаб десятка три солдатских книжек и медальонов убитых немцев, письма и оружие. Документы принадлежали солдатам 193-го пехотного полка немцев. Значит, противник заменил свои части в боевом охранении, а может быть, и усилил — такой вывод сделали в штабе СОРа. Генерал-лейтенант Кабанов приказал повторить операцию.

16 августа взвод разведки и взвод автоматчиков ворвались в опорный пункт противника, на этот раз на Средней Муста-Тунтури, захватили на южных скатах траншею и дзот. Немцы предприняли контратаку, поддержанную артиллерией и минометами. Наши артиллеристы и минометчики поставили заградительный огонь, и под его прикрытием разведчики отошли. Опять неудача — не взяли ни одного «языка». Противник потерял до семидесяти человек убитыми. В штаб были доставлены документы солдат и унтер-офицеров 1-го батальона 388-го пехотного полка 214-й дивизии.

А на южных фронтах в это время шли кровопролитные бои. Враг рвался к Волге, развернулось сражение за Северный Кавказ. Над Рыбачьим и Средним немецкие самолеты сбрасывали пачки листовок, в которых расписывались успехи гитлеровцев на юге. Противник вел пропаганду и через громкоговорящие установки. В ответ наши воины стремились уничтожить как можно больше гитлеровцев. «Мертвый фашист не будет воевать на юге», — говорили они. Политработники, коммунисты и комсомольцы в ротах, взводах, отделениях проводили беседы, разъясняя причины временных успехов врага на южных фронтах.

Усиленные действия нашей разведки насторожили немцев. Ночное небо над Муста-Тунтури непрерывно иги.чрывали осветительные ракеты; по очереди вели

огонь дежурные пулеметы немцев, создавая видимость боевой готовности на всем участке их обороны. Подойти незаметно к переднему краю врага было невозможно. Обнаружив малейшее движение в нашем боевом охранении, противник сосредоточивал на этом участке массированный минометный и пулеметный огонь.

А контрольный пленный по-прежнему был необходим, крайне необходим. Надо было выяснить замыслы противника. Обсудив вместе с командиром бригады С. А. Косатым и начальником штаба А. Л. Кильдяшовым все возможные варианты захвата «языка», мы пришли к выводу, что нужно еще раз повторить разведку боем.

— Давайте на высоте с погранзнаком, — предложил комбриг. — Недавно пробовали на Малой, Средней, теперь попытаемся здесь. На Большой Тунтури, Безымянной и высоте «сорок и одна» условия сложнее. Но без «языка» не возвращаться.

Решили, что роту разведки возглавит мой помощник старший лейтенант И. И. Демин. Роту усилили взводом автоматчиков, придали саперное отделение для проделывания проходов и разминирования. Прикрытие должна была обеспечить артиллерия бригады под командованием А. Д. Белоуса.

Темной сентябрьской ночью, несмотря на «иллюминацию», рота разведки с автоматчиками и саперами незаметно для противника сосредоточилась на высоте. Саперы разминировали подступы к обороне врага и проделали проходы в проволочных заграждениях. На рассвете ударили наши пушки, и разведчики устремились вперед. Завязался ближний бой. Гитлеровцы не устояли и начали, отстреливаясь, уходить. Наши бойцы взорвали две землянки, громкоговорящую установку, машину с перфоратором для бурения скал. В бою отличился взвод младшего лейтенанта Ремизова. Когда схватка была в полном разгаре, он подбежал к Демину и радостно доложил:

— Товарищ старший лейтенант, «языка» взяли!

— Отходите с ним. Да смотрите, чтобы невредимым доставили.

По радио дали условный сигнал, гаубичный дивизион открыл заградительный огонь, и разведчики начали отходить — задача была выполнена. Кроме контрольного пленного, они доставили около тридцати солдатских книжек. Пленный оказался из 9-й роты 193-го пехотного

полка. Наши потери составили: трое убитых и семеро раненых.

Когда я доложил командиру бригады о результатах, он удовлетворенно сказал:

— Наконец-то!

Задачи разведки состояли не только в захвате «языков». Разведчики дни и ночи проводили в боевом охранении, засекая огневые точки врага, изучая систему их огня, уточняя расположение минных полей, проволочных заграждений, огневых позиций артиллерии и минометов, выявляя пути подхода противника к своим опорным пунктам, НП и КП. В результате мы имели подробные схемы обороны противника.

Активные действия начала и разведка 12-й бригады морской пехоты. В ночь на 31 августа 1942 года рота разведки под командой старшего лейтенанта Н. И. Грачева высадилась на Пикшуевский берег и захватила двух пленных. А в ночь на 11 сентября туда же был высажен сводный батальон этой бригады под командованием капитана А. П. Боровикова и комиссара А. Д. Гальченко. Батальон уничтожил три немецких опорных пункта. Было взорвано восемнадцать дзотов, пять землянок, четыре склада, четырехорудийная батарея, минометная батарея, семь станковых пулеметов. Морские пехотинцы привезли с собой трофеи — десять пулеметов, два миномета, много винтовок, автоматов, несколько ящиков гранат. Они истребили около двухсот гитлеровцев, а девять — взяли в плен, в том числе и командира артиллерийской батареи — обер-лейтенанта. Батальон потерял двадцать четыре человека убитыми и тридцать семь ранеными. Этой удачной десантной операции политотдел посвятил специальную листовку, которую наши бойцы зачитывали до дыр. Во всех подразделениях только и говорили, что о смелых действиях сводного батальона. А вскоре был объявлен приказ народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала П. Г. Кузнецова: «Ставлю в пример всем флотам и флотилиям дерзкую операцию Северного флота», — говорилось в нем.

Через неделю была осуществлена еще одна операция — десантная. В ней кроме батальона 12-й бригады принял участие и батальон 63-й бригады морской пехоты. Но результаты были довольно-таки скромными. Воинов, отсутствовал элемент внезапности. Немцы, на-

ученные горьким опытом, были более бдительны. А во-вторых, как это выяснилось на разборе в штабе СОРа, во время операции случилось два непредвиденных происшествия.

Первое заключалось в том, что один из катеров, перевозивших первую группу десантников 12-й бригады, неожиданно сел на камни. На катере всполошились, зашумели, чем и выдали себя. Гитлеровцы открыли минометный огонь, ранив несколько человек. Вынуждены были вступить в игру батареи 104-го артполка.

Вторая непредвиденность случилась при высадке батальона 63-й бригады: оказалось, что «потерялась» рота автоматчиков — ее высадили километрах в двух восточнее. Автоматчики всю ночь блуждали по незнакомому берегу, а командир батальона капитан В. С. Буянов не принял мер к их розыску. Он повел остальные подразделения к цели. Перед опорным пунктом немцев «Могильный» морских пехотинцев встретил сильный пулеметно-минометный огонь. Они залегли. Вскоре комбат дал сигнал сбора и отхода к месту посадки. Туда же по этому сигналу прибыли и «потерявшиеся» автоматчики. Катера под огнем противника перебросили десантников в Эйно.

Батальон 12-й бригады, разделенный на три группы, действовал успешнее. Первая группа под командованием майора А. П. Боровикова заминировала дорогу, разгромила шедшую к опорному пункту «Обергоф» роту немцев, взяв в плен солдата, уничтожила в опорном пункте пять землянок и склад боеприпасов, захватила два пулемета. Вторая группа старшего лейтенанта Ф. И. Хижнякова тоже атаковала какой-то опорный пункт, но безуспешно. Третья группа — рота разведчиков старшего лейтенанта Н. И. Грачева в ночном бою уничтожила десять дзотов, три дота, захватила два пулеметных расчета и снайпера с винтовкой. Весь отряд 12-й бригады также был доставлен в Эйно.

Подводя итоги операции на разборе в штабе СОРа, генерал-лейтенант Кабанов указал на допущенные ошибки, отметил успешные действия морских пехотинцев 12-й бригады и потребовал от командира 63-й бригады полковника А. М. Крылова улучшить боевую подготовку частей.

— Тут говорили, мол, на ошибках учимся. Но забыли о том, что подобные ошибки обходятся слишком до-

рого. Командиры всех -степеней должны предусмотреть любые ситуации, могущие возникнуть, — сказал он в заключение.

У нас в бригаде, как и в других частях и соединениях, появились девушки-матросы. Они служили телефонистками, санитарными инструкторами, бойцами зенитных батарей.

Наташа Тесля, миниатюрная черноглазая полтавчанка, Алла Патрошкина и Аня (не помню фамилии) добросовестно несли службу на узле связи бригады. Четыре девушки, из них помню Шуру Васильеву, были зачислены в медико-санитарную роту бригады. Санинструктор А. Васильева, волевая и смелая, всегда улыбающаяся, как бы тяжело ей ни было, много раз ходила с разведчиками в тыл врага. Очевидно, поэтому я ее и запомнил.

Девушки-матросы самоотверженно несли нелегкую воинскую службу, четко и добросовестно выполняли свои обязанности. Более тридцати лет прошло с той поры, но в памяти моей они остались навсегда.

24 сентября 1942 года штаб 254-й бригады морской пехоты получил приказ командующего СОРОм — 25 сентября нас сменяет 63-я бригада морской пехоты, а мы переходим на второй боевой участок. Казалось, надо радоваться, что нас отводят в более спокойное место, но все офицеры были расстроены — четыреста пятьдесят семь дней и ночей мы находились на первой линии обороны, вели непрерывные бои с противником. Мы привыкли к этой напряженной боевой обстановке и не искали легкой жизни. Но приказ есть приказ...

Смена бригад прошла благополучно. Вместе с начальником разведки 63-й бригады морской пехоты капитаном Фроловым мы побывали на опорных пунктах нашего боевого охранения. Я знакомил его с обороной противника, расположением его опорных пунктов, огневых точек, путями подхода и эвакуации. Но, очевидно, немцы почували, что у нас что-то произошло. В ночь на 26 сентября они атаковали наше боевое охранение. Морские пехотинцы 63-й бригады вступили в бой. Несколько часов горное эхо вторило разрывам мин и стрелоту пулеметов, небо подсвечивалось сотнями осветительных ракет. Потеряв несколько десятков убитыми, враг был вынужден прекратить атаки. 63-я бригада первый экзамен выдержала.

Второй боевой участок, принятый нашей бригадой, включал в себя побережье полуострова Среднего от мыса Матти-Вуоно до вершины губы Большая Волоковая. Кроме нас здесь дислоцировались: 348-й отдельный пулеметный батальон, 113-й отдельный дивизион береговой артиллерии, дивизион 104-го артиллерийского полка, 112-й отдельный зенитный дивизион. Непосредственного соприкосновения с противником здесь не было, но участок подвергался систематическому артиллерийскому обстрелу и бомбежкам.

До 1 октября подразделения бригады приводили в порядок оружие, изучали район обороны, оформляли боевую документацию. Разведчики сразу же приступили к тщательному изучению местности и организации системы наблюдательных пунктов. Определяли места, наиболее вероятные для высадки десантов противника! Штаб бригады уточнял боевые задачи подразделений, проверял организацию обороны, намечал проведение дополнительных инженерных мероприятий в системе обороны.

В конце сентября у нас объявили набор добровольцев, желающих отправиться на Ленинградский фронт. Из бригады ушло более двухсот человек. Вскоре к нам стало прибывать пополнение — молодые ребята 1924 года рождения, в основном архангельские, костромские и вологодские. Военной подготовки они не имели, и поэтому в бригаде развернулась усиленная боевая и политическая учеба. К молодым прикрепили опытных, побывавших в боях сержантов и рядовых. Новичков учили владеть оружием и тактикой рукопашного боя, ползать по-пластунски, преодолевать полосы препятствий. Партийные и комсомольские организации рот и батальонов помогали командирам и политрукам в обучении и воспитании молодых солдат.

На учебу отводился всего месяц. И надо сказать, что в срок этот уложились.

Короче говоря, с 1 октября бригада приступила к усиленной боевой подготовке. И все же первое время жизнь казалась нам непривычно спокойной. К нам стали приезжать коллективы художественной самодеятельности; свободные от вахт воины ходили на концерты, смотрели кинофильмы. Постепенно привыкли мы к новому для нас ритму жизни.

Подполковник Косатый вызвал меня к себе.

— Приказано явиться в разведотдел штаба СОРа. Дело для тебя нашлось.

— Из бригады отзывают, что ли? — спросил я.

— Не беспокойся. Остаешься в бригаде. Есть одно поручение.

Явился в штаб СОРа. Начальник разведотдела майор Романов, выслушав доклад, сказал:

— Садитесь, — и, достав карту, продолжал: — Вот видите, на северо-запад от Среднего, в пяти-шести километрах от берега два островка — Большой и Малый Айновы, а **ПО-ФИНСКИ** — Хейня-Саари. Как вы знаете, в первый день войны вторая батарея своим огнем смела все постройки на Большом. Так вот: необходимо проверить, не использует ли противник эти острова как свой НП и базу для высадки своих разведчиков. Готовьте свою роту разведки. Катера перебросят ее на острова.

МР Романов и В. П. Барбо-

Ночью рота была уже на островах. Командовал операцией старший лейтенант А. Сидоров. Задача была не из сложных — обследовать острова и двое суток вести наблюдение за противником. Но требовалась тщательная маскировка — авиация фашистов была начеку.

За действиями наших разведчиков мы вели наблюдение. На случай, если возникнет необходимость оказать им помощь, была подготовлена специальная группа.

Первый день прошел спокойно. А на вторые сутки, как это часто бывает в Заполярье, погода вдруг резко изменилась, море заштормило, а затем налетел ураган. Снять разведчиков стало невозможно. У них был толь-

ко трехсуточный запас продовольствия, а море бурлило пятые сутки. Я не находил себе места. Наконец все утихло. Мы на катерах пошли снимать моих ребят.

Все они оказались живы и здоровы. На островах нашли запасы продовольствия — в немецких шлюпках в носовой части были устроены герметические отсеки,, а в них—галеты, консервы, анкерки с питьевой водой и даже коньяк. На Большом Айновом разведчики обнаружили пушку и пулеметы. На берегу лежали скелеты. Очевидно, это были немцы, уничтоженные огнем нашей артиллерии в первые дни войны. По найденным документам мы установили, что противник перед войной имел здесь наблюдательный пункт и держал шлюпочную команду.

Позднее на Большом Айнове саперы СОРа установили ложную артиллерийскую батарею и соорудили плохо замаскированные землянки. Немцы клюнули на эту приманку —более месяца их авиация ожесточенно бомбила эту «важную огневую точку».

После рейда на острова мы с группой офицеров-операторов еще раз тщательно обследовали весь берег полуострова Средний от Малой до Большой Волоковой. Район этот по урезу воды оборонял 348-й отдельный пулеметный батальон, огневые точки которого располагались по всему побережью. Мы проверили все пулеметные дзоты, пересмотрели систему постов ВНОС и СНИС, сверили огневые планшеты и стрелковые карточки, осмотрели минные поля и проволочные заграждения. Наши оборонительные позиции были приведены в полное соответствие с теми задачами, которые стояли перед вторым боевым участком. Словом, мы подготовились к отражению возможного десанта противника.

В ночь на 1 октября рота 63-й бригады морской пехоты под командой капитана А. Я. Юневича атаковала высоту «Яйцо», что находится южнее нашего опорного пункта на высоте 40,1. «Яйцо» захватили без потерь — атака оказалась стремительной и неожиданной для врага. Но последующее развитие событий показало, что захватить высоту сравнительно не трудно, а вот удержать ее гораздо труднее. Собственно, в этот раз повторилось то, что неоднократно было и у нас при захвате сопков на хребте Муста-Тунтури и, особенно, при атаке высоты 122,0 в конце декабря 1941 года.

Вторые сутки шел 'бой. На высоте плясали разрывы снарядов и мин. Мы сидели в штабе бригады и обсуждали ход операции, когда позвонил командующий СОРом генерал-лейтенант Кабанов и приказал выделить для поддержки Юневича усиленную роту.

Подполковник Косатый приказал командиру 2-го батальона капитану Курносову выделить 5-ю роту и усилить ее взводом разведки. Наши товарищи шли в бой-

Бой за высоту «Яйцо» длился пять суток. И все же высоту пришлось оставить — построить на голой скале оборонительные сооружения не удалось, шквал снарядов и мин сметал все начисто. Как мы подсчитали, бойцы 63-й бригады отразили более десяти контратак противника. Но под непрерывным огнем закрепиться не смогли. Наши потери составили более двухсот человек, в том числе сорок убитыми. Погиб в бою и командир 5-й роты нашей бригады старший лейтенант Александр Уваров. Немцы потеряли убитыми около ста пятидесяти человек.

Под Сталинградом и на Северном Кавказе продолжались кровопролитные бои. Враг рвался к великой русской реке, стремился захватить источники кавказской нефти. У нас повсюду — в окопах, землянках, опорных пунктах боевого охранения — с тревогой читали сводки Совинформбюро. Многие солдаты и офицеры выражали желание отправиться на южные фронты.

В ноябре на Рыбачий прибыло пополнение. Одновременно был объявлен набор добровольцев из числа опытных солдат и сержантов. Командование было буквально засыпано рапортами. А вскоре мы провожали своих боевых товарищей, убывавших на Сталинградский фронт. Мы завидовали им, хотя понимали значение и нашего участка советско-германского фронта.

А в декабре новая группа рыбачинцев-добровольцев отправлялась на Большую землю, в этот раз на Брянский фронт. Так Рыбачий неоднократно приходил на помощь другим фронтам.

Новый, 1943 год начался с памятного события — 1 января в нашу бригаду прибыли посланцы рабочих Новосибирска, привезли подарки от тружеников тыла. В каждой посылке было письмо с наказом крепче бить врага. Выступая перед бойцами, новосибирцы рассказывали о своем труде в тылу, о трудностях, переживаемых ими. Особенно взволновали нас маленькие подарки

от школьников, сделанные их руками. Они до боли волновали солдатские сердца, заставляли крепче держать оружие в руках, беспощадно бить фашистскую нечисть. Приезд новосибирцев влил в нас новые силы, поднял наш боевой дух. Вся бригада засела писать ответные письма сибирякам.

А гости, ознакомившись с нашим военным бытом, не переставали удивляться:

— Миленькие наши, как же вы тут держитесь? Из какого материала вы сделаны?

Уехали новосибирцы, и жизнь вошла в привычное русло: боевая подготовка-, политическая учеба, посты, наряды, расчистка снега...

4 января командующий СОРОм приказал досрочно перевести нашу бригаду на первый боевой участок — на смену 63-й, понесшей большие потери в боях (по плану мы должны были сменить ее в конце марта).

И вот мы вновь вошли в непосредственное соприкосновение с противником. Используя ночное время и часто налетавшую пургу, разведчики бригады прорывались в траншеи противника, взрывали землянки и огневые точки, истребляли фашистов. Окружение сталинградской группировки фашистов и продолжавшееся наступление наших войск на юге вливали в нас новую энергию.

Старший лейтенант Бочков с разведчиками Волковым и Синюковым предприняли попытку взять «языка» днем и в неожиданном для противника месте. Они подошли к отвесным скалам Большой Муста-Тунтури, забросили на уступ веревку с крюком и по ней поднялись на сопку. Разрезав проволочное ограждение, разведчики прошли в лощину и обнаружили там дзот. Подползли к нему метров на десять. Из-за скалы вдруг вышел немецкий часовой. Увидев наших, фашист бросил винтовку, прыгнул в траншею и с диким криком помчался назад. Разведчики пустили вслед ему несколько очередей из автомата, затем взорвали огневую точку и благополучно возвратились в свое расположение.

— Эх, жаль фрица не удалось заарканить, — сокрушались они.

В конце февраля на Рыбачий прибыли из Москвы артисты оперетты. Слух об этом моментально распространился в бригаде, и морские пехотинцы одолевали офицеров вопросами — удастся ли им побывать на кон-

церте. Можно понять*бойцов — второй год шла война, людям хотелось на какое-то время отвлечься, побыть в иной обстановке.

Наконец артисты приехали в расположение бригады. Небольшой подземный клуб был набит до отказа счастливыми, выделенными из всех батальонов. Каждый номер программы заканчивался под шквал аплодисментов. Воины горячо благодарили артистов Добролюбова, Графова, Николаеву, Мальцеву и других участников концерта. Долго и с восторгом вспоминали морские пехотинцы московских мастеров искусств.

А на Муста-Тунтури в это время гремели разрывы гранат, строчили автоматы и пулеметы — шел обычный ночной бой...

10 марта взвод разведчиков старшего лейтенанта А. Сидорова, умело преодолев заграждения противника, ворвался в его опорный пункт. Там в это время фашистские саперы сооружали новый дзот. Разведчики забросали их гранатами, убили с десятков немцев, но «языка» взять им не удалось. Взорвав недостроенный дзот, они отошли в свое расположение.

Генерал-лейтенант Кабанов приказал повторить операцию. Следующей ночью в разведку отправился взвод лейтенанта Ремизова, на этот раз к «высоте с пограничным знаком». Дул сильный ветер, мела поземка. С шипением взлетали немецкие осветительные ракеты, периодически раздавались очереди «дежурных» пулеметов противника. На Малой Тунтури, где прошлой ночью действовал взвод Сидорова, шел гранатный бой.

Я подал Ремизову условный сигнал. К колючей проволоке поползли саперы, за ними разведчики. Взмыла очередная ракета, мертвенный голубоватый свет озарил вершину сопки. Наши притаились, а когда ракета погасла, быстро преодолели ничейный участок и сразу же раздался треск автоматов на той стороне хребта. Ахнуло несколько взрывов гранат. Залился пулемет.

Я лежал за камнем и пытался по слуху определить, что там происходит. Хотелось самому броситься на помощь ребятам. Стрельба продолжалась. Но вот на гребне сопки показался один силуэт, за ним второй. Я кинулся навстречу. Один разведчик тащил на себе немца, второй прикрывал его. На душе стало легче.

Приказ выполнен, «язык» взят. Позвонил на КП и доложил комбригу.

— Минуточку, Василий Петрович,— услышал в ответ голос Косатого. Затем в трубке неожиданно зарокотал бас генерал-лейтенанта С. И. Кабанова:

— Со всеми предосторожностями доставить пленного на КП СОРа. От моего имени поздравьте разведчиков с успехом.

А тем временем фашисты открыли массированный огонь. На подступах к хребту рвались десятки мин и снарядов. Вести в таких условиях пленного из опорного пункта было рискованно, и мы укрыли его в землянке. Вскоре в игру вступили наши батареи. Только часа через два огонь прекратился, и разведчики с «языком» благополучно покинули боевое охранение.

Однажды ночью немцы с двух направлений атаковали наш опорный пункт на Большой Муста-Тунтури. Оборонявшие его семь бойцов во главе с сержантом Фуфавым вступили в неравный бой. Трассирующие пули немецких автоматчиков роями носились над бруствером: голову поднять невозможно. Но морские пехотинцы не дрогнули — забросали атакующих «лимонками», а когда те залегли, открыли пулеметный огонь, и атака была отбита.

На другой день гитлеровцы задумали перехитрить защитников этого опорного пункта. Подняв невообразимый шум, крики, они отвлекли на себя внимание наших бойцов, а тем временем с противоположной стороны к нашим позициям подполз фашист с ящиком. Его вовремя обнаружил снайпер Якуничев. Выстрел, и немец ткнулся головой в камни. Боец Гавриленко попытался добраться до ящика, но плотный пулеметный огонь заставил его повернуть назад. Тогда он и сержант Фуфав метнули в этот ящик по гранате. Скалы содрогнулись от мощного взрыва — в ящике была взрывчатка.

30 марта 1943 года из штаба СОРа неожиданно поступил приказ: 254-й бригаде одним батальоном атаковать противника на Малой Муста-Тунтури и высоте 122,0. Выполнять этот приказ подполковник Косатый поручил 2-му батальону под командованием капитана Курносова. По вражеской обороне ударили гаубицы дивизиона Бурмистрова и бригадная артиллерия. Батальон пошел на штурм высот. Немцы открыли встречный огонь. Несколько часов гремела канонада. Наша атака успеха не имела. Под утро поступил приказ отвести батальон в исходное положение.

Уже в конце боя выяснилось, что целью этой операции было отвлечь и сковать здесь часть сил противника на время высадки, осуществлявшейся в другом месте, разведывательных отрядов СОРа под командой капитана А. Я. Юневича и старшего лейтенанта А. И. Кравцова.

Отряд Юневича был высажен на берег фьорда Питкя-Вуоно, километрах в трех-четыре западнее хребта Муста-Тунтури, а отряд Кравцова — еще западнее километра на два-три. Разведчики Юневича в полукилометре от берега были окружены превосходящими силами фашистов, четверо суток вели неравный бой и героически погибли. Из сорока восьмью человек спасся только один — краснофлотец А. И. Бакин, на шестые сутки сумевший переплыть залив на бревне и вернуться к своим.

Иначе сложилась судьба отряда старшего лейтенанта А. И. Кравцова. Разведчики перерезали линию связи, захватили в плен двух егерей, но были обнаружены. Кравцов вызвал по радио огонь наших батарей и сумел отвести свой отряд к месту высадки. Посланная ему на помощь рота автоматчиков отбросила немцев и попыталась выручить отряд Юневича, но не смогла — слишком крупные силы врага окружали разведчиков.

Гибель отважных разведчиков капитана А. Я. Юневича болью отозвалась в наших сердцах. Все мы хорошо знали Александра Яковлевича и его ребят. Анализируя причины этой трагедии, мы еще тогда пришли к выводу, что сам замысел высадки отряда в район, где совсем недавно потерпела неудачу группа разведчиков младшего лейтенанта А. Т. Рудыкина и политрука П. Т. Чебанко, был ошибочным.

Фашисты, конечно же, были наготове, и разведчики сразу оказались в окружении. В то же время отряд старшего лейтенанта Кравцова, высаженный на другом участке берега, в окружение не попал, хотя и был обнаружен.

• * *

Четыре месяца на передовой пролетели незаметно. Непрерывные схватки с противником, ночные гранатные бои, уточнение огневых позиций фашистов занимали все время. За этот период наши разведчики сумели взять только одного пленного. Оборона немцев на хреб-

те Муста-Тунтури была плотной и мощной. Враг, напуганный вылазками разведчиков, был настороже. Ночами над хребтом висели десятки осветительных ракет, строчили пулеметы. Малейшее движение на нашей стороне вызывало интенсивный минометный обстрел.

23—24 апреля 1943 года наша 254-я бригада морской пехоты была переведена на третий боевой участок — полуостров Рыбачий. Нас сменила 12-я бригада полковника В. В. Рассохина. Личный состав этой бригады участвовал в боях на Западной Лице, в десанте на Пикшуевский берег в апреле 1942 года, дважды в сентябре того же года совершал дерзкий рейд на этот же берег. Короче говоря, морские пехотинцы 12-й бригады имели немалый боевой опыт. В шутку бригаду называли «непромокаемой».

Итак, 254-я бригада побатальонно начала перемещаться на третий боевой участок. Штаб бригады и спецподразделения разместились на горе Переметная, где в начале войны находился штаб 135-го стрелкового полка. 1-й стрелковый батальон капитана Г. Е. Ермолаева занял оборону в Цып-Наволоке, 2-й — капитана И. И. Курносова — в Зубовке, на перешейке полуостровов Средний — Рыбачий занял оборону 3-й батальон капитана А. Е. Кашенко, а 4-й — майора Петрова — в Эйно.

Станковые пулеметы разместили в дотах и дзотах на берегу. Стрелковые роты поселились в землянках, поставленных на некотором удалении от огневых точек, но все побережье непрерывно патрулировалось. Первое время мы никак не могли привыкнуть к тишине. Непосредственного соприкосновения с противником части бригады не имели. Только на перешейке и в Эйно были слышны отдаленные глухие раскаты боя, доносившиеся с Муста-Тунтури. Время от времени наш кажущийся покой нарушали сигналы воздушной тревоги.

Наиболее «горячими» точками в тот период были Эйно и перешеек. Сюда частенько наведывались самолеты противника, бомбя причалы Эйно и Восточного Озерко. Беспokoила и вражеская артиллерия с Пикшуевского берега. И хоть североморские летчики патрулировали в небе, фашистские самолеты все еще прорывались к полуостровам. Даже «тихий» Цып-Наволок подвергался бомбежке, как только туда приходили суда. Для защиты от воздушных налетов противника мы ис-

пользовали станковые пулеметы на треногах. Пулеметчикам 1-го батальона повезло — первым самолет фашистов сбил младший сержант Д. Копылов, за что был награжден орденом Отечественной войны I степени. Вскоре сбили и второго пирата. Огонь по нему вели несколько пулеметов, и кто его «приземлил», установить не удалось.

Батальоны проходили усиленную боевую подготовку. Отрабатывали блокировку дотов, атаку опорных пунктов с ходу взводом, ротой, батальоном. Мы были удалены от переднего края, поэтому имели возможность совершать переходы. Бросок в полной выкладке со станковыми и ручными пулеметами до Эйно и обратно составлял более пятидесяти километров. Это требовало и от солдат, и от офицеров большого физического напряжения. Но люди, хотя и утомлялись, были настроены оптимистично — значит недолго до наступления, до разгрома врага на Севере. Победа наших войск на Курской дуге еще больше подняла боевой дух защитников заполярной Малой земли.

Особое внимание мы уделяли боевой выучке разведчиков. Рота пополнилась новыми людьми, и их необходимо было тщательно готовить к предстоящим операциям. Ребята буквально валились с ног от усталости.

Роты в батальонах располагались компактно, и солдаты тесно общались друг с другом, вместе проводили короткие часы досуга. Несмотря на огромную физическую нагрузку, многие охотно участвовали в художественной самодеятельности. Особенно выделялась талантами рота старшего лейтенанта Голубенко. Концерт ее самодеятельных артистов с успехом прошел в батальоне. Затем их пригласили выступить в клубе бригады. Командир батальона капитан Курносов радовался — командование высоко оценило мастерство участников самодеятельности. Но когда роту вызвали для выступления в клубе Северного оборонительного района, комбат забеспокоился:

— Кажется, пропляшет у меня Голубенко роту, — сокрушенно вздыхал он.

В конце августа подполковник Косатый, возвратившись из штаба СОРа, вызвал меня на КП.

— Командующий приказал подготовить разведгруппу для высадки на Пикшуев. По данным разведки, нем-

цы имеют там несколько новых опорных пунктов. Один — «Райтер-Альма» — где-то недалеко от старого Пикшуева. Задача, надеюсь, ясна? Действуй, Василий Петрович, — сказал он.

Я отобрал для операции пятьдесят опытных разведчиков. Доложил комбригу.

— Кто возглавит группу? — спросил он.

— Я сам.

— Ну нет. Твое дело руководить, а не лезть на рожон. Командовать группой будет старший лейтенант Мандриков.

— Но он никогда не бывал на Пикшуевском берегу, да и в тыл к немцам не ходил.

— Ты тоже не бывал на Пикшуевском берегу.

— Но...

— Никаких «но».

В ночь на 6 сентября группа старшего лейтенанта И. Ф. Мандрикова высадилась на берег, занятый врагом. Я оставался в Эйно и с тревогой ждал результатов. Артиллерийские батареи поддержки были наготове. Но ничто не нарушало тишины на том берегу. Даже немецкие ракеты не чертили темноты сентябрьского неба. Наконец радист сообщил, что принял сигнал: нужно посылать катера. На рассвете группу сняли. Старший лейтенант Мандриков, сокрушенно разводя руками, докладывал:

— Облазали весь берег, прошли километров на пять-шесть южнее разрушенного Пикшуева, но ни дозора, даже ни одного фрица не встретили. Пустыня, да и только.

Косатый ходил темнее тучи. Еще бы, разведка не удалась.

Я позвонил начальнику разведки СОРа. Майор Романов, выслушав, сказал:

— Ну, уж и не так безрезультатно. Надо полагать, немцы отсиживаются в своих опорных пунктах, боятся высунуть нос, чтобы не попасть в наши руки. Это уже кое-что да значит.

Штаб СОРа приказал снова готовить группу разведчиков для высадки на тот же участок берега. Приказано было послать не менее двухсот человек.

— Командовать отрядом будет командир третьего батальона капитан Кашенко, — приказал командир бригады.

— Офицер он, конечно, опытный, но уж слишком осторожный. Разрешите мне возглавить отряд.

И снова отказ.

11 сентября подполковник Косатый прибыл в Эйно. Я доложил, что наш отряд усилен разведчиками СОРА под командой старшего лейтенанта И. П. Барченко-Емельянова, который заменил погибшего Юневича. Теперь сводный отряд насчитывал около трехсот человек. Действия разведчиков в случае необходимости поддержат своим огнем четыре батареи 104-го артиллерийского полка. И задача отряда была иной — найти и полностью разгромить опорный пункт немцев «Райтер-Альма». Руководство операцией генерал-лейтенант Кабанов возложил на Косатого.

В полночь пять морских охотников вышли из Эйно с разведчиками на борту. Высадка прошла удачно, противник не противодействовал. Но из-за ошибки командира одного из катеров группа Барченко-Емельянова была высажена севернее основных сил почти на километр и поэтому не могла, как планировалось, возглавить весь отряд. Капитану Кашенко ничего не оставалось делать, как послать вперед роту разведки нашей бригады. Впереди шли саперы, разминировали путь. Следом двигался первый взвод. Второй взвод, шедший следом, чуть отклонился в сторону и попал на минное поле. Загремели взрывы. Взвод понес потери.

Внезапность и скрытность обеспечить не удалось, и в сложившейся обстановке Косатый приказал Кашенко отходить, забрав раненых и убитых. Уже стало светло. Мы в Эйно наблюдали за Пикшуевским берегом, ожидая, что вот-вот начнется бой. Артиллеристы, готовые открыть огонь, находились у орудий. Но, к нашему удивлению, Кашенко доложил, что его никто не преследует, — немцев до сих пор нигде не видно.

А в это время на Эйно налетели десять «фокке-вульфов» и начали бомбить и обстреливать стоявшие в бухте морские охотники. Получил повреждение МО-113. Из-за этого отряд Кашенко удалось снять только ночью.

Косатый был зол. Он возбужденно шагал из угла в угол землянки и ругался на чем свет стоит.

Группа Барченко-Емельянова все же достигла некоторого успеха. Разведчики установили, что опорный пункт «Райтер-Альма» оборудован на высоте 215,0. Это километрах в восьми южнее мыса Пикшуев. Все под-

ступы к нему, дальние и ближние, сильно заминированы. В прошлый раз группа Мандрикова не дошла до него каких-нибудь два километра.

Как говорится, нет худа без добра: мы поняли, что оборона противника перенесена вглубь и стала недосыгаемой для огня нашей артиллерии.

Вскоре на Рыбачий прибыла комиссия из Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР. Она досконально изучила боевую деятельность, организацию обороны и выучку личного состава частей и соеди-

нений Северного оборонительного района. А через несколько дней командующим СОРОм был назначен генерал-лейтенант Ефим Тимофеевич Дубовцев, входивший в состав комиссии. Сергей Иванович Кабанов убыл на Дальний Восток — его назначили начальником береговой обороны Тихоокеанского флота.

В апреле 1944 года наша 254-я бригада морской пехоты должна была снова перейти на первый боевой участок. Еще в начале года у нас произошла перемена в командовании: взамен убывающего к новому месту службы подполковника С. А. Косатого командиром бригады был назначен полковник А. С. Потапов. До этого он командовал 255-й бригадой морской пехоты Черноморского флота. Его бригада участвовала в боях за Новороссийск. В сентябре 1943 года во время десанта на Малую землю полковник был ранен и прибыл к нам -после лечения из госпиталя. Таким образом, с одной Малой земли — южной, он попал на другую Малую землю — северную. Забегая вперед, скажу, что Потапову не повезло и у нас: в конце июня 1944 года, находясь на наблюдательном пункте 254-й бригады, которая тогда находилась на первом боевом участке, он попал под артиллерийский обстрел, был ранен и эвакуирован

с Рыбачьего. Командиром бригады назначили полковника В. В. Бахвалова.

В апреле мне позвонили из штаба бригады и приказали срочно явиться на КП. Направляясь туда, я пытался угадать причину вызова. Что за поспешность? Или намечается новая высадка разведчиков? Раньше Косатый просто говорил: «Зайди ко мне», а теперь начальство новое и — «приказано явиться». Явился. Начальник штаба достал из папки бумагу.

— Вы командируетесь на учебу. Дела разведчасти сдайте своему заместителю капитану Демину.

Я изумленно молчу.

— Что, от радости в зобу дыханье сперло? — улыбается майор.

— Какая тут радость? Лучше бы уж довоевать здесь до победы. Может, обратиться к командующему?

— Приказ командующего Северным флотом адмирала Головки. Не печалься, еще на твою долю войны хватит.

Передал дела Демину, распрощался с товарищами. В Эйно, вместе с другими офицерами, направленными на учебу, сел на катер. Заработал двигатель.

— Малый, вперед! — слышалась команда.

Я вышел на палубу. Сумерки окутывали окрестные сопки. Катер отвалил от стенки и медленно шел к выходу из бухты. Машинально достаю папиросу.

— На палубе. Не курить! — слышится из рубки.

Катер выходит в Мотовский залив. Начинает покачивать. Мимо проплывают скалистые, укутанные снегом, такие знакомые и родные берега Рыбачьего. На палубу поднимаются еще несколько офицеров. Мы жадно смотрим на удаляющиеся берега полуостровов, на берега, где прошла наша военная молодость. Многие наши товарищи по оружию навечно остались здесь. Над Муста-Тунтури взлетают осветительные ракеты, видим вспышки — там идет бой...

Внезапно налетевшая стена мокрого снега, смешавшись с сумраком, размывает очертания скалистых берегов. Вот они совсем исчезли, словно провалились в ночь.

— Прощайте, скалистые горы, — говорит кто-то.

Мы молча стоим на палубе. Заряд снега проходит. За кормой катера остается слегка светящаяся кильватерная струя.

Прощай, Рыбачий!

На Рыбачий я не вернулся. После учебы воевал в других частях. Но где бы я ни был, всегда с жадностью читал вести с таких далеких и таких мне близких полуостровов.

В сентябре 1944 года моя родная 254-я бригада морской пехоты была расформирована. Ее личный состав пополнил ряды других частей Северного оборонительного района.

А в октябре 1944 года, в дни Петсамо-Киркенесской операции, морские пехотинцы, пулеметчики и артиллеристы Рыбачьего разгромили и отбросили противостоявшую им дивизионную группу немцев «Петсамо», участвовали в захвате военно-морской базы гитлеровцев в Линахамари, в освобождении Печенги и Киркенеса. Так закончилась тысячедвухсотдневная героическая эпопея Рыбачьего.

• НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Отгремели раскаты фронтовой канонады, отгрохотали залпы победных салютов. Все дальше уходят в прошлое огненные годы Великой Отечественной войны. Но человеческая память бережно хранит все, что связано с событиями тех далеких лет. Никогда не забыть нам, фронтовикам, боевых товарищей, с которыми рядом ходили в атаку, с кем делили радость побед и горечь утрат.

Война сплотила нас в единый монолитный коллектив. В суровом заполярном краю, в гранитных сопках Муста-Тунтури под свист пуль и визг осколков мы мужали и обретали воинскую зрелость. Здесь поднимались мы в первую в своей жизни атаку, здесь склоняли свои головы над могилами павших в боях наших товарищей. Тысячи их, оставшихся вечно молодыми, покоятся в скалистой земле Рыбачьего.

А тех, кто остался в живых, жизнь разбросала по разным уголкам нашей необъятной Родины. В первые мирные годы, занятые своими повседневными делами и заботами, мы редко вспоминали ушедшую в историю войну. Да мы еще и не могли полностью осознать, что совершили наши солдаты в те грозные годы. Большое видится на расстоянии: чем больше проходит времени, чем дальше уходят от нас те героические дни и ночи, тем отчетливее и ярче ощущаем мы величие подвига защитников Рыбачьего.

Летят годы. Мы стареем. И с возрастом все ярче встают в памяти дни былых сражений, лица друзей. Все настойчивее становится желание встретиться с ними, поговорить. Труднейшая служба в годы войны на Рыбачьем осталась для нас дорогим воспоминанием о бескорыстной мужской дружбе. Потому-то, спустя десятилетия, мы начали искать друг друга: узнавали адрес одного, тот сообщал адрес другого. Письма, статьи в газетах, телевидение и радио снова объединили нас. Так стали известны судьбы многих ветеранов Рыбачьего.

Время беспощадно. Многих уже нет в живых, и с каждым годом редеют наши ряды. После войны скончался генерал-лейтенант в отставке Даниил Ефимович Красильников, первый комендант Рыбачьего, которому так многим обязаны мы все. В марте—июне 1942 года он командовал прославленной 10-й гвардейской дивизией, а затем был заместителем командующего войсками 14-й армии.

В 1970 году в Киеве умер бывший командир 135-го стрелкового полка генерал-майор в отставке Михаил Казимирович Пашковский.

В июне 1973 года в Ленинграде скончался генерал-лейтенант в отставке Сергей Иванович Кабанов. Вскоре после войны мне довелось служить под его началом на одной из наших военно-морских баз, куда его перевели с Дальнего Востока. Мы часто встречались и вспоминали наш незабываемый Рыбачий.

Нет в живых и генерал-майора Георгия Андреевича Жукова, второго коменданта 23-го укрепленного района. Военная служба свела меня с ним еще раз, уже после войны. Встречаясь, мы неоднократно беседовали о годах войны в Заполярье.

Смерть не пощадила бывшего начальника оперативной части штаба 254-й бригады морской пехоты полковника Федора Сергеевича Хвостовского; бывшего секретаря партбюро 135-го полка, а затем командира 1-го батальона 254-й бригады подполковника Григория Ермолаевича Ермолаева и комсорга полка Сережу Федорова. Они умерли после войны. В мае 1976 года не стало моего бывшего заместителя по разведчасти бригады Ивана Ивановича Демина. В июле того же года скончался второй командующий войсками СОРа генерал-лейтенант в отставке Ефим Тимофеевич Дубовцев. В январе 1977 года в Рязани ушел из жизни бывший командир 2-й батареи 241-го гаубичного артполка Александр Иванович Селиверстов, краткие воспоминания которого приведены в этой книге. Все уже и теснее становится круг друзей-рыбачинцев.

135-й стрелковый полк пополнялся в Вологде, поэтому в его составе было много местных жителей. Выйдя в запас, многие из них возвратились в родные края. В Вологде и области живут подполковники Александр Николаевич Илюшичев, Иван Андреевич Тимофеев и многие другие.

Многие ветераны, выйдя в отставку, и поныне продолжают трудиться в народном хозяйстве страны. В Череповце живет и работает подполковник А. М. Зубарев, в Нальчике — подполковник Г. В. Копничев, в Туле — подполковник М. Х. Бурмистров, в городе Энгельсе — полковник А. Д. Белоус, в Воронеже — полковник Л. Б. Реут. Наш начальник инженерной службы А. Т. Лебедев стал художником, живет и трудится в Москве.

Лихой в прошлом разведчик, капитан в отставке Федор Митрофанович Бочков, начинавший войну рядовым, уйдя в запас, долгие годы трудился на Норильском никелевом комбинате, а сейчас находится на заслуженном отдыхе, живет в Воронеже.

От рядового до старшего лейтенанта прошел путь Петр Иванович Терентьев. Закончил войну на Дальнем Востоке. Демобилизовавшись, работал на шахте в Воркуте. К пяти боевым орденам у него прибавился орден Трудового Красного Знамени. Он пенсионер, живет в Краснодаре.

В Воронежской области проживает бывший заместитель командира разведроты 254-й бригады морской пехоты В. Ф. Ельчанинов. Начав войну рядовым, он закончил ее капитаном.

Многие ветераны Рыбачьего поселились в Ленинграде. На заслуженном отдыхе здесь бывший командир сводной батареи, а ныне генерал-лейтенант артиллерии в отставке Яков Дмитриевич Скробов. Войну он закончил в Праге начальником штаба артиллерии Первого украинского фронта. Яков Дмитриевич ведет большую общественную работу, часто выступает в печати.

В Ленинграде живут и бывший командир 1-го батальона 135-го полка полковник в отставке Антон Тимофеевич Лоханский, бывший командир 2-й минометной роты полка подполковник в отставке Иван Сергеевич Трегубов, бывший политрук 1-й роты капитан в отставке Валентин Егорович Горбунов, бывший политрук 6-й роты, ныне капитан первого ранга в отставке Александр Родионович Фокин, бывший командир разведотряда СОРа Герой Советского Союза Иван Павлович Барченко-Емельянов и многие другие рыбачинцы.

Более ста ветеранов Рыбачьего, полюбив этот суровый край, который они защищали, остались жить в Мурманске. И среди них — бывший комиссар 2-го ба-

Мемориал защитникам Рыбачьего в Восточном Озерко

тальона 12-й бригады морской пехоты полковник в отставке Афанасий Дмитриевич Гальченко.

Верность традициям Рыбачьего пронесли ветераны через годы жизни своей — непростой и нелегкой. И сейчас они в строю — ведут большую и нужную работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, встречаются со школьниками и молодыми воинами, выступают на предприятиях и в учреждениях, рассказывая о бессмертном подвиге своих боевых товарищей.

Герои не умирают. Они живут в памяти народной. Трудящиеся Мурманска и области не забыли тех, кто защищал Заполярье и не дожил до великого праздника Победы. Они бережно, с любовью и уважением хранят память о подвигах воинов в годы Великой Отечественной войны. Многие улицы Мурманска носят имена героев и воинских частей: улица Генерала Журбы, улица Генерала Фролова, улица Шестой комсомольской батареи, улица Героя Советского Союза Генералова, улица Героев Рыбачьего, проспект Героев-североморцев.

На местах боев, на могилах воинов воздвигнуты памятники и обелиски, увековечившие подвиг воинов Заполярья. Не забыты и герои Рыбачьего: памятники им сооружены на воинских кладбищах Восточного и Западного Озерко, на месте огневой позиции батареи Кос-

мачева-Поночевного, на перевале; установлен обелиск на берегу губы Малой Волоковой.

29 июля 1972 года на Рыбачьем торжественно открыт сооруженный молодежью Мурманска и студентами строительного отряда ленинградских вузов величественный мемориал защитникам «гранитного линкора». На мраморных досках увековечены имена наших боевых товарищей, отдавших свою жизнь за Родину. Ленинградские студенты доставили капсулу с землей Пискаревского кладбища и замуровали ее в памятник. Подвиг блокадного Ленинграда как бы перекликается с подвигом блокированного Рыбачьего.

Не зарастает народная тропа к мемориалу. Каждое лето от причала морского вокзала Мурманска отходят теплоходы с экскурсантами. Они направляются на Рыбачий, чтобы отдать почести тем, кто покоится в братских могилах. В экскурсиях нередко принимают участие и те, кто с оружием в руках отстаивал эту скалистую землю. Приезжают не только мурмаычане, но и ветераны, живущие далеко от Заполярья. Их зовет сюда память о павших товарищах.

У подножия Муста-Тунтури воинское кладбище: семьдесят восемь каменных плит с касками на них. Металлическая ограда прячется в буйных зарослях кустарников. В 1979 году здесь сооружен обелиск с мемориальными досками, на которых увековечены имена павших.

Время не стерло следов войны на Муста-Тунтури. У амбразур наших дзотов до сих пор попадают гильзы, стабилизаторы мин и осколки, осколки... Много их всех размеров, этих немых свидетелей былых боев...

Кажется, все осталось таким, как и в годы войны. Впрочем, не все. Обвалились, осели землянки, осыпались траншеи и ходы сообщения. Низкорослый кустарник в «долине смерти», вырубленный на топливо, сменился высоким березовым лесом, выросшим на взрыхленной взрывами скалистой почве.

Встречи ветеранов Рыбачьего на полуостровах уже стали традицией. Для нас каменистые кручи и обрывистые сопки — память о нашей военной молодости и острая боль о товарищах, павших в боях. Мы помним все — и день первый, и день 1201-й. И очень хорошо, что об этом знают и помнят те, кто родился после Победы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I. Между двумя войнами	7
Глава II. Война!	24
Глава III. Позади нас только море	40
Глава IV. Выстоять!	91
Глава V. Северный оборонительный район	130
Глава VI. Никто не забыт, ничто не забыто	155

Василий Петрович Барболин

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ РЫБАЧИЙ

Литературная запись С. И. Полозова

Редактор С. К. Богатинова. Художественный редактор В. С. Жаркое. Технический редактор А. Ф. Сергеев. Корректор В. П. Рябинина.

Сдано в набор 04.06.80. Подписано в печать 24.10.80. ПН-01134. Формат 84х108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,44. Тираж 10.000. Зак. 5150. Цена 40 коп. Мурманское книжное издательство, г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Мурманская областная типография, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18